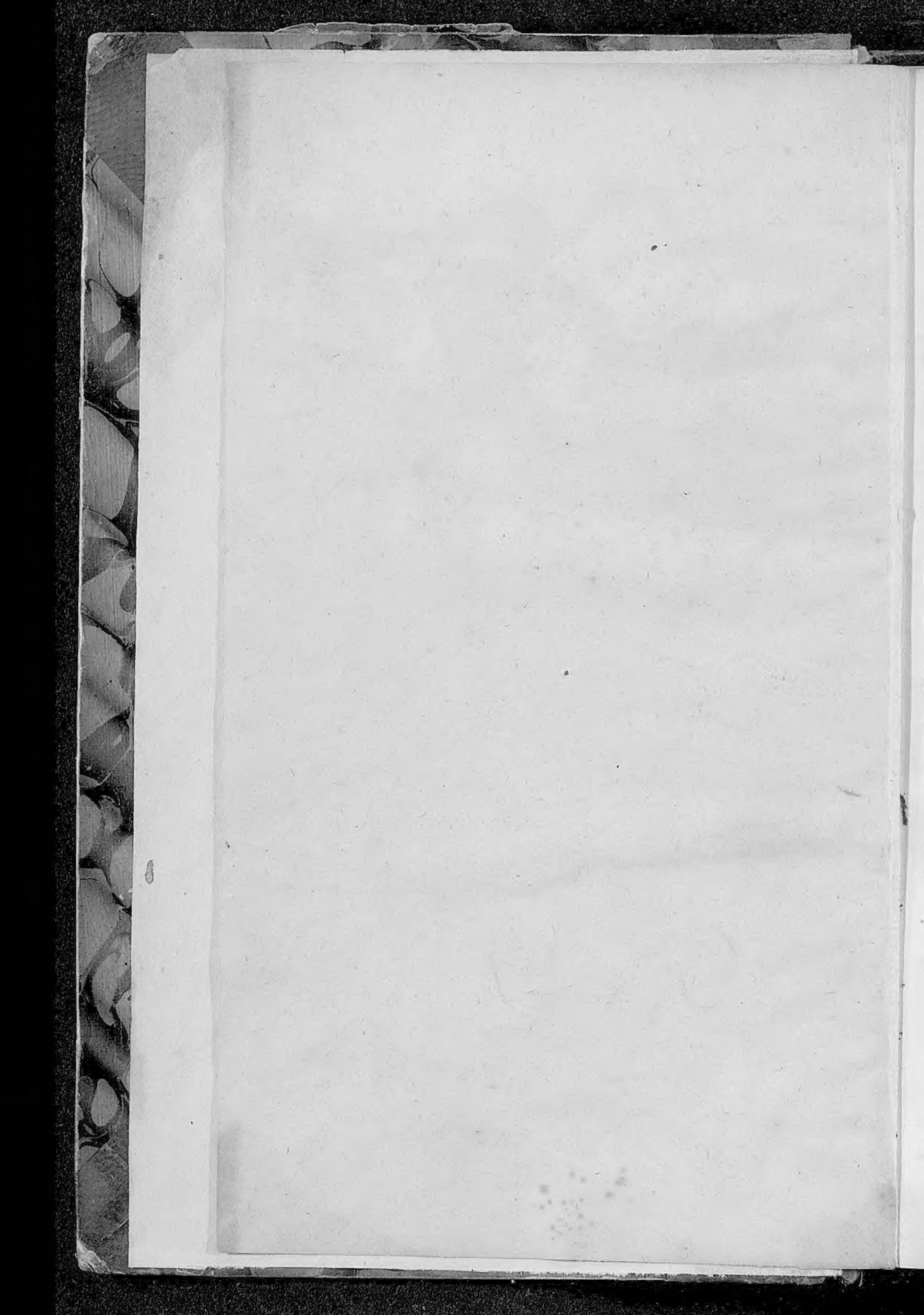

ИСТОРІЯ

ПЕТРА ВЕЛИКАГО.

I.

ИСТОРІЯ

ПЕТРА ВЕЛИКАГО.

СОЧИНЕНІЕ

НИКОЛАЯ ПОЛЕВАГО.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ типографіи К. Жернакова.

1843.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ, 22-го Августа, 1842 года.

Ценсоръ *П. Корсаковъ*.

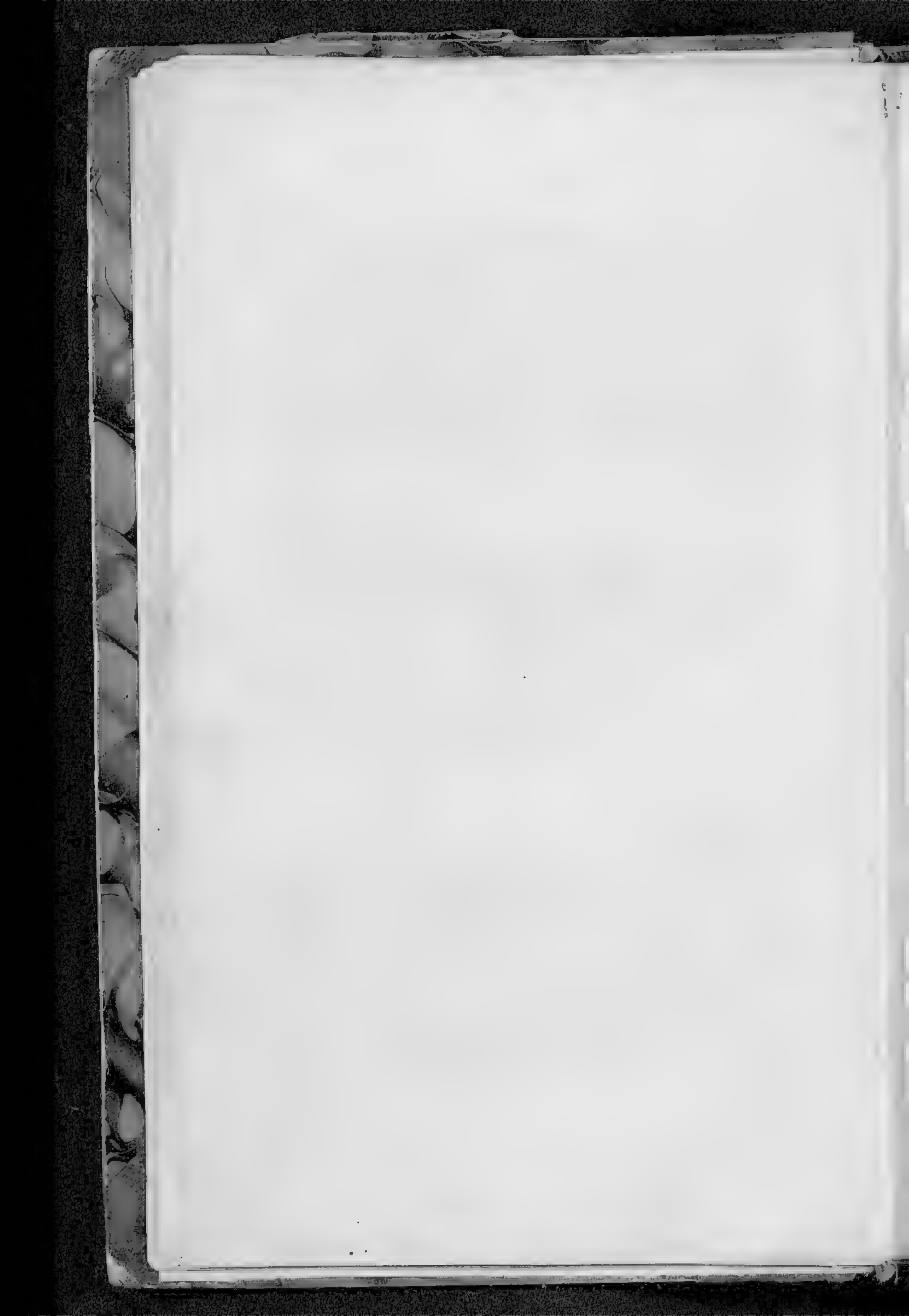
РОДИНѢ

ПЕТРА ВЕЛИКАГО,

ПЕРВОПРЕСТОЛЬНОЙ

МОСКВѢ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

РАЗСКАЗЪ ПЕРВЫЙ.

РОЖДЕНІЕ, ДѢТСТВО, ВОЦАРЕНІЕ ПЕТРА ВЕЛИКАГО. БУНТЪ СТРѢЛЬЦОВЪ.

1672 — 1682 г.

Сей будетъ велій!

Когда въ Европѣ, послѣ волненій Реформаціи, наступилъ *вѣкъ Людовика XIV-го,* вѣкъ новыхъ политическихъ переворотовъ, предпослѣдній періодъ новѣйшей Европейской исторіи, время Монархіи въ политикѣ, Классицизма въ искуствахъ, опыта и анализа въ наукахъ, и въ Россіи, дотолѣ чуждой Европѣ, совершились событія достопамятныя. Въ началѣ XVII вѣка, когда Франція и Императоръ состязались между собою за первенство въ Европейской іерархіи; Голландія и Англія разрушали власть Испаніи въ другихъ частяхъ свѣта; въ сѣверной Германіи созидалось новое царство, Пруссія; Швеція

являлась сильнымъ государствомъ на сѣверѣ, укрѣпленная мечемъ Густава Адольфа; Польша жила послѣднимъ дыханіемъ своей политической жизни; Оттоманская имперія истощалась въ безполезныхъ усиліяхъ удержаться на степени великихъ державъ Европейскихъ, въ Россіи прекратилась древняя династія Рурика и Мономаха смертью Ѳеодора, сына *перваго Русскаго царя*, Грознаго Іоанна. Престолъ Русскій былъ передaнъ злодѣйствомъ и крамолою потомку Татарскаго мурзы, первому среди тогдашнихъ бояръ Русскихъ, Борису Годунову. Явился Самозванецъ, мститель похитителю царскаго вѣнца, погибъ въ кровавой бурѣ междоусобій, увлекъ за собою въ могилу родъ Годунова, погубилъ царя Василія Шуйскаго, схватившаго упадшій съ головы Годунова вѣнецъ, и предалъ взволнованную измѣнами Русскую землю вѣроломной жадности сосѣдей. Польша и Швеція устремились на расхищеніе Русской земли. Древній вѣнецъ Рус-

скихъ Царей былъ отдаваемъ мятежниками на выборъ чужеземнымъ князьямъ — королевичу Польскому, принцу Шведскому. Но возстало православіе, закипѣла любовь къ родинѣ, явилась на битву сила Русская, изгнаны были враги, умирена Россія. Любовь и надежда народа возвели на тронъ царскій благодатный родъ Романовыхъ, драгоцѣнный Русской землѣ памятью Анастасіи Романовой, первой супруги Іоанна Грознаго, нѣкогда бывшей ангеломъ хранителемъ царя Россіи и его подданныхъ. Юный царь Михаилъ и мудрый родитель его, патріархъ Филаретъ, обновили и благословили Россію на новую великую судьбу своими добродѣтелями. Имъ наслѣдовалъ царь Алексій, и Россія, за пятдесятъ лѣтъ стоявшая на краю погибели, снова явилась сильною и страшною сосѣдямъ, подобно Россіи времени Іоанновъ.

Царь *Алексій Михайловичъ* родился въ 1629-мъ году. Въ 1645 году вступилъ онъ на престолъ по кончинѣ родителя и пока-

залъ великія дарованія царскія. Начало его правленія ознаменовалось составленіемъ книги Русскихъ законовъ, или *Уложенія.* Принявъ самъ правленіе Русскимъ царствомъ, вспомоществуемый совѣтами друга своего, патріарха Никона, онъ исторгъ изъ-подъ ига Польскаго области Малороссійскихъ казаковъ и вошелъ въ сношенія съ Европою и Азіею. Послы его являлись въ Парижѣ, Мадритѣ, Гагѣ, Вѣнѣ, Лондонѣ, Берлинѣ, Испагани и Пекинѣ. Царь Алексій началъ въ Россіи кораблестроеніе; учреждалъ регулярные полки; думалъ о просвѣщеніи народа. Въ 1654 году царь Алексій объявилъ войну Польшѣ, оружіемъ возвратилъ Россіи Смоленскъ и Кіевъ, и подкрѣпляемый своими регулярными полками, дружинами казаковъ, Крымомъ и Швеціею, овладѣлъ почти всею Литвою. Но рѣшительности на великіе подвиги недостаточно, если сила генія не крѣпитъ ее и не ручается за совершеніе предположеннаго дѣла. Война, начатая столь славно, кончилась нео-

жиданными послѣдствіями. Казалось, Алексій слишкомъ много довѣрилъ силамъ Россіи, еще не укрѣпленной послѣ недавнихъ бѣдствій, ею претерпѣнныхъ. Отчаяніе оживило Поляковъ. Лукавая политика отвлекла Россію отъ союза съ Швеціею. Казаки Малороссійскіе вѣроломно измѣнили царю Алексію и возстали противъ Россіи, когда внутреннія смятенія, бунтъ Башкировъ и возмущеніе Донскихъ казаковъ, расколы, произведенные неумѣренною ревностью Никона, и волненія народныя, причиненныя тягостью войны, начали тревожить Русскую землю. Неудачная война съ Швеціею; потери въ битвахъ съ Польшею; подданство казаковъ Султану Турецкому и опустошительные набѣги Крымцовъ, принудили Алексія примириться съ Швеціею (въ Кардисѣ, въ 1661 году) и съ Польшею (въ Андрусовѣ, въ 1667 году). Царь, какъ будто былъ утомленъ бурнымъ государствованіемъ; въ лѣтахъ, еще далекихъ отъ старости, онъ желалъ мира и спокой-

ствія—оставилъ свои преобразованія; отказался отъ завоеваній, удерживая только Кіевъ и Смоленскъ; отвергъ неукротимаго Никона; не думалъ о своихъ регулярныхъ войскахъ и кораблестроеніи; старался только усмирять бунты и возмущенія, сокрушаясь о несбывшихся надеждахъ на царствованіе болѣе славное, болѣе благоденственное. Прискорбіе царя Алексія умножила потеря Царицы супруги и Царевича старшаго сына, юноши надеждъ великихъ. Грустно было Царю видѣть, что кромѣ царевенъ дочерей, у него оставались два сына, царевичи Ѳеодоръ и Іоаннъ, оба кроткіе и благочестивые, но въ лѣтахъ весьма юныхъ, оба слабые здоровьемъ, чуждые воинскихъ способностей и дарованій необходимыхъ государю, когда въ Польшѣ избранъ былъ тогда на престолъ королевскій храбрый полководецъ Іоаннъ Собіескій, въ Швеціи царствовалъ суровый Карлъ XI-й, Оттоманы угрожали войною за казаковъ, предводимые на поляхъ битвъ

храбрымъ визиремъ Купругли-пашею. Можно было думать, что снова настаютъ времена сомнительнаго бытія Русскаго царства.

Тогда угодно было судьбамъ Божіимъ послать въ Россію *избранника*, да совершитъ дѣло вѣковъ, исполнитъ, о чемъ едва только помышляли прежніе Цари Русскіе, и утвердитъ и возвеличитъ Русскую землю: сей избранникъ Божій былъ — Петръ Великій.

Въ числѣ царедворцовъ Алексія находился любимецъ его, не знатнаго рода и не чиновный, но храбрый воинъ на поляхъ брани, умный совѣтникъ въ Царской Думѣ, начальникъ царскихъ потѣхъ, *Артамонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ*, почти ровесникъ Царю и необыкновенно образованный. Царь любилъ его, не разставался съ нимъ. «Пріѣзжай скорѣе,» писалъ къ нему Алексій, когда однажды Матвѣевъ отлучился изъ Москвы на короткое время—«безъ тебя не кому за моими

дѣтьми присмотрѣть, а мнѣ посовѣтоваться не съ кѣмъ.» Вопреки строгому чиноположенію и уставу дворскому, по которымъ не только самъ Царь Русскій ни къ кому не ѣзжалъ, но и предъ *свѣтлыя царскія очи* допускались только немногіе высшіе бояре и ближніе люди, кромѣ дней торжественныхъ, Алексій запросто посѣщалъ домъ Матвѣева (бывшій въ Москвѣ въ приходѣ Николы въ Столпахъ, гдѣ нынѣ Армянскій переулокъ), проводилъ съ нимъ вечера въ бесѣдѣ, тѣшился у него музыкою и *Нѣмецкою Комидіею*, гдѣ иногда представляли, *какъ Юдиѳь отрубила голову Олоферну;* изображали *въ лицахъ* исторію трехъ Вавилонскихъ Отроковъ, или повѣсть о Блудномъ Сынѣ, и вмѣсто балета, Орфей плясалъ съ двумя пирамидами, проговоря Царю привѣтствіе:

Dein verstand und helden macht
Kan uns zubereiten,
Nach der langen kriegesnacht,
Guldne friedenszeiten. *

* Твоя мудрость и твое геройство могутъ осчастливить насъ, послѣ долгой нощи браней, златымъ мирнымъ временемъ.

Послѣ потери супруги царь Алексій особенно часто бывалъ у Матвѣева, какъ будто судьба влекла его, и однажды пожелалъ онъ остаться у него ужинать, безъ чиновъ, съ его семействомъ. Къ ужину вышли жена, сынъ Матвѣева, и незнакомая Царю дѣвушка, юная, скромная, прелестная. Царь былъ плѣненъ красавицею. Необыкновенно веселый, онъ шутилъ, спрашивалъ объ ней, узналъ, что незнакомая ему дѣвушка была дальняя родня Матвѣева, *Наталія*, дочь *Кирила Нарышкина*, заслуженнаго, но бѣднаго дворянина, и шутя обѣщалъ сыскать ей хорошаго, богатаго жениха.—«Ты не забылъ моего обѣщанія сыскать Наталіи жениха?» спросилъ Царь у Матвѣева черезъ нѣсколько дней. «Я сдержалъ свое слово и жениха ей нашелъ.»— Матвѣевъ спросилъ объ имени избраннаго. «Я женихъ ей,» отвѣчалъ Царь. Матвѣевъ повергся къ ногамъ его, умоляя отмѣнить намѣреніе, и говоря, что враги, и безъ того ищущіе случая погубить его, почтутъ избраніе Наталіи

хитрымъ умысломъ его возвыситься надъ всѣми другими царедворцами. Царь успокоилъ своего друга, и желая отвратить всякое подозрѣніе въ своемъ выборѣ, изъявилъ главнымъ вельможамъ своимъ желаніе сочетаться вторымъ бракомъ съ достойною подругою. Приступили къ обыкновенному выбору невѣсты. Со времен Іоанна Грознаго Цари Русскіе избирали въ супружество дочерей своихъ подданныхъ. По обычаю собрано было въ Кремлевскій дворецъ *шестдесятъ* красавицъ со всей Москвы, дочерей боярскихъ, и въ числѣ ихъ нѣсколько незнатныхъ дѣвицъ, отличенныхъ красотою и умомъ. Во время угощенія явился среди нихъ Царь, любовался собраніемъ невѣстъ своихъ, говорилъ съ ними, узнавая въ разговорѣ ихъ умъ и разумъ, самъ подчивалъ ихъ, и указалъ боярамъ на ту, которую полюбилъ не въ дорогомъ уборѣ и не въ золотѣ — *Наталію Кириловну Нарышкину*. Она находилась въ числѣ другихъ дѣвицъ, приглашенныхъ въ царскіе чертоги.

Гнѣвъ и злоба за выборъ встревожили многихъ, и особенно родственниковъ умершей Царицы, бояръ Милославскихъ, бывшихъ дотолѣ временщиками и первыми вельможами при царскомъ Дворѣ. Они предвидѣли, что Матвѣевъ и родственники Наталіи замѣстятъ ихъ, и будутъ отнынѣ болѣе близкими любимцами Царя. Но никто не смѣлъ противиться царскому выбору. Свадьбу царскую отпраздновали Января 22-го 1671 года.

Предвидѣнное Милославскими вскорѣ оправдалось на дѣлѣ. Матвѣевъ и родственники молодой Царицы, страстно любимой Царемъ, прекрасной, умной, кроткой, благодѣтельной, сдѣлались первыми сановниками при Дворѣ. Царь, обременяемый заботами по государственному правленію, и не смотря на свою тучность и нестарые годы, часто больной, въ семейныхъ радостяхъ находилъ отраду. Его супруга, родитель ея и братья, Матвѣевъ и немногіе друзья ихъ окружали Царя, среди нихъ забывавшаго болѣзнь свою, душевныя скорби и

крамолы прежнихъ любимцовъ. Чудныя предвѣщанія возвѣстили царю Алексію рожденіе сына. Былъ тогда въ Москвѣ инокъ Симеонъ, выѣхавшій изъ Полоцка, когда Руские завоевали сей городъ, въ 1656 г. Царь узналъ умъ и великую ученость Симеона, и опредѣлилъ его наставникомъ сына своего, царевича Ѳеодора. Симеонъ Полоцкій былъ богословъ, піитъ, звѣздочетъ, учился въ Италіи, извѣдалъ Эллинскую премудрость. Внезапно явился онъ къ Царю и предсказалъ ему, что по теченію звѣздъ открылъ рожденіе сына царскаго, воина великаго, государя мудраго; что имя ему будетъ *Петръ*, и слава его высоко взойдетъ звѣздою лучезарною и освѣтитъ весь міръ. Въ Москвѣ жилъ еще тогда нѣкій юродивый мужъ, почитаемый въ народѣ за его благочестіе, презрѣвшій суеты міра, великій провидѣцъ сокрытаго отъ другихъ. Царь Алексій зналъ его, уважалъ, радовался, когда юродивый мудрецъ приходилъ въ его царскіе чертоги. Неожиданно явился юродивый въ цар-

скій теремъ, увидѣлъ вмѣстѣ Царя и Царицу, и сказалъ Царицѣ, что пришелъ привѣтствовать *Царя Великаго*. Наталія указала ему на своего супруга. «Побольше мужа твоего вижу я царя въ утробѣ твоей!» воскликнулъ юродивый—«родится отъ тебя *Пахомъ съ большимъ костылемъ* и всѣ его бояться будутъ!» Такъ явно разсказывали по Москвѣ о всѣхъ сихъ чудесныхъ предвѣщаніяхъ, что жившій тогда въ царской столицѣ, ученый Голландецъ Генизій писалъ о томъ къ другу своему Гревію въ Утрехтъ, и получилъ въ отвѣтъ, что и Голландскіе астрологи, слыша о рожденіи Русскаго Царевича, предвѣщаютъ въ немъ Россіи царя войнолюбиваго и мудраго.

Мая 30-го 1672 года, рано утромъ, Симеонъ Полоцкій пришелъ во дворецъ царскій, засталъ Царя въ великой печали и воскликнулъ: «Не унывай, но молись, да продлятся еще мученія и скорби Царицы!»— Безумный!—отвѣчалъ ему Царь гнѣвно—уже она едва жива! «Молись!» продолжалъ Симеонъ, «и знай,

Царь православный, что каждый лишній часъ скорби матери прибавитъ лѣта жизни Царевичу!» Но Царя уже спѣшили обрадовать вѣстью о рожденіи сына. Царь Алексій нарекъ новорожденнаго: *Петръ*, по предсказанію Симеона—имя дотолѣ небывалое въ царскомъ родѣ. Счастливый отецъ поспѣшилъ къ своей Царицѣ и послалъ въ Успенскій соборъ служить молебенъ за здравіе новорожденнаго. Тамъ уже съ самой ночи возносимы были молитвы о спасеніи жизни Царицы, и прежде прихода царскаго вѣстника имя *Петра*, по неизвѣстному внушенію, діаконъ произнесъ на ектеніи, вмѣстѣ съ именами царевичей Ѳеодора и Іоанна. Онъ самъ говорилъ потомъ съ клятвою, что не знаетъ, кто велѣлъ ему молиться о новорожденномъ Царевичѣ и назвалъ его по имени. Такъ вѣра и надежда народа облекали таинственными предвѣщаніями колыбель Петра Великаго.

Царь всенародно благодарилъ Бога въ первопрестольномъ храмѣ Московскомъ, Успенскомъ

соборѣ. Потомъ повелѣлъ призвать во дворецъ свой царедворцовъ, военныхъ, гражданскихъ чиновниковъ, почетныхъ гостей торговыхъ, избранныхъ людей изъ всего народа, милостиво и ласково слушалъ привѣты ихъ, подчивалъ ихъ *Фряжскими винами* и *яблоками* изъ своихъ *царскихъ садовъ*. Іюня 28-го крестили новорожденнаго Царевича въ Чудовомъ монастырѣ, передъ гробницею Алексія митрополита; воспріемникомъ его былъ царевичъ Ѳеодоръ, воспріемницею благочестивая Царевна, тетка его, Ирина Михайловна. Нянюшка, княгиня Ульяна Ивановна Голицына, «вдова честная рода знаменитаго,» принесла его къ купѣли. Радостно пировали на другой день въ царскихъ чертогахъ. Широкіе столы гнулись подъ *ста двадцатью* золотыми и серебряными блюдами, тяжелыми кружками и братинами, двухъ-пудовыми сахарными лебедями, сахарнымъ городомъ Кремлемъ, хитро сдѣланнымъ, съ пушками и со всякимъ воинскимъ приборомъ. Царь угощалъ, дарилъ

своихъ гостей, не забылъ нищихъ и сиротъ, послалъ богатыя подаянія въ темницы, и назначилъ великіе дары въ церкви и монастыри.

И началъ возрастать царевичъ Петръ на радость отцу и матери, здоровый, прекрасный, съ первыхъ лѣтъ показывая умъ не по возрасту и неукротимую страсть къ воинскимъ забавамъ. Три года было Петру, когда какой-то Московскій купецъ поднесъ ему маленькую, красивую саблю. Царевичъ такъ обрадовался подарку, что выпросилъ купцу у родителя своего почетное званіе *гостя*. Духовникъ царскій прочиталъ молитву; Царевича *препоясали мечемъ*, и онъ почти не скидалъ грознаго меча своего, нерѣдко засыпалъ съ своею саблею и клалъ ее въ своей колыбели. Царь собралъ ему ровесниковъ на *потѣху*, одѣлъ ихъ по воински, и царевичъ Петръ безпрестанно воевалъ и сражался съ своими *потѣшными*, строилъ и бралъ города, давалъ

битвы, одерживалъ побѣды. Родитель не могъ нарадоваться на него.

Но, когда безпечно проходило дѣтство Петра, мрачныя тучи страха и сомнѣнія облегали царскій Дворъ и тревожили думою всѣхъ царедворцовъ и подданныхъ царя Алексія. Еще двѣ дочери родились у Царя, царевны *Наталія* и *Ѳеодора*, но здоровье его видимо слабѣло и разрушалось, и всѣхъ удручала мысль о томъ: кому быть его преемникомъ? По праву первородства престолъ слѣдовалъ царевичу Ѳеодору. Ему исполнилось 12 лѣтъ и родитель *объявилъ* его народу. Священный обрядъ сей всегда совершался на Царской площади, передъ Успенскимъ соборомъ. Царь возсѣдалъ на тронѣ, среди сонма царедворцовъ своихъ и въ присутствіи народа. Выводили Царевича передъ народное собраніе, и послѣ благословенія патріаршаго, сына царскаго представляли царедворцамъ, войску и народу, привѣтствовашимъ его поклонами, послѣ чего Царевичъ являлся уже въ

народъ, сопутствуя родителю своему въ торжественныхъ духовныхъ обрядахъ, посѣщеніи обителей, на охоту, на смотры войскъ. До «объявленія» рѣдко кто могъ видать царскихъ сыновей, сокрытыхъ въ чертогахъ Кремлевскихъ, гдѣ берегли ихъ дядьки и мамки отъ злаго человѣка и недобраго глаза въ неприступныхъ никому теремахъ, окруженныхъ стражею, и въ заповѣдныхъ садахъ Коломенскаго, Измайловскаго, Преображенскаго, Воробьевскаго дворцовъ, куда царь переѣзжалъ на лѣто. Но «объявленіе» Ѳеодора не означало еще рѣшенія царскаго. Самодержецъ Россіи могъ учинить наслѣдникомъ своимъ кого было ему угодно, и колебался мыслью: не Петру ли царевичу, сыну любимому, надеждѣ и радости своей, передать престолъ вмѣсто братьевъ его, слабыхъ здоровьемъ и не отличавшихся царственными дарованіями? Кроткій Ѳеодоръ готовъ былъ уступить младшему брату, и еще менѣе могъ противиться волѣ родителя хворый, подслѣповатый царевичъ

Іоаннъ. Матвѣевъ соглашался съ мыслью Царя; ему хотѣлъ предоставить Царь управленіе государствомъ до совершеннолѣтія Петра. Но какъ ни тайно совѣтовался царь Алексій съ другомъ своимъ, враги Матвѣева, Милославскіе и прислужники ихъ, проникли тайну цареву, и крамола страшно зашипѣла окрестъ престола царскаго. Представляли царю Алексію раздоръ дѣтей и междоусобіе государственное, совѣтовались между собою, хитрили, сговаривались — готовы были даже на злодѣйство! Оттѣсненные отъ царскаго престола, Милославскіе дѣйствовали сильнѣе другихъ, стараясь увлечь въ свое согласіе патріарха Іоакима, склонявшагося на сторону Петра: онъ опасался сильнаго вліянія Симеона Полоцкаго на умъ Ѳеодора. Хитрый и честолюбивый, воспитанникъ іезуитовъ, Симеонъ простиралъ замыслы на власть неограниченную; думалъ учредить въ Россіи Папу Восточной Церкви, возведя въ сей санъ низверженнаго Никона, непокорнаго въ самомъ заточеніи его;

хотѣлъ возвысить силу духовенства въ Россіи и овладѣть волею царей Русскихъ. Вельможи, желавшіе добра отечеству, полагали, что лучше повиноваться умному и добродѣтельному Матвѣеву, нежели Милославскимъ, отличеннымъ только высокомѣріемъ, корыстолюбіемъ, злобою противъ враговъ, и друзьямъ ихъ: *князю Хованскому*, прозванному *Тарарцемъ* за его вздорный, строптивый нравъ; *князю Василію Васильевичу Голицыну*, молодому честолюбцу; *Хитрову*, дядькѣ Ѳеодора, умомъ коего управлялъ *Языковъ*, нѣкогда бѣдный чиновникъ, потомъ ловко и незамѣтно втѣснившійся во дворецъ, и наконецъ *Волынскому*, бездушному низкопоклоннику, считавшему себя великимъ дипломатомъ!

Когда тайно и скрытно тревожила и волновала Дворъ царскій крамола вельможъ, безмолвно и благоговѣйно являлись всѣ они передъ Царемъ, видимо склонявшимся ко гробу. Въ началѣ 1676 года, царь Алексій слегъ въ тяжкой болѣзни и уже не вставалъ съ болѣз-

неннаго одра. Еще нѣсколько времени длилась надежда на его выздоровленіе—вскорѣ исчезла она Всѣ нетерпѣливо ждали рѣшенія важнаго вопроса о будущемъ властителѣ Россіи. Одръ умирающаго Царя окружили Патріархъ и избранные вельможи, но царь Алексій молчалъ, и никто не смѣлъ произнесть передъ нимъ слова о *наслѣдникѣ* престола его, хотя однихъ страшила неизвѣстная будущность отечества, другихъ возмущала жажда власти и величія. Матвѣевъ плакалъ и безмолствовалъ. Могли ль думать тогда о престолѣ и власти добродѣтельный другъ царскій и кроткая царица Наталія, любившая супруга, уже задолго при жизни его горестно оплакивавшая вдовство свое и сиротство дѣтей, слыша о злобныхъ замыслахъ крамольниковъ, дерзко тѣснившихся къ смертному одру царя Алексія? Но если и боялись Милославскіе и друзья ихъ тревожить послѣднія минуты жизни государя, они успѣли между тѣмъ уговорить патріарха Іоакима, согласиться между собою,

удалить Матвѣева и царицу Наталію, представить Царю гибельныя слѣдствія измѣненія въ порядкѣ наслѣдства. Алексій призвалъ царевича Ѳеодора, благословилъ его вѣнцомъ Мономаха, и кончивъ земное дѣло царя, пожелалъ, какъ отецъ и супругъ, проститься съ семействомъ, уже приготовленный къ вѣчной жизни напутствованіемъ св. Тайнъ. Отворили дверь въ чертогъ умирающаго властителя Россіи. Кротко и мудро увѣщевалъ онъ юнаго Ѳеодора, да будетъ царемъ добрымъ, да помнитъ, что Богъ потребуетъ отъ него отчета въ дѣлахъ его, спроситъ отвѣта за каждую слезу подданныхъ его. Онъ умолялъ сына любить и хранить братьевъ и сестеръ, почитать Наталію, какъ родную мать и царицу.—«Будь ему отцомъ,» говорилъ Алексій, указывая на трехъ-лѣтняго Петра; подозвалъ къ себѣ отца Наталіи Кирила Нарышкина, Ивана Головина и князя Петра Прозоровскаго, назначилъ ихъ надзирателями Петра, приказывалъ имъ, просилъ ихъ беречь его, *яко*

зѣницу ока своего.» Въ слезахъ повергласъ передъ нимъ супруга, держа на рукахъ малолѣтнаго Петра. «Что мнѣ и сыну прикажешь ты?» говорила она. Уже темнѣлъ взоръ, коснѣлъ языкъ царя Алексія. Онъ велѣлъ приподнять себя, положилъ руки на голову Петра; слышали, какъ едва внятнымъ голосомъ проговорилъ онъ: «Не плачь — ему суждено быть царемъ!» Всѣ умолкли, замѣчая, что тихая смерть праведника близилась къ великому повелителю Русской земли. Патріархъ начали читать *отходныя* молитвы, и вечеромъ Января 29-го, 1676 года, не стало царя Алексія.

Горестно услышали Москва и Россія печальную вѣсть о кончинѣ Царя, коему повиновались болѣе тридцати лѣтъ, и спѣшили присягнуть юному преемнику его Θеодору. Въ печальномъ платьи провожали царь Θеодоръ, братья и сестры его, гробъ родителя въ Архангельскій соборъ, усыпальницу государей Русской земли, гдѣ поучительнымъ укоромъ земному величію являлись ряды гробницъ

ихъ, отъ Іоанна Калиты до царя Михаила: здѣсь всѣ они, кромѣ Бориса Годунова, исторгнутаго изъ могилы мстительною рукою Самозванца—всѣ они являлись здѣсь, Димитрій Донской и Іоаннъ Грозный, Василій Шуйскій и Михаилъ Романовъ.

Еще не умолкъ плачъ народа, еще не скинуты были одежды печали, а крамола уже явно буйствовала окрестъ престола, на который возсѣлъ юный, неопытный царь Өеодоръ (ему было только 15-ть лѣтъ). Милославскіе мгновенно явились могущими временщиками, и жадно устремились на гибель самаго опаснаго имъ человѣка — *Матвѣева*. Немедленно объявили ему волю Царя: ѣхать воеводою въ Сибирь. Матвѣевъ повиновался. Горестно простился онъ съ царицею Наталіею, какъ будто предчувствуя печальную участь свою, и поѣхалъ. На Волгѣ догнали его услужники Милославскихъ, обобрали у него имѣніе, именемъ Царя объявили его лишеннымъ боярскаго сана, и безъ суда и расправы, подъ

крѣпкою стражею, увезли его съ семействомъ въ Пустозерскъ, городокъ въ отдаленныхъ сѣверныхъ тундрахъ на берегахъ Печоры, далекій отъ всякихъ жилищъ человѣческихъ, гдѣ съ трудомъ добывали себѣ насущное пропитаніе бѣдные жители, и нерѣдко недоставало имъ даже хлѣба, привозимаго издалека. Не нашлось друга и защитника Матвѣеву. Домы его и имѣніе повсюду расхитили; помѣстья отписали на Царя. Гоненіе постигло Нарышкиныхъ; ихъ выслали изъ Москвы. Страшась изгнанника Никона, перевели его подъ крѣпкую стражу въ Кирилловъ Бѣлозерскій монастырь изъ Ѳерапонтова, гдѣ онъ дотолѣ содержался. Царица Наталія увидѣла себя одинокою, оставленною съ сыномъ и дочерьми въ забытомъ всѣми, уединенномъ ея Кремлевскомъ теремѣ. Всѣ толпились въ Золотыхъ Палатахъ Царя, спѣша искать милости временщиковъ дворскихъ и привѣтствовать Ѳеодора, торжественно коронованнаго Іюня 16-го, 1676 года.

Но допустивъ Милославскихъ погубить Матвѣева, изгнать Нарышкиныхъ, отягчить судьбу Никона, захватить всѣ важнѣйшія и доходныя мѣста въ государствѣ, царь Өеодоръ неожиданно изъявилъ свою твердую волю: онъ хотѣлъ исполнить завѣтъ родителя, быть царемъ добрымъ; прекратилъ опалы и ссылки; не смѣя отвергнуть Милославскихъ, искалъ окрестъ своего престола болѣе достойнаго совѣтника и руководителя, и нашелъ его, какъ можно было предвидѣть, въ бывшемъ учителѣ своемъ, Симеонѣ Полоцкомъ. Милославскіе вскорѣ перессорились съ своими друзьями за дѣлежъ власти и добычи. Языковъ и князь В. В. Голицынъ вошли въ особенную милость царскую и раздѣлили ее съ Симеономъ. Много другихъ вельможъ и бояръ подкрѣпили ихъ, и царь Өеодоръ оказался достойнымъ братомъ Петра. Не взирая на слабость здоровья, онъ самъ началъ присутствовать въ Царской Думѣ; принялъ на себя заботы правленія; хотѣлъ чести Россіи и просвѣ-

щенія Русской землѣ. Дѣла его показали желаніе на добро, къ несчастію, при недостаткѣ силъ души и крѣпости тѣла исполнить свои добрыя намѣренія.

Онъ не хотѣлъ купить униженіемъ мира съ Оттоманами; послалъ войско въ заднѣпровскую область и мужественно выдержалъ *первую войну* Рускихъ противъ Турціи, оставшуюся въ памяти народной подъ именемъ *Чигиринскаго похода*, ибо Рускіе сражались тогда съ Турками подъ Чигириномъ. Видя необходимость отказаться отъ владѣнія заднѣпровскими казацкими землями, бывшими причиною спора, царь Ѳеодоръ принялъ предложеніе о мирѣ, ограничивъ предѣлы Россіи къ западу теченіемъ Днѣпра. По Бахчисарайскому договору (1681 года въ Январѣ) положено, что заднѣпровская область до Польскихъ и Турецкихъ границъ останется незаселенною и никому не принадлежащею. *Малороссія* была такимъ образомъ укрѣплена за Россіею со стороны Турковъ. Напра-

сно король Польскій, Іоаннъ Собіескій заводилъ споры и требовалъ обратно Кіева. Видя, что у Польши нѣтъ силъ воевать, Θеодоръ не уступалъ и принудилъ Польскаго Короля оставить Кіевъ за Россіею подтверждая миръ.

Еще замѣчательнѣе были дѣла царя Θеодора по внутреннему управленію Русскимъ государствомъ. Онъ заботился о правосудіи въ судахъ, уменьшеніи роскоши въ одеждѣ и экипажахъ, облегченіи тягостей, лежавшихъ на его подданныхъ. Патріархъ Іоакимъ, старецъ упрямый и суевѣрный, даже ужаснулся нововведеній, когда царь Θеодоръ, по совѣту Симеона, учредилъ особую типографію въ Кремлевскомъ дворцѣ, Симеонъ началъ печатать въ ней книги безъ патріаршаго разсмотрѣнія, заводилъ въ Москвѣ Латинскую Духовную Академію, вводилъ въ церквахъ *партесное* пѣніе, вмѣсто *столповаго*, и хотѣлъ говорить изустныя проповѣди. Милославскихъ, хотя уже и не первыхъ любим-

цовъ царскихъ, но все еще сильныхъ, болѣе всякихъ нововведеній устрашилъ указъ царскій, по коему опальный Матвѣевъ, тщетно умолявшій дотолѣ о милосердіи, былъ неожиданно переведенъ изъ Пустозерска въ Лухъ, и ему возвращена притомъ часть имѣнія. Еще медлилъ Θеодоръ призваніемъ Матвѣева ко Двору, но за то онъ воздалъ неожиданную почесть Никону: послалъ къ осудившимъ его Вселенскимъ Патріархамъ просьбу о возвращеніи ему сана патріаршаго, и слыша о тяжкой болѣзни Никона, почтительно просилъ его переѣхать въ устроенный имъ, любимый Воскресенскій монастырь его, иначе называемый *Новымъ Іерусалимомъ*, ибо сія великолѣпная обитель была воздвигнута Никономъ по образцу Іерусалимской церкви Святаго Гроба. Донынѣ изумляя посѣтителя своимъ величіемъ, еще болѣе изумляетъ она тѣмъ, что въ нее перенесенъ, такъ сказать, *снимокъ* съ храма, драгоцѣннаго христіанину святыми воспоминаніями о Богочеловѣкѣ, Спасите-

лѣ міра. Благословляя добраго Царя, Никонъ спѣшилъ ѣхать, желалъ хоть умереть въ любезной ему обители, и возвращался въ нее торжественно. Его встрѣчали всюду, какъ великаго первосвятителя и невиннаго страдальца. Онъ не доѣхалъ однакожь до Москвы и скончался въ Ярославлѣ. Царь Θеодоръ со всемъ сигклитомъ своимъ встрѣтилъ гробъ Никона, несъ его на своихъ рукахъ, самъ пѣлъ при погребеніи архипастыря, и похоронилъ его, какъ патріарха (хотя разрѣшительныя граматы Вселенскихъ Патріарховъ были получены уже въ послѣдствіи). Тщетно вопіялъ Іоакимъ, не былъ на погребеніи Никона, даже проклиналъ Симеона, руководителя воли царской. Царь Θеодоръ продолжалъ нововведенія, и совершилъ подвигъ, коего не смѣлъ предпринять родитель его во дни славы своей: повелѣніемъ царя Θеодора было уничтожено *мѣстничество* — пагубное зло, губившее Россію и требующее нѣкотораго поясне-

нія, ибо не всѣмъ извѣстны начало и сущность его.

Послѣ разрушенія удѣльной системы и образованія *единодержавной* власти въ Россіи, уничтожились всѣ прежнія родовыя отличія. Потомки бывшихъ князей, нося титулъ княжескій, являлись равными съ послѣднимъ подданнымъ царя, предстоя передъ трономъ единовластителя и самодержца. Но уже со временъ Іоанна III учреждено было при царскомъ Дворѣ *чиноначаліе*. Первую степень его составляли *бояре*, вторую *окольничіе*, третью *стольники*. Они получали отъ царя *помѣстья*, или земли во временное владѣніе, имѣя право покупать ихъ въ *отчину*, или родовое владѣніе. За услугу обращали имъ также помѣстья въ отчину, и сверхъ того производили имъ *оклады*, или денежное жалованье. Сіи чиновники образуя собою *Дворъ царя*, были назначаемы Царемъ равно въ военную и гражданскую службу, предводили войсками, засѣдали въ Царской Думѣ и Приказахъ. Низшее

чиноначаліе образовали *стряпчие, дворяне, жильцы, дѣти боярскіе,* также получавшіе оклады, помѣстья и отчины. Но всѣ сіи званія не были *родовыми,* не переходили отъ отцовъ къ дѣтямъ. Сынъ боярина долженъ былъ самъ дослуживаться до сана отцовскаго. Царь могъ по волѣ своей лишить перваго боярина чина его, и наградить имъ, кого было ему угодно. Изъ чиноначалія, совершенно подчиненнаго такимъ образомъ волѣ царской, образовалась однакожъ постепенно аристократія особенная. Если не уважались *роды,* то *мѣста* сдѣлались отличіемъ. Всѣ должности были разчислены и получили большій или меньшій *почетъ;* тотъ считалъ себя униженнымъ, кого подчиняли чиновнику, меньшему его *по мѣсту* и младшему *по службѣ.* Отсюда почетъ мѣстъ перешелъ къ дѣтямъ: каждый чиновникъ началъ считать за стыдъ повиновеніе такому товарищу своему, предокъ коего былъ ниже его предка *по мѣсту.* Цари допустили сей новый родъ счета родовыми

заслугами; споры о томъ разбирались въ особенномъ *Разрядѣ* и назывались спорами *о мѣстахъ*, или *мѣстничествомъ*. Величайшій безпорядокъ во всѣхъ дѣлахъ всегда производило несчастное мѣстничество, и уже ничто, даже царская воля, не могли обуздать его. Царь воленъ былъ лишить кого угодно званія и жизни, но не принудить къ уступкѣ того, что каждому казалось выше царскихъ милостей и самой жизни, ибо она была безславіемъ, если бы кто уступилъ безспорно другому свой родовой почетъ. Тщетно старались Цари прекратить пагубу *мѣстъ*, не смѣя рѣшительно приступить къ искорененію зла. Царь Θеодоръ не устрашился дѣла опаснаго, созвалъ соборъ и изъявилъ непремѣнную волю свою уничтожить мѣстничество. Никто не смѣлъ противорѣчить. Патріархъ, убѣжденный Царемъ, по власти первосвятительской изрекъ проклятіе непослушнымъ. *Разрядныя книги* были принесены и сожжены въ присутствіи собора. Царь смѣло приступилъ послѣ

сего къ новому устройству Русскаго войска, желая ограничить видимыя въ немъ своеволія и безпорядки. Только *Стрѣльцы* составляли тогда постоянное Русское войско. Всѣ другія воинскія дружины набирались на время военное, конныя изъ дворянъ, жильцовъ, дѣтей боярскихъ; пѣхотные изъ крестьянъ, помѣщичьихъ и государевыхъ, и по окончаніи службы распускались по домамъ. Было еще нѣсколько полковъ, составленныхъ изъ наемныхъ иностранцовъ, и кромѣ нихъ войско Русское дополняли дружины казаковъ, Татаръ, Калмыковъ, Башкировъ и другихъ народовъ, покорныхъ Русскому царю. Можно вообразить безпорядокъ и невозможность управлять нестройными толпами необученныхъ и произвольно вооруженныхъ воиновъ. Оставляя до времени лучшее распоряженіе всѣми другими воинскими силами Россіи, царь Θеодоръ велѣлъ немедленно преобразовать Стрѣлецкіе полки.

Знаменуя себя такими, истинно царскими

дѣлами, Θеодоръ показывалъ, что онъ помнитъ и исполняетъ послѣдній завѣтъ родителя: любить, беречь милаго ему, младшаго сына, и чтить царицу Наталію, какъ родную мать. Θеодоръ возвратилъ ко Двору Нарышкиныхъ, хотя не давалъ имъ высшихъ мѣстъ; оставилъ при Наталіи весь штатъ ея, прежнее содержаніе, изъявлялъ къ ней почтеніе сыновнее. Царевичъ Петръ радовалъ и веселилъ его удивительною понятливостью, необыкновеннымъ умомъ, пылкимъ нравомъ, прелестью лица, воинскими играми. Пять лѣтъ было Петру, когда положили начать его *ученье*.

И въ самомъ царскомъ семействѣ, какъ у вельможъ и бояръ, все ученье тогдашнее состояло въ азбукѣ, письмѣ, познаніи св. Писанія, изученіи отечественныхъ законовъ, чтеніи древнихъ лѣтописей и немногихъ историческихъ и географическихъ сочиненій, переведенныхъ на Русскій языкъ. Другія знанія вообще почитались какою-то *бусурманскою*,

Эллинскою премудростью, не нужными, иныя едвали не вредными православію, другія неприличными людяхъ высшихъ званій. Иностраннымъ языкамъ вовсе не учили. *Философомъ* считался знавшій толкованія и тонкости схоластики. Литтературы не было, ибо хотя типографіи были заведены еще въ концѣ XVI вѣка, но въ нихъ печатали только церковныя книги и государственныя бумаги. Поэзія, музыка, пляска считались грѣшною забавою. Ваяніе строго запрещалось, ибо не дозволялись рѣзныя изображенія святыхъ предметовъ, а *истуканы идоловъ* почитали соблазномъ и грѣхомъ. Живопись состояла только въ иконописаніи. Въ математикѣ видѣли почти колдовство, и астрономъ такъ же смѣшивался въ народномъ понятіи съ астрологомъ (звѣздочетомъ), какъ химикъ съ волшебникомъ. О военныхъ знаніяхъ не было у Русскихъ никакого систематическаго понятія. Вообще, если и допускались какія науки и знанія, то они были почитаемы *ремесломъ*, а не

потребностью умственною, не услажденіемъ жизни. Зодчій, какъ наемный работникъ, строилъ домы и церкви. Инженера призывали строить крѣпость, артиллериста управлять *пушечнымъ снарядомъ*, оружейнаго мастера лить пушки и ковать ружья, рударго мастера искать руду. Такъ *дьякъ* долженъ былъ знать и подводить законы судьѣ, а *толмачъ* переводить граматы, присланныя къ царю отъ бусурманскихъ государей. Въ самыхъ высшихъ званіяхъ были весьма немногіе примѣры людей, знавшихъ языки иностранные и имѣвшихъ нѣкоторыя поверхностныя познанія въ какихъ либо наукахъ. Несчастный предразсудокъ заставлялъ тогда думать, что *мірская мудрость* отводитъ отъ премудрости божественной. Знатный вельможа отличался великолѣпіемъ житья, милостью царя, но былъ такимъ же невѣждою, какъ простолюдинъ. Умы коснѣли въ лѣности и суевѣріи, хотя примѣры Русскихъ людей ума природнаго необыкновеннаго были нерѣдки въ Русской землѣ. Наглядная

переимчивость Рускихъ изумляла иностранновъ. Русскаго дипломата трудно было провести въ переговорахъ, Русскаго купца обмануть въ торговлѣ, и Русскаго боярина не легко могъ запутать ябедою дьякъ, при малосложности и простотѣ существовавшихъ тогда законовъ. Такъ, выходя въ поле нестройною толпою, Рускіе не только одолѣвали *числомъ*, но часто удивляли враговъ смѣтливостью, храбростью, особенно упорствомъ въ защитѣ лагерей и крѣпостей, и самоотверженіемъ въ битвахъ, хотя сами цари почти никогда не предводили войсками, оставляя Москву и Кремлевскіе чертоги свои только для забавы охотою, или поѣздки въ загородные дворы и на богомолье.

Такъ воспитаніе царевича Петра должно было ограничиться, подобно воспитанію другихъ Рускихъ, только грамотою, письмомъ, изученіемъ св. Писанія, немногими историческими, географическими, юридическими свѣдѣніями изъ чтенія рукописей и книгъ, и тѣмъ

болѣе, что онъ не готовился на царство и путь къ престолу былъ ему загражденъ. Царемъ Русскимъ былъ Θеодоръ. Онъ могъ вступить въ супружество, имѣть наслѣдниковъ и имъ передать царскій вѣнецъ. Оставался еще старшій братъ, царевичъ Іоаннъ, въ родъ коего переходилъ престолъ, въ случаѣ бездѣтной кончины Θеодора.

Но Θеодоръ не хотѣлъ вступать въ супружество, чувствовалъ безнадежность своего здоровья, неспособность больнаго брата Іоанна, и помня мысль родителя, предполагалъ передать престолъ Петру. Потому хотѣлъ онъ приложить особенное попеченіе воспитать его, какъ единственную будущую надежду Россіи. По волѣ Θеодора искали умнаго наставника, и нашли опытнаго *грамотея*, дьяка *Никиту Моисѣевича Зотова*. Его призвали къ Царю, испытали въ чтеніи, письмѣ, и объявили ему о выборѣ его въ учители царевича Петра. Смиренный Зотовъ испугался великой обязанности, умолялъ не возлагать на него бремени

тяжкаго, но его скромность тѣмъ скорѣе рѣшила выборъ Θеодора. Марта 12-го 1677 года, въ теремъ царицы Наталіи пришли Царь и Патріархъ, и привели Зотова, уже облеченнаго въ богатую, пожалованную ему изъ царской казны одежду. Святитель прочиталъ «молитву предъ начатіемъ ученія» и Петра *посадили за азбуку*. Зотовъ былъ достоинъ своего назначенія. Онъ легко и скоро научилъ Царевича грамотѣ и письму; передалъ ученику своему правила святой вѣры; поучалъ его Закону Божію; читалъ съ нимъ лѣтописи; велѣлъ изобразить на картинкахъ важнѣйшія событія Русской исторіи, машины, корабли, города, крѣпости «Европскія,» и въ бесѣдахъ своихъ передавалъ все, что зналъ, видалъ, о чемъ читалъ и слыхалъ самъ. Петръ быстро изучалъ уроки учителя, и вскорѣ знаній Зотова уже недоставало удовлетворять жадное любопытство ученика. Царь Θеодоръ приходилъ иногда слушать уроки Зотова, радовался братомъ своимъ, и съ удивленіемъ говорили

о Петрѣ старики царедворцы: «Что изъ него будетъ, когда возмужаетъ онъ!»

Но, видя довѣренность Царя къ Симеону и любовь къ Петру, проникая мысль Өеодора о передачѣ младшему брату престола, страшась возвращенія Матвѣева ко Двору и неизбѣжнаго паденія своего, если воцарится Петръ, снова и дружнѣе прежняго соединились противники Петра, Матвѣева и Нарышкиныхъ. Во главѣ ихъ были: *Иванъ Михайловичъ Милославскій*, болѣе другихъ сродниковъ своихъ смѣлый и безсовѣстный; *Языковъ*, уже бояринъ и оружейничій царскій, и *Князь Василій Васильевичъ Голицынъ*, болѣе всѣхъ образованный и ненасытно честолюбивый. Общимъ совѣтомъ положили прежде всего удалить царицу Наталію и царевича Петра отъ царя Өеодора. Языковъ осмѣлился говорить о томъ царицѣ Наталіи, предлагая ей переѣхать изъ Кремлевскаго дворца, гдѣ жила она дотолѣ, въ отдаленный дворецъ въ Преображенской подгородной слободѣ, гдѣ бывало иногда лѣтнее

пребываніе царя Алексія. Наталія ужаснулась коварнаго замысла, не смѣла объясниться съ Θеодоромъ и плакала. Петръ увидѣлъ слезы матери, узналъ о рѣчахъ Языкова, и не говоря ни кому ни слова, велѣлъ учителю своему проводить его къ брату Царю. Горько началъ онъ жаловаться царю Θеодору на Языкова. «Бояринъ твой хочетъ удалить меня отъ тебя, и погубить, какъ Годуновъ погубилъ царевича Димитрія, но гдѣ ты, тамъ и я, и не ужели я не сынъ царскій, что мнѣ въ домѣ отцовскомъ мѣста нѣтъ!» говорилъ Петръ. Слезы полились изъ глазъ его. Добрый братъ успокоилъ его и самъ поспѣшилъ къ царицѣ Наталіи, увѣряя, что и не думалъ удалять ее. Онъ отдавалъ ей головою Языкова за его дерзость, и клялся, что никогда не разлучится съ нею и братомъ.

Крамольники смолкли, но не надолго. Вскорѣ Θеодоръ лишился своего друга и наставника Симеона, совѣтомъ коего былъ руководимъ во всѣхъ дѣлахъ. Съ его кончиною сла-

бый и больной Θеодоръ подчинился волѣ Милославскихъ и друзей ихъ. Ничего не говоря объ удаленіи царевича Петра, они уговорили Θеодора вступить въ супружество, надѣясь, что тронъ Русскій упрочится послѣ сего въ родѣ его, и Петръ безъ всякихъ усилій будетъ навсегда удаленъ отъ престола, на что менѣе было надежды, еслибы царь Θеодоръ умеръ бездѣтный. Слабое здоровье царевича Іоанна дѣлало сомнительнымъ долговѣчіе его, и слѣдовательно, являло возможность возведенія когда либо на престолъ Петра, усиленія, Нарышкиныхъ и вѣрной гибели Милославскихъ и сообщниковъ ихъ.

Царь Θеодоръ сочетался бракомъ съ юною дѣвицею изъ незнатнаго рода Грушецкихъ (18-го Іюля 1680 года). Черезъ годъ былъ онъ обрадованъ рожденіемъ сына. Слабое дитя послѣдовало въ могилу за матерью, умершею послѣ тяжелыхъ родовъ. Тяжко скорбѣлъ Θеодоръ, удручаемый немощами, но крамольники до того овладѣли умомъ его, что

уговорили его вступить вторично въ бракъ, и второе супружество Царя, съ Маѳѳою Матвѣевною Апраксиною, праздновали въ Февралѣ 1682 года. Черезъ два мѣсяца Ѳеодоръ былъ на одрѣ смертномъ. Недолго болѣлъ, и 27-го Апрѣля 1682 года тихо скончался добрый, благочестивый царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ, искренно оплакиваемый подданными, изобразившими на портретѣ его, донынѣ хранимомъ въ Московскомъ Архангельскомъ соборѣ, прекрасныя свойства и мудрыя дѣла его словами: *то было ему любезно, что веселило церковь и умножало въ народѣ миръ, тишину и благополучіе.*

Никто не тревожилъ послѣднихъ минутъ жизни царя Ѳеодора вопросами о наслѣдствѣ. Онъ и не имѣлъ права рѣшить ихъ: престолъ принадлежалъ *старшему*, шестнадцати-лѣтнему царевичу Іоанну, а не *младшему*, десятилѣтнему царевичу Петру. Окружая одръ умирающаго Царя, видя первенство свое между всѣми, Милославскіе уже считали себя влас-

тителями Русскаго государства, уже обѣщали, можетъ быть, другимъ чины, награды, мѣста, но событіе неожиданное ими огромило ихъ, и горделивое торжество смѣнилось страшнымъ сознаніемъ опалы и гибели.

Едва разнеслась по Москвѣ вѣсть о тяжкой болѣзни царя Θеодора, тихо и безмолвно стеклись въ Кремль многочисленныя толпы народа, благоговѣйно молились въ храмахъ Кремлевскихъ, и все еще ждали радостной вѣсти о любимомъ Царѣ. Во дворецъ собрались бояре, царедворцы, чиновники гражданскіе и военные. Въ 5-ть часовъ по полудни, похоронный звонъ на Иванѣ Великомъ извѣстилъ Москву о кончинѣ царя Θеодора. Всѣ бывшіе во дворцѣ нетерпѣливо хотѣли слышать вѣсть о новомъ царѣ Россіи и порадовать ею опечаленный народъ. Въ Грановитой Палатѣ находились знатнѣйшіе бояре и почетное духовенство; въ сѣняхъ передъ Палатою другіе чиновники; на крыльцахъ дворцовыхъ почетные и военные люди и дьяки;

народъ окружалъ дворецъ. Къ изумленію Милославскихъ, Патріархъ предсталъ передъ собраніе бояръ, извѣстилъ ихъ о кончинѣ царя Ѳеодора, и предложилъ вопросъ не ожиданный: *Кому быть Царемъ Россіи?* Всѣ безмолствовали. Милославскіе не смѣли начать слова. «Да, будетъ же великое государское дѣло рѣшено самими наслѣдниками!» возгласилъ святитель, и по слову его введены были въ Грановитую Палату оба царевича. Робко отвѣчалъ Іоаннъ на вопросъ Патріарха, что чувствуя свое слабое здоровье и неспособность править царствомъ, онъ желаетъ мирнаго житія, царемъ быть не хочетъ, и *поступается* престоломъ брату, царевичу Петру, тѣмъ болѣе, что у него здравствуетъ мать, царица Наталія Кириловна. Едва произнесены были Іоанномъ слова сіи, своды Палатные огласилъ громкій кликъ: *Да, будетъ царемъ Петръ Алексѣевичъ*! Стоявшіе въ сѣняхъ возлѣ Палаты хотѣли знать причину общаго восторга, услышали имя *Петра*, передали его на крыль-

ца, толпу народную, и Кремль зашумѣлъ кликами: *Да, здравствуетъ царь Петръ Алексѣевичъ!* Поставили налои съ крестами и евангеліями въ Успенскомъ Соборѣ и на площади. Бояре, чиновники, народъ присягнули Царю Петру. Немедленно послѣ того объявлена царская воля, что до совершеннолѣтія своего царь Петръ Алексѣевичъ передаетъ правленіе государствомъ матери своей царицѣ Наталіи Кириловнѣ и избраннымъ боярамъ.

Сіи *избранные,* какъ легко можно было предвидѣть, были враги Милославскихъ и сообщниковъ ихъ. Въ тотъ же день Царская Дума опредѣлила немедленно вызвать изъ заточенія Матвѣева: ему, благодѣтелю своей юности, испытанному бѣдствіями, хотѣла передать царица Наталія заботы государственныя, сохраняя себѣ только имя *правительницы.*

Такъ мгновенно пало величіе Милославскихъ. Враги не думали щадить ихъ, не сохранили даже приличій: у Милославскихъ

въ тотъ же день отняли всѣ мѣста и доходы. Нарышкины и друзья ихъ возведены были въ главныя государственныя должности, получили почетъ и первыя мѣста. Горшаго могли ожидать Милославскіе—расплаты за все прежнее, за ссылку Матвѣева, за гоненіе царицы Наталіи и ея сына. Всѣ оставила, забыли ихъ, какъ нѣкогда оставили и забыли Матвѣева. Князь Василій Васильевичъ Голицынъ, Языковъ, князья Хованскіе, Долгорукіе, еще недавно друзья, товарищи Милославскихъ, передались врагамъ ихъ. Но безпечность и неосторожность новыхъ правителей, спѣшившихъ только захватить власть и унизить своихъ противниковъ, при неопытности въ управленіи царицы Наталіи, быстро измѣнили дѣла.

Избраніе Петра было слѣдствіемъ общей ненависти противъ Милославскихъ. Ихъ не терпѣли другіе вельможи за непомѣрную гордость и своевластіе; не терпѣли Стрѣльцы, имъ приписывая перемѣны въ своемъ воин-

скомъ устройствѣ; не терпѣлъ Патріархъ, не вѣря, что дѣла Симеона Полоцкаго при царѣ Ѳеодорѣ были производимы безъ ихъ согласія; не терпѣлъ и народъ, имъ приписывая тягости и нововведенія. Не было заговора при избраніи Петра, но оно совершилось по общему желанію и по опасенію всѣхъ о пагубныхъ слѣдствіяхъ усиленной власти Милославскихъ, если воцарится Іоаннъ. Противиться общему голосу не было возможности. Упорствуя противъ всѣхъ, Милославскіе могли погибнуть. Они радовались, что имъ оставляютъ еще жизнь и богатства. Они могли замѣтить, что многіе изъ бояръ и воеводъ, явившихся во дворцѣ, надѣли даже панцыри подъ свои кафтаны, рѣшаясь, въ случаѣ буйнаго сопротивленія, защищать дѣло Петра оружіемъ. И гордые временщики пали — можетъ быть, и не возстали бы на пагубу отечества, при всей неосторожности новыхъ правителей государства, еслибы не явилась

*

среди нихъ неожиданная защитница — *царевна Софія Алексѣевна.*

По кончинѣ царя Θеодора, кромѣ царевича Іоанна, оставалось еще *шесть* единокровныхъ сестеръ его. Софія была *третья* по старшинству, но превосходила другихъ сестеръ умомъ и образованностью. Двадцати четырехъ лѣтъ, прекрасная собою, любившая чтеніе и письмо, даже сама писавшая стихи, она не терпѣла затворнической жизни тогдашнихъ дѣвицъ въ теремахъ, хотѣла власти и пріобрѣла ее, имѣя при царѣ Θеодорѣ, въ послѣдніе годы его жизни, сильное вліяніе на дѣла, думала самовластительно править государствомъ при Іоаннѣ, ибо ее хотѣли назначить Милославскіе правительницею, и увидѣла всѣ свои замыслы ниспровергнутыми избраніемъ Петра. Непримиримою злобою вспыхнула властолюбивая дочь царя Алексія, когда ей оказано было при томъ унизительное невниманіе. При согласіи всѣхъ, при безмолвіи Милославскихъ, она одна осмѣлилась упрекать Патріарха и бояръ въ

своеволіи, защищать права Іоанна, спорить противъ избранія Петра. Рѣчей ея не хотѣли слушать.

Тогда, укрывшись въ теремѣ своемъ, Софія обдумала кровавый замыселъ, коимъ могла захватить власть въ свои руки и уничтожить безпечныхъ и неосторожныхъ противниковъ. Тайно ночью призвала она къ себѣ И. М. Милославскаго и открыла ему свои предпріятія. Милославскій готовъ былъ помогать Софіи. Другіе, Хованскій, Голицынъ, еще колебались. Языковъ уже льстилъ царицѣ Наталіи и раболѣпствовалъ передъ нею. Софія рѣшилась дѣйствовать одна съ Милославскимъ. Онъ не находилъ еще средствъ — Софія уже нашла ихъ: она указала ему на Стрѣльцовъ.

Дѣло Стрѣльцовъ было само по себѣ не важно. Еще за нѣсколько мѣсяцовъ до кончины Өеодора, Стрѣльцы вознегодовали, жалуясь на новое воинское ученье, притѣсненія своихъ полковниковъ, ограниченіе правъ и вольностей. Они подали жалобу Царю. Языкову поручено

было изслѣдованіе. Онъ строго наказалъ жалобщиковъ, потомъ испугался дерзкаго негодованія ихъ товарищей, и оказалъ непростительную слабость, осудивъ полковника, на котораго жаловались Стрѣльцы. Своевольники ободрены были легкомысленнымъ поступкомъ недостойнаго любимца Θеодорова. Царь былъ тогда уже смертельно боленъ и не вникалъ въ дѣла. Князь Долгорукій, начальствовавшій Стрѣлецкимъ Приказомъ, вопреки Языкову, думалъ укротить мятежниковъ строгостію и возбудилъ противъ себя сильный ропотъ ихъ. Стрѣльцы начали собираться толпами на своихъ съѣзжихъ, шумѣли, кричали, грозили—только кончина царя Θеодора удержала ихъ отъ дальнѣйшаго буйства. Думая, что новое правительство будетъ снисходительнѣе прежняго, Стрѣльцы безпрекословно присягнули Петру, но немедленно послѣ погребенія Θеодора явились въ Кремль съ дерзкою жалобою. Царица Наталія не знала что отвѣчать, обѣщала правосудіе, и по совѣту бояръ, медлила, ожидая

пріѣзда Матвѣева. Старались между тѣмъ уговорить непокорныхъ, смѣнили *Долгорукаго*, отдали Стрѣлецкій Приказъ юному брату царицы, Ивану Кириловичу Нарышкину. Видя, что бояре только проводятъ обѣщаніями, Стрѣльцы увеличили наглость; сходбища ихъ усилились, и робкіе правители рѣшились уступить мятежникамъ. Двадцать полковниковъ Стрѣлецкихъ были выданы на судъ и расправу Стрѣльцамъ; ихъ жестоко сѣкли батожьемъ, отняли у нихъ имѣніе и раздѣлили его жалобщикамъ. Стрѣльцы торжествовали побѣду, не слушали никого, начали пить и буянить. Но тѣмъ все могло бы кончиться, еслибы хищное властолюбіе и оскорбленная гордость не усрамились сдѣлать орудіемъ своихъ пагубныхъ замысловъ презрѣнной толпы бунтовщиковъ, уже не страшась суда Божія, не боясь запятнать себя кровью ближнихъ, не гнушаясь позора передъ свѣтомъ. Принять власть надъ мятежными Стрѣльцами, оклеветать предъ ними новое правительство, представить имъ ца-

ревича Іоанна, какъ сироту, гонимаго Нарышкиными, неправедно лишеннаго отцовскаго престола, сѣтующаго о томъ, угрожаемаго опасностью лишиться жизни—польстить злодѣямъ, умоляя ихъ быть защитниками царя законнаго, увлечь ихъ наградами, подкрѣпить буйство ихъ виномъ и деньгами — таковъ былъ замыселъ Софіи. Скрытно, но неукоснительно начали дѣйствовать она и Милославскій. Сообщниками ихъ были люди ничтожные: нѣсколько полковниковъ Стрѣлецкихъ, дьякъ Шакловитый, дворянинъ Сунбуловъ, дерзнувшій кричать на площади, что царевичъ Іоаннъ обойденъ неправедно, и оставшійся не наказаннымъ; монахъ Сильвестръ Медвѣдевъ, ученикъ Симеона Полоцкаго; двое братьевъ Толстые. Постельница Софіи, Ѳедора Семенова переносила вѣсти отъ Милославскаго къ Царевнѣ и отъ нея къ Милославскому, ибо онъ притворился больнымъ и не выходилъ изъ своего дома.

Забывши упреки совѣсти, не боясь поноще-

нія людей, рѣшаясь устремить на смятеніе отечества Стрѣльцовъ, чего хотѣла Софія? что предполагала она? Дѣла гибельныя: погубить своихъ противниковъ, свергнуть Петра, возвести на престолъ Іоанна и во имя его овладѣть правленіемъ государства.

Увлекаемые злыми навѣтами, Стрѣльцы становились дерзновеннѣе и буйнѣе, по мѣрѣ того, чемъ грубѣе и безстыднѣе были имъ дѣлаемы внушенія. Постепенно увѣряли Стрѣльцовъ, что бояре обманываютъ ихъ, и что они ждутъ только Матвѣева, приверженца *ересей Нѣмецкихъ*, и тогда расплатятся съ ними,за данную имъ потачку, головами ихъ. Уже всѣ полки Стрѣлецкіе возмутились и были готовы идти по слову Софіи, кромѣ одного полка Сухаревскаго, оставшагося вѣрнымъ и не соблазнявшагося посулами и наградами. Требовали, ждали знака къ возстанію, но Софія медлила—она ждала пріѣзда Матвѣева, обрекая его первою жертвою бунта.

Не ужели ничего не знали, ничего не за-

мѣчали царица Наталія и ея совѣтники? Нѣтъ! они видѣли, сознавали опасность, если и не проникали кровавой тайны царевны Софіи, но считали опасность еще отдаленною, ожидали пріѣзда Матвѣева, а безъ него Царица и всѣ бояре ничего предпринять не смѣли, какъ будто отъ него только зависѣло спасеніе законной власти. Видѣли шумныя скопища Стрѣльцовъ, слышали наглыя угрозы ихъ, и — бездѣйствовали, не умѣя придумать никакихъ мѣръ охранительныхъ. Матвѣевъ спѣшилъ въ Москву. На дорогѣ услышалъ онъ о волненіяхъ и смутахъ и не боялся ихъ. «Умру или спасу Царя!» говорилъ Матвѣевъ, предостерегаемый другими объ угрожающей ему опасности. Встрѣченный въ Москвѣ, 10-го Мая, какъ вожделѣнный спаситель отечества, онъ съ горькими слезами вошелъ въ свой запустѣлый боярскій домъ, и заплакалъ отъ радости, падая на колѣни предъ Наталіею, нѣкогда сиротою въ его домѣ, а теперь матерью Царя и правительницею царства. Время не

терпѣло. Приступили къ дѣламъ, но еще *три дня* прошло въ спорахъ и совѣтахъ.

Дѣятельнѣе и поспѣшнѣе дѣйствовали Софія и Милославскій, не жалѣя клеветъ, денегъ, вина. Говорили, что Матвѣевъ тайно собираетъ холопей и Нѣмцовъ, и хочетъ идти съ ними и истребить Стрѣльцовъ. Слова сіи подтверждали упреками, какіе позволилъ себѣ Матвѣевъ, когда избранные Стрѣльцы пришли поздравить его съ пріѣздомъ. Говорили еще, что Иванъ Кириловичъ Нарышкинъ положилъ умертвить царевича Іоанна; что онъ ругаетъ и бьетъ старыхъ бояръ, садится на тронъ царскій, примѣриваетъ царскую корону. Переодѣтые люди ѣздили по Москвѣ, забирали Стрѣльцовъ, били ихъ, говоря, что они посланы отъ Ивана Нарышкина унимать бунтовщиковъ, и что ихъ не то еще ждетъ впереди. Ярость мятежниковъ превзошла всѣ предѣлы. Въ ночь на 15-е Мая Москва трепетала: видѣли пьяныя, шумныя скопища по Стрѣлецкимъ съѣзжимъ, слышали барабанный бой.

Стрѣльцы готовили оружіе. Утромъ 15-го Мая, Толстые, Сунбуловъ и товарищи ихъ поскакали по Стрѣлецкимъ съѣзжимъ, крича: «Идите, спѣшите, добрые люди! Иванъ Нарышкинъ убилъ Іоанна! Знайте, что еще открылось злодѣйство проклятое: жидъ лекарь Гаденъ отравилъ Ѳеодора по наущенію Матвѣева! Спасайте царицу Марѳу и царевенъ!» Съ бѣшенымъ ревомъ: «Въ Кремль! Въ Кремль! Смерть измѣнникамъ!» поднялись Стрѣльцы. Набатъ, пальба загремѣли повсюду. Стрѣльцы бѣжали толпами, съ знаменами, бердышами, пищалями, даже везли пушки. Рано утромъ, слыша о ночномъ волненіи Стрѣльцовъ, собрались въ Кремлевскомъ дворцѣ бояре, не знали что предпринять и еще спорили, когда набатъ на Иванѣ Великомъ, барабанный бой, неистовые вопли огласили дворецъ и возвѣстили приходъ Стрѣльцовъ. Они окружили дворецъ царскій и наполнили собою Кремль, крича: «Отдайте намъ злодѣевъ — Матвѣева, Нарышкиныхъ, Гадена! Они убили царевича Іоанна!

Они отравили царя Θеодора!» Царица Наталія, царь Петръ, царевичъ Іоаннъ, Матвѣевъ, Патріархъ, бояре вышли на Красное Крыльцо, затворенное внизу рѣшеткою, и думали ласковыми словами образумить мятежниковъ. «Я не злодѣй—иду къ вамъ: возмите мою сѣдую голову, если она вамъ надобна, но не губите неповинныхъ!» воскликнулъ Матвѣевъ, сошелъ внизъ къ Стрѣльцамъ и началъ уговаривать ихъ. Сѣдины старца и кротость его обезоружили мятежниковъ. Они безмолвно слушали рѣчи Матвѣева. Князь Долгорукій, гордый, вспыльчивый и отважный, бывшій начальникъ Стрѣльцовъ, неумѣстнымъ гнѣвомъ разрушилъ доброе начало. Онъ сталъ горячо упрекать Стрѣльцовъ и раздражилъ ихъ—«Бей!» заревѣла толпа, и Долгорукій палъ, пронзенный бердышами. Хотѣли вырвать изъ рукъ убійцъ Матвѣева—было поздно—кровь обезумила злодѣевъ. Они бросились на Красное Крыльцо, оттолкнули Патріарха, крича: «Мы сами знаемъ, кто намъ надобенъ!»

Князь Черкаскій, личный врагъ Матвѣева, въ минуту его смертной опасности забылъ вражду свою, обхватилъ руками, защищалъ его. Отнимая неповинную жертву, на Черкаскомъ изорвали платье, едва не убили его, выхватили изъ рукъ его Матвѣева, сбросили съ Краснаго Крыльца, приняли внизу на бердыши и изрубили въ куски, крича: *Любо! Любо!*—Царица Наталія схватила въ объятія царя Петра и укрылась съ нимъ въ Грановитую Палату. Бояре, духовенство, чиновники, всѣ бѣжали, всѣ скрывались, кто гдѣ могъ. Будто лютые звѣри, Стрѣльцы ворвались въ неприступный дотолѣ, охраняемый народнымъ благоговѣніемъ царскій дворецъ, всюду искали Нарышкиныхъ, били стекла, ломали двери, вломились даже въ терема царевенъ, обыскивали церкви. Подъ алтаремъ Воскресенской церкви нашли Аѳанасія Кириловича Нарышкина, младшаго брата Царицы, и кровь его обагрила храмъ Божій. Ошибкою, вмѣсто Ивана Кириловича, убитъ былъ молодой Салты-

ковъ, оцѣпенѣвшій отъ страха. Боярина Ромодановскаго разтерзали подлѣ Чудова монастыря, когда онъ садился въ свою карету, спѣша уѣхать изъ Кремля. «Бей злодѣя! Онъ мучилъ насъ въ Чигиринскомъ походѣ!» кричали убійцы. Нѣсколько Стрѣльцовъ кинулись въ жилище Патріарха, вопія: «Выдай намъ измѣнниковъ!» Архипастырь вышелъ къ нимъ въ своемъ полномъ облаченіи. «У меня нѣтъ измѣнниковъ!» возгласилъ онъ. «Убейте меня, если руки ваши на меня поднимутся!» Устыженные словами его, убійцы удалились.

Пока одни свирѣпствовали въ Кремлѣ, другіе Стрѣльцы бѣгали по Москвѣ, грабили домы Матвѣева, Нарышкиныхъ, Языкова, и другихъ ненавистныхъ имъ людей, забирали деньги, разхищали погреба, пили, пьяные плясали при неистовыхъ вопляхъ. Тѣла убитыхъ волокли на Красную площадь съ дикимъ хохотомъ и позорными насмѣшками.

Жены, даже дѣти Стрѣльцовъ, не отставали отъ мужей и отцовъ своихъ.

Настала ночь. Смятеніе, набатъ, вопли утихли, но бунтъ не прекращался. Стрѣльцы окружили дворецъ стражею, не впускали никого въ Кремль и во дворецъ, и не выпускали никого изъ дворца и Кремля. Ночью, тайно, собрались къ царицѣ Наталіи немногіе бояре, совѣтовались и недоумѣвали что предпринять противъ *четырнадцати тысячь* вооруженныхъ, разъяренныхъ мятежниковъ. Всю ночь буянили и грабили Стрѣльцы по Москвѣ. На другой день утромъ Кремль снова огласился воплями ихъ. Они нашли и убили Языкова въ домѣ священника приходской церкви его, Николы въ Хлыновѣ. Несчастнаго старца, князя Долгорукаго, отца убитаго наканунѣ, бывшаго начальника Стрѣльцовъ, погубило неосторожное слово. Убійцы привезли къ нему трупъ сына, извиняясь, что умертвили боярина за обидныя слова, коихъ не могли вынести. Старецъ лежалъ въ

постелѣ, больной. «Не плачь,» сказалъ онъ, когда вышли Стрѣльцы и невѣстка его со слезами бросилась къ нему—«не плачь! Щука умерла, да зубы у нея остались живы: висѣть имъ, бездѣльникамъ, на висѣлицѣ.» Слова подслушали, передали Стрѣльцамъ; они воротились, стащили старца съ постели за сѣдые волосы, убили его, терзали трупъ его и уволокли на Красную площадь. Нагло окружая дворецъ, Стрѣльцы упорно требовали обреченныхъ ими на погибель, особливо Ивана Кириловича Нарышкина, лекаря Гадена и сына Матвѣева; убили лекаря Гутменша; умертвили сына Гаденова и одного изъ родственниковъ царицы Наталіи, Ивана Ѳедоровича Нарышкина. Напрасно хотѣли уговорить ихъ, напрасно говорили имъ, что Гадена и Нарышкиныхъ нѣтъ во дворцѣ. Уже и ночь не прекратила набата и воплей. Насталъ третій ужасный день. Бунтъ свирѣпѣлъ часъ отъ часу болѣе. Стрѣльцы разграбили Холопій Приказъ, призывая къ бунту холопей, заводили драки съ на-

родомъ, начали разбивать кабаки. Москва беззащитная предана была безумному сонмищу пьяныхъ бунтовщиковъ, какъ будто не стало правительства, какъ будто не было въ Москвѣ царя! Стрѣльцы грозили зажечь дворецъ, гдѣ въ отчаяніи укрывалась и плакала Наталія, уже не царица, но бѣдная, всѣми оставленная вдова, трепеща за жизнь отца, братьевъ, сына — Царя Россіи...

Тогда, опасаясь дальнѣйшихъ слѣдствій бунта, грозившаго гибельными убійствами и пожаромъ, если не остановить ярости обезумѣвшихъ мятежниковъ, видя, что власть царя Петра уничтожена, увѣренная, что уже никто не осмѣлится сопротивляться ей, явилась Софія. «Что же вы медлите?» говорила она боярамъ и Наталіи — «унимайте бунтъ!» Ей представили тщетныя старанія уговорить, убѣдить, усовѣстить злодѣевъ. Злобно насмѣхаясь надъ трусостью бояръ и робостью Царицы, Софія вышла къ Стрѣльцамъ. Радостными кликами встрѣтили ее. Софія благода-

рила Стрѣльцовъ за усердіе къ царскому дому и уговаривала прекратить смятеніе. «Отдайте намъ Нарышкиныхъ и Гадена!» вопили убійцы, объясняя, какъ было имъ приказано, что царевичъ Іоаннъ обойденъ царствомъ неправедно; что царь Петръ долженъ уступить ему тронъ; что тогда только, утвердивъ и обезопасивъ на престолѣ законнаго царя и истребивъ злодѣевъ его, они положатъ оружіе. Софія безстыдно торговалась съ ними; условилась, что имъ выдадутъ Ивана Нарышкина, главнаго злодѣя, и отравителя Θеодорова Гадена, но что за то они должны немедленно прекратить бунтъ и передать ей и боярамъ великую обязанность рѣшить въ Царской Думѣ государское дѣло. Уже не страшилась Софія показать себѣ передъ всѣми явною начальницею бунта, но ея мщеніе еще не было удовлетворено, ей надобно было показать еще свою власть, свою силу. Матвѣева уже не было на свѣтѣ, но оставался еще Иванъ Нарышкинъ, юный и смѣлый, и его головы по-

требовала Софія, говоря царицѣ Наталіи, что безъ того Стрѣльцы не унимаются отъ бунта. Трепеща слушала Наталія кровавыя рѣчи Софіи и еще не рѣшалась. Малодушные бояре умоляли ее выдать брата и спасти государство, и она должна была согласиться на добровольную, страшную жертву. Нарышкины, отецъ и братья царицы Наталіи, были скрыты во дворцѣ. Ихъ привели въ церковь Спаса за Золотою Рѣшеткою. Софія объявила Ивану Кириловичу страшное рѣшеніе судьбы его. «Неужели ты думаешь, царевна, что я боюсь смерти?» отвѣчалъ онъ. «Иду—пусть только головою моею спасутся головы другихъ!» Онъ причастился св. Тайнъ, обнялъ отца, рыдавшаго надъ нимъ, какъ надъ мертвецомъ, и взялъ въ руки образъ. Еще медлила Наталія, плакала, хотѣла умолить безчеловѣчную Софію. Ревъ толпы бунтовщиковъ, окружавшихъ дворецъ, проникъ сквозь стѣны святаго храма. Спѣшили узнать причину воплей, и узнали, что въ Кремль привели несчастнаго

Гадена. Три дня скрывался онъ, переодѣтый, въ подгородномъ лѣсу, и оттуда хотѣлъ тайно пробраться въ домъ свой, истомясь голодомъ. «Гаденъ теперь у насъ—отдайте Нарышкина!» вопили злодѣи, присовокупляя къ имени его угрозы и проклятія. «Такъ что жь ты медлишь, Иванъ?» говорилъ Ивану Кириловичу старый, трусливый бояринъ, князь Одоевскій — «ты погубишь всѣхъ насъ, да и тебѣ, Государыня Царица, не спасти брата—отдавай его скорѣе!» Наталія сама вывела несчастнаго брата на крыльцо, упала на колѣни предъ кровожадною толпою злодѣевъ — тщетныя мольбы! Брата вырвали изъ рукъ ея, поволокли въ застѣнокъ, пытали, мучили, вмѣстѣ съ Гаденомъ, изрубили ихъ въ куски, бросили окровавленныя останки ихъ на площади, но бунтъ прекратился симъ послѣднимъ злодѣйствомъ. Смолкли вопли, затихъ набатъ, хотя Стрѣльцы не оставляли оружія, пируя и славясь побѣдою. Тѣла убитыхъ позволено было убирать съ Красной площади, гдѣ уже

три дня заражали они смрадомъ воздухъ. Никто не смѣлъ дотолѣ прикоснуться къ нимъ Только одинъ вѣрный рабъ Матвѣева, арапъ Иванъ не побоялся стражи и оружія злодѣевъ; онъ собралъ въ коверъ куски тѣла своего добраго господина, положилъ ихъ въ гробъ, отвезъ въ церковь Николы въ Столпахъ и похоронилъ ихъ тамъ на погостѣ церковномъ. Какъ милости просилъ онъ потомъ у сына Матвѣева обѣщанія похоронить его подлѣ могилы его добраго боярина Артемона Сергѣевича. Памятникъ, воздвигнутый потомкомъ Матвѣева, означаетъ нынѣ мѣста могилъ любимца Алексіева, погибшаго за усердіе къ царямъ, дѣтей его, супруги — рядомъ съ ними могила вѣрнаго арапа Ивана.

На другой день, по призыву Патріарха и бояръ, собралась въ Кремлѣ *Земская Дума*. Софія ожидала безусловной покорности, и изумилась, увидя, что никто не соглашается низвести съ престола Петра и нарушить при-

сягу, ему данную. Она не хотѣла смерти младшаго брата, но сорвать съ главы его царскій вѣнецъ и передать Іоанну положила рѣшительно. Видя единодушное сопротивленіе, даже въ то время, когда Стрѣльцы еще не положили оружія, когда кровь избіенныхъ ими дымилась еще на Московскихъ стогнахъ, Софія рѣшилась уступить любви народной къ Петру, предоставляя будущему довершеніе дѣла, и предложила избрать вмѣстѣ на царскій престолъ Іоанна и Петра. Неслыханное предложеніе о *двоецарствіи*, возмутило Думу. Тогда Софія напомнила, что не *разсуждать*, но *повиноваться* ей собрала она безразсудныхъ упрямцовъ. Стрѣльцы явились по ея тайному повелѣнію въ Кремль, сказали, что имъ передано извѣстіе о спорѣ бояръ и Земской Думы противъ законнаго наслѣдника; что они хотятъ снова придти на защиту его, «и пусть тогда отвѣчаютъ за новое кровоpазлитіе злые бояре, но не винятъ насъ,» прибавили Стрѣльцы. Угроза мгно-

венно рѣшила споръ. Положено объявить вмѣстѣ царями Іоанна и Петра. Рѣшеніе Думы передали народу. Зная, что тѣмъ прекращается смятеніе, народъ радостно принялъ вѣсть. Москва присягнула въ вѣрности обоимъ Царямъ.

Догадывались, *кто* будетъ правительницею и не обманулись въ догадкѣ. Вторичный приходъ толпы вооруженныхъ Стрѣльцовъ, требовавшихъ, да будетъ до совершеннолѣтія Царей правительницею Россіи мудрая сестра ихъ, царевна Софія Алексѣевна, заставилъ Земскую Думу, бояръ и Патріарха молить Софію объ исполненіи просьбы народа. Второй Годуновъ, лицемѣрно представляясь кроткою и смиренною, Софія долго отрекалась, приняла наконецъ предложеніе, и клялась быть правосудною и милостивою, не страшась бремени царскихъ заботъ и государственныхъ дѣлъ, помышляя только о благѣ народа и чести Русской земли.

Неужели высокомѣрная Царевна дѣйстви-

тельно думала, что силъ ея достанетъ, и что она со славою поддержитъ правленіе царствомъ, на которое недоставало опытности мудраго родителя ея и ревности на добро благочестиваго брата ея, царя Θеодора?

Іюня 25-го совершилось въ Успенскомъ соборѣ коронованіе царей Іоанна и Петра. Для сего священнаго обряда приготовили два трона, два вѣнца, два скипетра, двѣ державы, двои бармы. Великолѣпные обѣды въ Грановитой Палатѣ и милости Двору, войску и народу ознаменовали начало тишины. Москва отдохнула. Присяга Царямъ совершена была всюду по Россіи, въ Сибири, въ Малороссіи, на Дону, съ благоговѣйною покорностью волѣ Провидѣнія: на Бога надѣялись Рускіе, Ему предавали судьбу свою и не обманулись въ упованіи.

Злодѣйство торжествовало. Борьба тайныхъ дворскихъ крамолъ кончилась тревогами бунта и ужасами кровопролитія. Софія, Милославскій, прежніе друзья ихъ, уже не скры-

вавшіе себя болѣе, уже гордившіеся преданностью къ Софіи и участіемъ въ возведеніи на престолъ царя Іоанна, явились повелителями Двора и государства и рѣшили участь униженныхъ противниковъ своихъ. Но торжество злодѣйства не надежно. Оно само себя подкапываетъ, возвышаясь хитростями и кознями; его побѣда уже носитъ въ себѣ зародышъ паденія—и какъ иначе могли бы оправдаться передъ нами благость и правосудіе Божіе?

РАЗСКАЗЪ ВТОРОЙ.

ПРАВЛЕНІЕ ЦАРЕВНЫ СОФІИ.

1682 — 1689 г.

Народы міра! вразумитесь,
Зря гордыхъ сокрушаемъ рогъ,
И властолюбія страшитесь —
Власть свыше посылаетъ Богъ!

Державинъ.

Невиданное дотолѣ зрѣлище увидѣла Россія: *двухъ Царей* на одномъ престолѣ и *царевну Правительницею* государства. Были въ Русской землѣ примѣры Ольги и Елены, но та и другая были супруги властителей Русской земли, и обѣ правили по кончинѣ ихъ, во время малолѣтства своихъ сыновей. Никогда прежде Русская земля не видала власти государя въ рукахъ дѣвицы, сестры царской. И Софія не довольствовалась только названіемъ; имя ея не для вида только стояло въ царскихъ указахъ послѣ именъ братьевъ: она была полновластною царицею; сама управляла царствомъ, засѣдала въ думѣ боярской

своею думою опредѣляла миръ и войну. Софія не принимала лично Пословъ иностранныхъ, но во время аудіенцій, когда юные Цари, братья ея, возсѣдали на своемъ двойномъ, великолѣпномъ, серебряномъ тронѣ, нарочно заказанномъ искусному мастеру въ Гамбургѣ, Софія стояла за высокою, узорчатою спинкою трона, невидимая, и подсказывала братьямъ отвѣты. Вокругъ Софіи тѣснились всѣ, кто искалъ богатствъ и почестей. Стихотворцы славили ее въ риѳмахъ, называли ее *Сѣверною Семирамидою, Русскою Пулхеріею,* второю *Елисаветою,* паче Британской мудрою и великою; выгравировали портретъ ея и обставили на немъ изображеніе Софіи эблеммами всѣхъ добродѣтелей. Царица Наталія, сынъ ея и двѣ дочери казались отчужденными, забытыми среди волненія дворскаго, гдѣ величіе и великолѣпіе умножали еще тогда вдовствовавшая супруга Ѳеодора, царица Марѳа Матвѣевна, и царь Іоаннъ. Софія не замедлила сочетать его бракомъ, избравши не-

вѣстою красавицу, Прасковью Ѳедоровну Салтыкову. Больной, слабый, подслѣповатый Іоаннъ безмолвно повиновался сестрѣ. Три любимца Софіи, *Милославскій*, *Хованскій*, *Голицынъ*, раздѣляли власть съ Софіею, и казались дружными, подѣливъ между собою мѣста: Милославскій взялъ нѣсколько доходныхъ Приказовъ; Хованскій Стрѣлецкій Приказъ и начальство надъ Стрѣльцами; Голицынъ Посольскій Приказъ, гдѣ изумлялъ иностранныхъ пословъ гордымъ величіемъ, ловкимъ умомъ, познаніями, хитростью въ переговорахъ.

Но не равныхъ достоинствъ были и неравно были любимы Софіею три временщика. Милославскаго, отличавшагося только честолюбіемъ и жадностью къ прибытку, Софія уважала, какъ родственника и единственнаго помощника при овладѣніи трономъ. Хованскаго-Тараруя, любимаго Стрѣльцами и суевѣрами, ограниченнаго умомъ, преданнаго расколу и грубаго, она болѣе боялась, нежели любила. Душею совѣтовъ, другомъ и истиннымъ любимцомъ

ея былъ Голицынъ. Честолюбіе неограниченное, при увѣренности въ своихъ воинскихъ и министерскихъ способностяхъ, преобладало Голицынымъ. Онъ не терпѣлъ совѣтниковъ и товарищей — одинъ хотѣлъ власти. Софія уступила ему, и когда вскорѣ потомъ Хованскій поссорился съ нимъ, Голицынъ придумалъ хитрый замыселъ, коимъ могъ уничтожить Хованскаго, и вмѣстѣ съ нимъ прежнихъ помощниковъ своихъ, Стрѣльцовъ.

Буйныя дружины Стрѣлецкія ожидали наградъ и не ошиблись въ надеждѣ. Не только наградили Стрѣлецкіе полки деньгами, но царскою граматою велѣно считать бунтъ ихъ заслугою и великимъ подвигомъ. Они получили названіе *Надворной пѣхоты.* Злодѣйскія дѣла ихъ, на память потомству, были описаны съ похвалою, и описаніе поставлено было на каменномъ столбѣ, воздвигнутомъ на Московской Красной площади. Но награждая мятежниковъ, Софія понимала, что на нее падалъ въ глазахъ народа неизгладимый позоръ

кроваваго участія въ ихъ злодѣйствѣ. Другія опасенія еще болѣе тревожили Софію. Стрѣльцы возгордились наградами и не уважали никого, сдѣлались страшны своею наглостью и силою. Хованскій казался властителемъ Москвы, окруженный Стрѣльцами, не слушалъ ничьихъ совѣтовъ, грозилъ управиться со всѣми по своему. И первою заботою Софіи и Голицына послѣ награды Стрѣльцовъ была мысль — уничтожить сіе опасное скопище вооруженнаго, буйнаго народа.

Событіе, случившееся вскорѣ послѣ Стрѣлецкаго бунта, показало вполнѣ, какъ опасенъ былъ примѣръ ненаказаннаго злодѣйства Стрѣльцовъ. Если Софія употребила толпы ихъ средствомъ достигнуть престола, другіе могли также видѣть въ нихъ орудіе преступныхъ замысловъ, и первые рѣшились тѣмъ воспользоваться, при помощи покровителя своего Хованскаго, раскольники, или *старовѣры*. Къ числу ихъ принадлежало множество Стрѣльцовъ. Лжеучители раскольничьи дотолѣ тай-

лись, скрывались въ Москвѣ, но послѣ Стрѣлецкаго бунта начали явно разсѣвать свое лжеученіе, думая, что ихъ подкрѣпятъ Стрѣльцы оружіемъ, а Хованскій заступленіемъ у престола. Злѣе всѣхъ другихъ изувѣровъ былъ Суздальскій распопа *Никита*, прозванный *Пустосвятомъ*. Онъ и сообщники его, бѣглые иноки и развратные холопы, прикрываясь личиною святости, увлекали народъ, проповѣдывали на улицахъ и площадяхъ, и наконецъ собравшись толпами, рѣшились потребовать собора, обѣщая раскольникамъ торжественно оспорить Патріарха. Съ зажженными свѣчами, налоями, книгами, при неистовыхъ вопляхъ и духовныхъ пѣсняхъ, пришли они въ Кремль, и стали подлѣ Архангельскаго собора, вызывая Патріарха на словопреніе всенародное. Испуганный архипастырь тщетно посылалъ уговаривать изступленныхъ. Думая, что Патріархъ и Дворъ Царскій робѣютъ, Никита провозглашалъ побѣду. Народъ, наполнившій Кремль, не приставалъ къ раскольникамъ, но

изъявлялъ недоумѣніе и полагалъ соборъ дѣломъ необходимымъ. Софія была не Наталія. Толпѣ народа и Стрѣльцовъ, ободрявшихъ Никиту, она выслала объявить, что соглашается на соборъ, пошла въ Грановитую Палату, призвала Патріарха и духовенство, окружила себя боярами и стражею, и велѣла ввести изувѣра Никиту и его сообщниковъ. Они бросились во дворецъ шумною толпою, и остановились изумленные величавымъ спокойствіемъ Царевны, безмолвнымъ благолѣпіемъ Двора и твердостію духовенства, готоваго состязаться съ ними о правотѣ вѣры. Софія повелительно запретила рѣчь Никитѣ, какъ беззаконнику, лишенному іерейскаго сана. Сообщники его оробѣли и безъ него не знали, что сказать. Но уличаемые въ безуміи своемъ, они развиврѣпѣли, осмѣлились наконецъ кричать, даже буйствовать и изрыгать ругательства. Никита порывался бить краснорѣчиваго архіерея Архангелогородскаго Аѳанасія. Софія хотѣла немедленно взять подъ стражу Никиту, но ей

представили опасность столь смѣлаго поступка, когда народъ окружалъ дворецъ и ждалъ мирнаго рѣшенія спора, хотя Софія видѣла, что между Стрѣльцами много остается противниковъ раскола. Она безъ гнѣва отпустила изувѣровъ, обѣщая возобновить на другой день преніе. Ликуя побѣду вышелъ Никита на Лобное Мѣсто. Народъ въ безмолвіи разошелся изъ Кремля. Ночью, посланные отъ Софіи взяли Никиту и его сообщниковъ. Подъ крѣпкою стражею, изувѣръ былъ выведенъ на площадь, гдѣ прочитали ему осуждавшій его на смертную казнь указъ царскій, и предложили помилованіе, если онъ раскается и оставитъ расколъ. Никита молча перекрестился *старымъ крестомъ* и легъ на плаху. Народъ видѣлъ казнь его и не заступался за дерзкаго возмутителя.

Явно было, что Хованскій и Стрѣльцы участвовали въ бунтѣ Никиты, и только рѣшительность Софіи и недоумѣніе бунтовщиковъ спасли Москву отъ кроваваго смятенія. Софія

хотѣла предупредить на будущее время подобныя пагубныя событія, тѣмъ болѣе, что Хованскій становился день ото дня наглѣе и дерзновеннѣе. Онъ требовалъ новыхъ наградъ Стрѣльцамъ, и всенародно, не скрывая досады, говорилъ имъ, когда Софія отказала: «Промышляйте сами, дѣти, какъ знаете! Видите, что меня ужь не слушаютъ.» Съ нимъ продолжали по прежнему обходиться ласково, милостиво, и онъ ничего не подозрѣвалъ, когда въ началѣ Сентябрѣ 1682 года Софія и весь Дворъ царскій переѣхали въ подгородное село Коломенское. Тамъ, среди обширныхъ садовъ, построены были красивые, раскрашенные, раззолоченные терема царскіе — «игрушка, столь прекрасная, что ей недоставало только (какъ говорилъ одинъ изъ иностранныхъ пословъ, бывшихъ тогда въ Россіи) футляра, въ коемъ можно бъ было хранить ее, какъ вещь драгоцѣнную.« Хованскій оставленъ былъ начальникомъ Москвы. Неожиданно явились въ Коломенскомъ письма, при-

битыя ночью у входа въ дворецъ неизвѣстными людьми. Софію извѣщали въ нихъ, что Хованскій готовитъ возмущеніе, хочетъ умертвить обоихъ Царей, Софію, Царицъ, женить сына своего на одной изъ младшихъ царевенъ и завладѣть престоломъ. Софія притворилась испугавшеюся, поспѣшно собралась, уѣхала со всемъ дворомъ въ Звенигородскій Саввинскій монастырь, и оттуда разослала во всѣ ближніе города царскія граматы, сзывая народъ и войско на защиту престола. Хованскій все еще ничего не подозрѣвалъ, когда получилъ приглашеніе Софіи пріѣхать къ ней на совѣтъ и праздновать вмѣстѣ съ нею день ея именинъ (Сентября 17-го). Дворъ находился тогда на дорогѣ въ Троицко-Сергіевскую лавру, остановясь временно въ селѣ Воздвиженскомъ. Хованскій отправился съ двумя сыновьями и отрядомъ Стрѣльцовъ. Его схватили на дорогѣ посланные отъ Софіи воины и привезли въ Воздвиженское. Тамъ уже готовъ былъ смертный приговоръ неосторож-

ному честолюбцу. Напрасно просилъ онъ суда, надѣялся оправдаться; ему не дозволили даже видѣться и говорить съ Софіею, спѣшили казнью его, такъ, что когда не нашлось палача, какой-то Стрѣлецъ, по приказанію Софіи, отрубилъ ему голову. Сынъ Хованскаго не хотѣлъ даже и оправдываться, поцѣловалъ трупъ отца и съ молитвою склонилъ голову свою подъ сѣкиру.

Софія ждала бури. Поспѣшно уѣхала она съ Царями и Дворомъ въ Троицко-Сергіеву лавру и затворилась въ крѣпкихъ стѣнахъ сей обители. Здѣсь она была безопасна отъ бунтовщиковъ. Обитель Троицкая, воздвигнутая преподобнымъ Сергіемъ, удалившимся нѣкогда въ дремучіе тамошніе лѣса отъ суеты міра, уже болѣе трехъ столѣтій была предметомъ особеннаго благоговѣнія всей Россіи. Къ мощамъ св. Сергія со всѣхъ концовъ земли Русской стекались тысячи, и цари Русскіе ежегодно, иногда даже по нѣскольку разъ въ годъ, и нерѣдко пѣшкомъ, приходили сю-

да воздавать поклоненіе мощамъ святаго угодника Божія. Стѣны Троицкой обители спасли ее въ 1610 году во время жестокой, 16-ти мѣсячной осады многочисленными и сильными дружинами Поляковъ и измѣнниковъ. Отсюда послышался потомъ голосъ Аврамія Палицына и друга его архимандрита Діонисія, возбудившій дружины Минина и Пожарскаго.

Дѣйствительно: младшій сынъ Хованскаго, спасшійся отъ посланныхъ Софіею, прибѣжалъ въ Москву съ вѣстью о казни отца и возбудилъ опасный мятежъ. Стрѣльцы бросились къ оружію, затворили Москву, подѣлали рогатки по улицамъ, ходили всюду вооруженными отрядами, вопія, что они идутъ въ Троицкую Лавру истребить измѣнниковъ бояръ и отмстить за неповинную смерть общаго отца своего, добраго начальника. Но похвальба мятежниковъ затихла и страхъ объялъ ихъ, когда узнали они, что по граматамъ царскимъ собрались въ Троицкую обитель изъ городовъ тысячи воиновъ; что собранныя вой-

ска просятъ позволенія идти въ Москву, истребить Стрѣльцовъ, давно ненавистныхъ имъ, и что сами Цари хотятъ вести къ столицѣ свои сильныя ополченія. Еще немногіе изъ злодѣевъ кричали, что на встрѣчу врагамъ выставятъ они женъ и дѣтей Московскихъ жителей, и что только по ихъ трупамъ придутъ царскія войска въ Москву. Не было начальника надъ бунтовщиками. Гибель неотвратимая грозила имъ, и толпою побѣжали они къ Патріарху, моля его о заступленіи, раскаяваясь въ бунтѣ, отступаясь отъ Хованскихъ. Прошеніе было передано отъ архипастыря Царямъ, но Софія являлась неумолимою, и напрасно убѣждалъ ее Патріархъ простить раскаявающихся. Стрѣльцы должны были смириться безусловно, положить оружіе, отправить выборныхъ къ Царевнѣ въ Троицкую обитель, и тамъ ожидать ея рѣшенія. Покорные, отчаяваясь въ жизни, явились предъ Царевною преступники. Послѣ строгаго выговора Софія объявила милость свою Стрѣльцамъ

и сопровождаемая войсками торжественно пріѣхала въ Москву съ Царями и Дворомъ. До самаго Алексѣевскаго села (въ 3-хъ верстахъ отъ Москвы) Стрѣльцы стояли на колѣняхъ по дорогѣ, кланялись въ землю и со слезами благодарили за помилованіе. Софія начала тайный розыскъ, казнила самыхъ закоснѣлыхъ мятежниковъ, объявила гнѣвъ свой другимъ, лишила Стрѣльцовъ названія Надворной пѣхоты, велѣла разломать похвальный столпъ ихъ на Красной площади, перевела Московскихъ Стрѣльцовъ въ города, изъ городовъ взяла въ Москву выборныхъ военныхъ людей, уменьшила въ половину число Стрѣльцовъ Московскихъ, запретила имъ носить оружіе, и — сила Стрѣлецкая упала и исчезла на всегда. Стрѣльцы не смѣли даже роптать, ибо жестокое наказаніе положено было за каждое возмутительное слово.

Смерть Хованскаго дала полную свободу князю Вас. Вас. Голицыну. Онъ получилъ великія награды, наименованъ былъ Новгород-

скимъ Намѣстникомъ, Царской Печати и Посольскихъ Дѣлъ Оберегателемъ, Ближнимъ Воеводою. Безсчетны были богатства въ его Московскомъ великолѣпномъ домѣ, покрытомъ, вмѣсто желѣза, мѣдными листами. Золото, серебро, дорогіе уборы изумляли даже иностранцовъ, когда удостоивалъ принимать ихъ въ домѣ своемъ Голицынъ. Милославскій, конечно, недолго оставался бы его соперникомъ. Онъ успѣлъ умереть во-время (черезъ два года послѣ Стрѣлецкаго бунта, въ 1684 г.) и спасся отъ униженія и погибели. Голицынъ взялъ себѣ послѣ него управленіе его Приказами и раздалъ ихъ своимъ любимцамъ; опредѣлилъ въ Стрѣлецкій Приказъ дьяка Шакловитаго; удалилъ изъ Кремлевскихъ чертоговъ царицу Наталію съ ея дѣтьми; отнялъ у царя Петра опредѣленныхъ къ нему отцомъ и братомъ приставниковъ; назначилъ надзирателемъ его близкаго родственника своего, князя Бориса Алексѣевича Голицына, и нако-

нецъ — только царскаго титула недоставало любимцу Софіи!

Безопасные отъ внутреннихъ враговъ и злоумышленниковъ, Софія и Голицынъ обратили вниманіе на внѣшнія дѣла государственныя. Они отправили посольства въ Швецію, Данію, Голландію, Бранденбургъ, Англію, Францію, Польшу, къ Султану и къ Императору, извѣщая о кончинѣ царя Өеодора, воцареніи Іоанна и Петра, и желаніи Россійскихъ государей поддержать миръ и дружбу съ другими монархами. Всѣ государи почтили привѣтомъ своимъ граматы и посольства Царей. Короли Датскій и Шведскій прислали въ Москву своихъ Пословъ. Король Шведскій, боясь, что Россія возобновитъ споры о земляхъ прибалтійскихъ, насильственно отнятыхъ при Михаилѣ и Алексіи, богатыми дарами убѣдилъ Голицына подтвердить Кардисскій миръ. Царь Грузинскій Арчилъ, гонимый врагами и мятежниками, просилъ убѣжища въ Россіи, явился въ Москву и униженно кланялся Царямъ и Со-

фіи. Дѣти его, Грузинскіе Царевичи, были приняты въ Россійскую службу. Софія заключила торговые договоры съ Англіею, Голландіею и Бранденбургомъ.

Въ правленіе Софіи былъ заключенъ первый трактатъ съ Китайскимъ государствомъ. Почти въ то самое время, когда Португальцы отправили первое посольство свое въ Китай, начались сношенія Рускихъ съ Китаемъ. До насъ дошло описаніе Китая, составленное Русскими гонцами, бывшими въ Пекинѣ въ 1567 году. Подвигаясь на югъ и на востокъ въ Сибири, Рускіе построили наконецъ въ 1647 г., крѣпость Албазинъ на рѣкѣ Амурѣ, а въ 1654 г. крѣпость Нерчинскую за Байкаломъ. Явленіе невиданныхъ дотолѣ завоевателей за Байкаломъ и на Амурѣ встревожило Китайцовъ; они собрали войско, осадили, взяли Албазинъ, завели переговоры, спорили съ Нерчинскими воеводами. Царскіе послы, Байковъ и Спафарій, ѣздили въ Пекинъ въ 1656 и 1676 г. Но строгое чинопо-

ложеніе Китайскаго Двора не допустило Богдыхана принять Русскихъ пословъ. Споры продолжались послѣ того безпрерывно. Руские снова выстроили Албазинъ. Китайцы осаждали его безуспѣшно. Софія отправила, въ 1686 г., окольничаго Ѳ. А. Головина, предписавъ ему опредѣлить границы и утвердить дружбу съ Китайцами. Китайскіе послы пріѣхали въ Нерчинскъ, съ іезуитами Перепрою и Гербильономъ, и послѣ продолжительныхъ переговоровъ Головинъ назначилъ съ ними предѣлы Россіи за Байкаломъ, уступилъ Албазинъ и Амуръ, и положилъ правила торговлѣ и взаимнымъ торговымъ сношеніямъ.

Гораздо важнѣйшее дѣло Софіи состояло въ опредѣленіи отношеній Россіи къ Польшѣ. Изумительная судьба вела царство Ягеллоновъ къ явной гибели, и храбрый Іоаннъ Собіескій, не только не поддержалъ падавшаго трона Польскаго, но двадцати - лѣтнее царствованіе его рѣшительно погубило Польшу. Смѣлые подвиги, добрыя намѣренія, храбрость Собіе-

скаго, все обращалось подданнымъ его во зло и въ гибель. Странную противоположность свойствъ безстрашнаго героя и ничтожнаго политика соединялъ въ себѣ Собіескій, рыцарь на полѣ битвы, рабъ жены своей, тщеславной Французской маркизы, орудіе іезуитовъ и жидовъ-откупщиковъ въ дѣлахъ внутреннихъ, игралище чуждой дипломатики въ дѣлахъ внѣшнихъ. Супруга Собіескаго и любимцы ея торговали чинами, мѣстами, правосудіемъ, когда Собіескій сражался за чуждыя выгоды съ Турками, изумилъ Европу славнымъ освобожденіемъ Вѣны, осажденной Оттоманами въ 1683 году, и съ поля битвы едва могъ возвратиться въ Польшу сквозь многочисленныя, разъяренныя побѣдою его полчища Турецкія. Но ухищреніе и вѣроломство императора Леопольда не могли отвлечь его отъ *крестоваго союза*, который, при посредствѣ папы Иннокентія XI-го, заключили съ нимъ вновь Императоръ и Венеція. Сей союзъ имѣлъ для Польши слѣдствія самыя несчаст-

ныя. Пока Венеціяне удачно воевали съ Турками и покоряли себѣ Морею, подъ начальствомъ храбраго дожа Морозини, а Императоръ торжествовалъ побѣды надъ Оттоманами въ Венгріи и на Дунаѣ, вся тяжесть мщенія музульмановъ падала на несчастную Польшу. Собіескій видѣлъ толпы Татаръ Крымскихъ, безнаказанно грабившія его государство, когда въ одно время его собственные подданные возставали противъ него. Собіескій понималъ пользу союза съ Россіею, ибо Россія могла отвлечь Татаръ, но однакожь три года мучился, терзался несчастный властитель Польши, и не уступалъ своихъ горделивыхъ требованій, не хотѣлъ навсегда утвердить Кіева и Малороссіи за Россіею. Софія презирала его угрозы, не слушала убѣжденій Франціи, Швеціи, Папы, Венеціи, Императора, присылавшаго нарочно, въ 1684 году, пословъ своихъ (бароновъ Жировскаго и Блюмберга) великолѣпною рѣчью убѣждавшихъ Россію поднять оружіе на враговъ имени христіан-

скаго. Софія поддерживала дружбу съ Султаномъ и Крымомъ, отвергла предложенія Молдавскаго Господаря, умолявшаго ее о покровительствѣ, и упорство ея наконецъ довело Собіескаго до согласія на всѣ предложенныя ему условія. Въ 1686 г. послы Польскіе, Гримультовскій и Огинскій, заключили въ Москвѣ договоръ, коимъ Польша на вѣки уступила Россіи Кіевъ; утвердила за нею Смоленскъ, Малороссію и Запорожскихъ казаковъ (отдѣльно жившихъ за Днѣпровскими порогами, и подобно Мальтійскимъ рыцарямъ, безпрерывно воевавшихъ съ Турками и Татарами); подтвердила царямъ Россійскимъ титулъ *пресвѣтлѣйшихъ, державнѣйшихъ, Кіевскихъ, Смоленскихъ, Черниговскихъ и Малыя Россіи государей.* Софія заплатила Польшѣ 150,000 р. за убытки и обѣщала воевать съ Султаномъ. Собіескій плакалъ, подписывая унизительный договоръ. Но тѣмъ горделивѣе были радость и торжество Софіи. Награды Голицыну, производив-

шему переговоры съ Собіескимъ, великолѣпное призваніе подданныхъ къ оружію на врага христіанъ, сборъ многочисленнаго войска и извѣщеніе всѣхъ государей Европейскихъ о мирѣ съ Польшею и союзѣ Россіи противъ Султана, ознаменовали столь важное государственное событіе. Бояринъ Шереметевъ былъ посланъ въ Вѣну и заключилъ тамъ союзный договоръ съ Императоромъ. Князь Я. Ѳ. Долгорукій отправился посломъ къ Людовику XIV-му и предложилъ ему союзъ. Гордый Людовикъ, воевавшій тогда противъ Императора, съ негодованіемъ услышалъ о союзѣ съ нимъ Рускихъ, и принялъ Русскаго посла неучтиво, даже грубо. «Къ чему полезна намъ дружба Россіи и царя Русскаго? Онъ не сосѣдъ нашъ и составляетъ лицо совершенно постороннее въ Европейской политикѣ», говорили министры королевскіе. Думалъ ли Людовикъ XIV-й, что черезъ двадцать пять лѣтъ увидятъ Русскаго царя однимъ изъ могущихъ дѣятелей политики Европей-

ской, а черезъ сто двадцать лѣтъ потомъ Рускіе придутъ въ его великолѣпный Парижъ предписать миръ Франціи, подарить миромъ Европу и возвратить тронъ его потомкамъ! Долгорукій проѣхалъ въ Испанію, гдѣ на его требованія отвѣчалъ только жалобами слабоумный король Карлъ II-й, увѣряя, что у него (обладателя Перу и Мексики) нѣтъ денегъ снарядить войско противъ Султана. Оскорбленная отказомъ, Софія прервала всѣ сношенія съ Франціею и Испаніею. Горделиво мечтала она о покореніи Крыма. Голицынъ, считая себя великимъ полководцомъ, спѣшилъ приготовленіями къ войнѣ, и 22-го Февраля 1687 г. Патріархъ благословилъ полки, собранные въ Москвѣ. Цари вручили Голицыну драгоцѣнную булаву, клейнодъ званія главнаго воеводы. Въ Малороссіи сошлось сильное Русское ополченіе. Гетманъ Малороссійскій Самойловичъ присоединилъ къ нему своихъ казаковъ, и лѣтомъ 1687 года Голицынъ двинулся въ походъ на Крымъ.

Южные предѣлы Россіи составляла въ то время *Малороссія*, или земли, бывшія издревле жилищемъ разныхъ кочевыхъ народовъ, Хазаръ, Половцовъ, Печенѣговъ, Торковъ. По истребленіи ихъ Монголами, съ XIII вѣка земли сіи оставались пустынями, а въ началѣ XVII-го столѣтія заселили ихъ казаки, перешедшіе сюда изъ-за Днѣпра, когда притѣсненія Польши и Турціи заставили сихъ храбрыхъ наѣздниковъ подчиниться Россіи. Казацкія поселенія составляли *Слободскіе полки*, или первое переселеніе казаковъ (въ 1654 году, когда основаны были города: Сумы, Ахтырка, Острогожскъ, Харьковъ и Изюмъ), и *Малороссія собственно*, управляемая гетманомъ, коего избирали изъ среды своей казаки, но утверждалъ царь. Они составляли 10-ть полковъ: Кіевскій, Прилуцкій, Нѣжинскій, Лубенскій, Гадяцкій, Миргородскій, Полтавскій, Переяславскій, Стародубскій и Черниговскій. На западъ границу Малороссіи опредѣлялъ Днѣпръ; на югъ отъ Днѣпра до Сѣвернаго

Донца протягивался рядъ укрѣпленій, или *Украинская линія*, начинаясь немного южнѣе Кіева. За сею линіею простирались до береговъ Чернаго моря и Крыма безплодныя, безлѣсныя и безводныя степи, гдѣ только по теченію Днѣпра, за порогами Днѣпровскими, былъ отдѣльный притонъ Запорожцовъ, или *Запорожская Сѣча*. Степи сіи считались Турецкимъ владѣніемъ, хотя немногія только крѣпости Турецкія, Кизи-Кермень, Исламъ-Кермень и другія, были по теченію Днѣпра и близъ устья Днѣпровскаго, разливъ коего въ устьѣ, или *лиманъ*, защищала сильная крѣпость Очаковская. Прибрежье Черноморское около Очакова заселяли Буджацкіе Татары, простираясь до самой Бессарабіи. Крымскіе Татары занимали къ западу полуостровъ Крымскій, или древнюю Тавриду. Узкій перешеекъ, соединяющій сей полуостровъ съ матерйкомъ, единственный проходъ сухимъ путемъ въ Крымъ, былъ отъ Чернаго до Азовскаго моря перекопанъ глубокимъ рвомъ; сія

Перекопь защищена была высокимъ валомъ съ крѣпостями, и по имени ея всѣ степи отъ Чернаго моря до Малороссіи именовались *Перекопскими.* Здѣсь-то было мѣсто безпрерывныхъ битвъ Запорожцовъ и казаковъ съ бусурманами. Въ лодкахъ по Днѣпру, на бодрыхъ коняхъ черезъ степи необозримыя, заросшія бурьяномъ, правя путь по вѣтру, звѣздамъ и степнымъ курганамъ, пробирались казацкіе наѣздники къ Татарамъ, грабили ихъ селенія, отбивали у нихъ стада, увозили красавицъ Татарскихъ. Мстя за обиды, Татары переходили черезъ степи, обманывали бдительность казацкой стражи по Украинской линіи, грабили и жгли Малороссію. Напрасно въ мирное время царь запрещалъ набѣги казакамъ, а Султанъ хану Крымскому. Мира здѣсь не знали. Битвы были безконечны и свирѣпы. Черезъ Перекопскія степи проходили Крымцы и въ набѣги свои на Польшу.

По расположенію, утвержденному въ совѣтѣ воеводъ, Голицынъ хотѣлъ спуститься съ

войскомъ своимъ берегами Днѣпра до Кизи-Керменя (нынѣшняго Бериславля), и отсюда черезъ степи быстро ударить на Перекопь. Огромные запасы военные, тяжелый пушечный снарядъ и безконечный обозъ сопровождали Русское войско. Медленно двигалась тяжелая громада Русскаго ополченія по Малороссіи, въ началѣ Іюня перешла Украинскую линію и продолжала идти по берегамъ Днѣпра и по впадающимъ въ него рѣкамъ. Уже и здѣсь начиналъ оказываться недостатокъ хлѣбнаго запаса, сѣна, дровъ. Непріятель не показывался. Но когда Русское войско отошло отъ Днѣпра, Русскіе воеводы ужаснулись, увидя неожиданную хитрость Крымцовъ: они зажгли траву, и весь необозримый океанъ степей вспыхнулъ и выгорѣлъ отъ Днѣпра до Перекопи. Подъ знойнымъ небомъ, среди опаленной степи, задушаемые дымомъ, смрадомъ, пылью, взвиваемою пустынными вѣтрами, томясь жаждою въ безводныхъ степяхъ, Рускіе не могли продолжать далѣе похода. Люди и ло-

шади гибли. Войско уныло, упало духомъ, и съ трепетомъ ожидало внезапнаго нападенія Татарскаго.

Самовластно рѣшая всѣ воинскія дѣйствія, Голицынъ велѣлъ отступать, потерялъ при отступленіи много народа, побросалъ пушки и снаряды, лишился болѣе 40,000 воиновъ, хотя Руские не обмѣнялись ни однимъ выстрѣломъ съ Татарами, и весь походъ болѣе нежели сто-тысячнаго ополченія Русскаго ограничился ничтожными сшибками казаковъ съ Крымскими наѣздниками. Стыдъ неудачи терзалъ гордаго любимца Софіи. Онъ хотѣлъ сложить позоръ свой на другаго, и обрекъ погибели стараго Гетмана Малороссійскаго.

Уже пятнадцать лѣтъ, мирно покорствуя Русскому царю, правилъ Малороссійскими казаками гетманъ Самойловичъ, раболѣпно услуживалъ царскимъ воеводамъ, обуздывалъ отвагу и удальство казацкой вольницы, не думалъ спорить за старинныя права, утвержденныя при гетманѣ Хмѣльницкомъ. За то не

терпѣли казаки своего гетмана, при раболѣпствѣ Рускимъ и щедрости на подарки Рускимъ боярамъ, скупаго, корыстолюбиваго, и гордаго, хотя всѣ знали, что отецъ его былъ бѣдный священникъ какой-то сельской церкви. Богатства Самойловича возбуждали жадность любимца Софіи, а многіе изъ подчиненныхъ Гетмана завидовали своему начальнику, осыпанному царскими милостями. Завистливѣе, умнѣе и безсовѣстнѣе всѣхъ былъ *Иванъ Мазепа*, генеральный есаулъ казацкій. Никто не зналъ происхожденія Мазепы. Вообще полагали, что онъ былъ Полякъ. Говорили, что онъ находился нѣкогда въ службѣ какого-то богатаго Польскаго воеводы пажемъ, и ловкій и красивый, плѣнилъ молодую жену воеводы. Мстя измѣну жены, разгнѣванный воевода велѣлъ привязать своего молодаго пажа къ дикой лошади и пустилъ ее размыкать кости несчастнаго по чистому полю. Бѣшеная лошадь умчала его въ Украйну и пала отъ изнуренія. Казаки нашли Мазепу. Онъ еще дышалъ, хотя избитый и полу-

мертвый. Долго страдалъ Мазепа, вылечился, записался въ казацкія дружины, и отличился удальствомъ и необыкновенными познаніями, ибо зналъ Польскій, Русскій, Латинскій языки, былъ мастеръ читать и писать. Онъ лихо ѣздилъ на лошади, любилъ погулять и не вѣдалъ страха въ битвѣ. Самойловичъ полюбилъ Мазепу, возвелъ въ высшіе чины, посылалъ отъ себя посломъ въ Москву. Низкій угодникъ знатныхъ, буйный товарищъ низшихъ, разгульный, краснорѣчивый, Мазепа успѣлъ понравиться боярамъ, Голицыну, Софіи. Онъ умѣлъ скрывать свои кипящія страсти: былъ въ тайнѣ католикъ — и казался ревностнымъ поборникомъ православія, жадный корыстолюбецъ — и являлся щедрымъ и роскошнымъ, развратникъ — и былъ примѣромъ строгой жизни, едва достигъ высшихъ званій. Когда Русское войско такъ безславно воротилось изъ Крымскаго похода, Мазепа увидѣлъ чѣмъ можно было услужить Голицыну, и догово-

рился съ нимъ о гетманскомъ санѣ за погибель своего благодѣтеля.

Войско Русское расположилось на отдыхѣ въ Малороссіи. Мазепа съ товарищами подалъ Голицыну доносъ, обвиняя Самойловича въ измѣнѣ и неудачѣ похода. Голицынъ принялъ доносъ и послалъ въ Москву. Софія предоставила любимцу своему рѣшеніе столь неожиданнаго дѣла. Голицынъ казался повѣрившимъ клеветѣ. Въ лагерѣ подъ Полтавою тайно велѣлъ онъ захватить Гетмана и собрать *раду*, или совѣтъ казаковъ, въ своемъ великолѣпномъ шатрѣ. Несчастнаго старика Гетмана привели передъ беззаконное судилище. Опираясь на свою серебряную булаву, онъ хотѣлъ оправдываться. Голосъ его заглушили буйные клики. Голицынъ самовластно лишилъ Самойловича гетманскаго чина, отправилъ его въ Москву и захватилъ его богатое имѣніе. Іюля 25-го Мазепа избранъ былъ въ гетманы Малороссійскіе, щедро одарилъ и роскошно угостилъ воеводъ Русскихъ. Вся неудача по-

хода приписана была Самойловичу; его, съ сыномъ и невѣсткою, сослали въ Сибирь, гдѣ скоро оба страдальца, отецъ и сынъ, умерли, а невѣстка питалась милостынею, скитаясь нищею по улицамъ Тобольскимъ. Другой сынъ Самойловича былъ казненъ.

Голицынъ распустилъ войско и спѣшилъ въ Москву. Его встрѣтили, какъ великаго побѣдителя, причли ему въ заслугу *сохраненіе войска во время похода* и *смѣну измѣнника Гетмана*, и осыпали его наградами. Кромѣ вотчинъ, помѣстьевъ, бархатнаго на соболяхъ кафтана, Софія наградила Голицына драгоцѣнною медалью, на золотой цѣпи, въ 300 червонцовъ. Кто смѣлъ послѣ сего обвинить и упрекнуть всемогущаго временщика?

И прежде и послѣ Крымскаго похода, когда совѣтовались о томъ: продолжать ли начатую войну, и Софія и Голицынъ не оставляли заботы о другихъ дѣлахъ государственныхъ. Они снова ввели строгое чиноначаліе и благочиніе во дворцѣ, не допускали мѣстничества,

запрещали роскошь. Софія воздвигла вновь и обновила многіе ветхіе храмы и обители. Академія, предположенная Ѳеодоромъ, была открыта въ Москвѣ, подъ именемъ *Славено-Греко-Латинской*, въ Заиконоспаскомъ монастырѣ. Москва была украшена многими зданіями, изъ коихъ всего болѣе изумлялъ современниковъ Каменный мостъ чрезъ Москву рѣку, построенный подлѣ Боровицкихъ Кремлевскихъ воротъ; строителемъ его былъ монахъ, и въ народѣ донынѣ осталось преданіе о томъ, какъ онъ запруживалъ воду, вычерпывалъ ее, и клалъ потомъ мостовые быки, какъ будто на сушѣ. И послѣ казни Никиты Пустосвята церковь возмущалась расколами. Софія жестоко преслѣдовала ихъ. Тысячи изувѣровъ бѣжали тогда на Донъ, въ Польшу и въ Сибирь. На Дону построили они городокъ и отчаянно дрались съ казаками. Въ Польшѣ, по рѣкѣ Сожѣ, заселили они обширныя слободы, извѣстныя подъ именемъ *Вѣтковскихъ*. Въ Сибири, преслѣдуемые царскимъ войскомъ,

они сжигались десятками, даже сотнями, думая, что тѣмъ спасаютъ себя отъ вѣчной погибели. Такъ въ 1687 г. 400 человѣкъ затворились тамъ въ деревянной церкви, при пѣніи духовныхъ пѣсенъ зажгли церковь и погибли въ пламени. Преслѣдуя изувѣровъ, Софія оказывала покровительство иновѣрцамъ: дозволила католикамъ построить церковь въ Москвѣ; призывала въ Россію гугенотовъ, бѣжавшихъ изъ Франціи послѣ Нантскаго эдикта. Но строго запрещала она иновѣрцамъ обращать въ свою вѣру православныхъ, и особливо распространять какія либо секты. Примѣръ жестокаго наказанія показанъ былъ надъ несчастнымъ Кульманомъ. Онъ былъ какой-то сумасшедшій мечтатель: изъяснялъ Апокалипсисъ, хотѣлъ основать какую-то новую вѣру, подъ именемъ *Іисусовой*, говорилъ, что можетъ творить чудеса и ежедневно бесѣдуетъ съ ангелами. Всюду преслѣдовали его. Двухъ учениковъ его сожгли въ Венгріи. Онъ убѣжалъ въ Царьградъ, потомъ въ Лондонъ,

и наконецъ пріѣхалъ въ Москву. Здѣсь, когда началъ онъ распространять свое странное ученіе, его взяли, судили и сожгли, вмѣстѣ съ ученикомъ его Нордерманомъ.

Слыша, что Императоръ, стѣсненный на Рейнѣ Людовикомъ XIV-мъ, ведетъ переговоры о мирѣ съ Султаномъ, не думая о своихъ союзникахъ, Софія не рѣшалась на второй походъ противъ Крыма. Сильно возражала она противъ исключенія изъ переговоровъ съ Султаномъ Россіи и Польши, и принудила Императора пригласить на совѣщанія Польскаго и Рускаго пословъ. Но условія, предложенныя Софіею Султану, были несбыточныя: Россія требовала на свою долю отдачи Крыма, Азова и всѣхъ земель по Днѣпръ и Черное море. Въ переговорахъ о мирѣ прошелъ 1688-й годъ; они кончились ссорою; надлежало продолжать военныя дѣйствія, и предвидя несогласіе Султана, Голицынъ дѣятельно готовился къ войнѣ. Далеко въ степяхъ за Украинскою линіею, на рѣкѣ Сама-

рѣ, Руские заложили крѣпость *Богородицкую*, гдѣ могли приготовить запасы и устроить пристанище войску ближе къ Крыму. Походу положено было начаться ранѣе, избѣгая лѣтнихъ жаровъ.

Велерѣчивою граматою объявлено было о новомъ походѣ *великаго Русскаго воинства.* Зимою Голицынъ выѣхалъ изъ Москвы. Въ Апрѣлѣ двинулось Русское войско, благополучно достигло Кизи-Керменя, и въ половинѣ Мая вступило въ безводную степь, простиравшуюся отъ Днѣпра болѣе нежели на 100 верстъ, считая прямою чертою отъ границъ Малороссіи до Перекопи. Татары допустили Рускихъ въ самую глубину степей, и здѣсь неожиданно началось прежнее бѣдствіе — степь опять запылала пожаромъ. Но Татары уже не скрывались и хотѣли битвы. Ободренные прежнимъ успѣхомъ, тысячами явились они на легкихъ коняхъ своихъ, окружили Рускихъ, отбивали людей, жгли обозы; каждый усталый, или отстававшій, не

избѣгалъ плѣна или смерти. Наконецъ, въ Черной Долинѣ, началась свальная, жестокая битва. Цѣлыя сутки стояли обозомъ Рускіе, отбивая непріятеля, прогнали его и дошли до Перекопи. Сто тысячь Татаръ укрывались за крѣпкимъ Перекопскимъ валомъ. Боясь отваги Рускихъ, Ханъ еще хотѣлъ хитростью ослабить ихъ прежде сраженія, употребилъ коварство, завелъ переговоры, и когда утомленное, измученное Русское войско, не получая запасовъ, ибо дорога черезъ степь была перерѣзана Татарами, томясь голодомъ и жаждою, приходило въ совершенное отчаяніе, Ханъ прекратилъ переговоры и вызывалъ Рускихъ на бой. Голицынъ поздно увидѣлъ свою ошибку, не смѣлъ рѣшиться на битву, и скрывая стыдъ и досаду, двинулъ обратно Русское войско. Отступленіе было бѣдственно. Татары преслѣдовали Рускихъ, и только съ большою потерею людей, лошадей и снарядовъ, Рускіе успѣли достигнуть береговъ Днѣпра.

Голицынъ не думалъ о насмѣшкахъ, каки-ми сопровождалъ его отступленіе Ханъ Крымскій, упрекая трусостью, бѣгствомъ, вѣроломствомъ. Онъ не боялся и того, что Собіескій не повѣритъ его хвастливому описанію бѣдствій неслыханныхъ и робости Татаръ, не дерзнувшихъ будто бы сражаться съ Рускими. Онъ могъ надѣяться, что Софія опять прикроетъ стыдъ его незаслуженною похвалою. Все сбылось по его ожиданію. Напрасно вопіялъ народъ, не вѣрилъ царскимъ похвальнымъ граматамъ, громко говорилъ, что Голицынъ былъ подкупленъ Ханомъ—великія награды снова были даны ему и войску. Софія величала второй походъ своего любимца паче прежняго. Но Голицынъ трепеталъ возвращаясь въ Москву: тамъ ожидалъ его судія грозный и неумолимый—*царь Петръ*, уже возмужавшій, уже готовый на дѣла и подвиги царскіе. И не напрасно трепеталъ любимецъ Софіи: *1689 годъ* былъ послѣднимъ годомъ власти и правленія Царевны и ея любимца.

Мы видѣли Петра въ младенчествѣ изумлявшаго всѣхъ, кто только могъ приблизиться къ нему, видѣли, какъ надежды народа лелѣяли колыбель его, какъ десяти лѣтъ былъ онъ нареченъ царемъ, какъ злодѣйство и насиліе исторгли у него царскую власть, и какъ онъ устраненъ былъ потомъ отъ Двора и престола сохранивъ только *имя* царя. Царица Наталія рада была удалиться съ нимъ, страшась, что честолюбіе Софіи, буйство крамолъ и свирѣпость мятежниковъ подвергаютъ опасности драгоцѣнную жизнь ея милаго сына. Она избрала мѣстомъ пребыванія дворецъ въ подгородной Преображенской слободѣ, за Нѣмецкою слободою, гдѣ вблизи находились царскій хуторъ и великолѣпный дворецъ Измайловскій, и куда царь Алексій ѣзжалъ тѣшиться звѣриною и птичьею охотою въ заповѣдныхъ лѣсахъ, простиравшихся отъ Сибирской до Троицкой дороги; здѣсь близко была и его любимая соколиная охота, въ Сокольникахъ. Удаленный изъ Кремлевскаго дворца и

отъ Двора царскаго, возрасталъ Петръ, оберегаемый нѣжною матерью, рѣдко являясь въ Кремль къ пріему пословъ, и иногда пріѣзжая присутствовать при церковныхъ обрядахъ, смотрѣ полковъ, торжественныхъ царскихъ обѣдахъ.

Въ Преображенскомъ было свободное раздолье юному Царю. Когда царь Іоаннъ изнывалъ душею и тѣломъ въ Кремлевскомъ дворцѣ и думалъ только о молитвѣ, и когда Софія самовластительствовала въ Москвѣ и въ Думѣ Боярской, укрѣплялся въ силахъ, цвѣлъ здоровьемъ и мужалъ въ доблестяхъ юный братъ ихъ. Славный путешественникъ Кемпферъ, видѣвшій Петра на аудіенціи Шведскихъ пословъ, думалъ, что въ 1683 году было уже ему 15 лѣтъ, и съ восторгомъ говорилъ онъ потомъ въ своихъ запискахъ объ его красотѣ, живости движеній и выраженіи ума въ его горящихъ, юношескихъ взорахъ. Страсть Петра ко всякому ученью была неутолима, но главнымъ занятіемъ его были однакожь постоян-

по *воинскія потѣхи*, какъ ихъ тогда называли. Дѣти, собранныя нѣкогда родителемъ Петра на забаву сына, подрастали, были неразлучными товарищами юнаго Царя, и составили уже отрядъ воинственныхъ юношей, все еще сохраняя названіе *Потѣшныхъ*. Вскорѣ Провидѣніе указало Петру умныхъ и достойныхъ наставниковъ. Одинъ изъ нихъ былъ *Францъ Лефортъ*, урожденецъ Женевскій, полковникъ Нѣмецкаго полка, состоявшаго въ службѣ царской. Другой *Джонъ Патрикъ Гордонъ*, Шотландецъ, потомокъ славныхъ Шотландскихъ Гордоновъ и генералъ Нѣмецкихъ полковъ въ Россіи. Оба, и Лефортъ и Гордонъ, долго скитались по Европѣ, пріѣхали искать счастья въ Россіи, и волею и неволею оставались въ царской службѣ. Петръ увидѣлъ Лефорта, красиваго, умнаго, краснорѣчиваго, сблизился съ нимъ, полюбилъ его, восхищался, слушая его разсказы, еще болѣе убѣдился бесѣдою съ нимъ въ необходимости науки и сдѣлался *ученикомъ* его. Лефортъ

училъ его Нѣмецкому и Голландскому языкамъ, познакомилъ съ нимъ Франца Тиммермана, Страсбургскаго урожденца, бывшаго инженернымъ офицеромъ въ царской службѣ. Петръ учился у Тиммермана математикѣ, фортификаціи, артиллеріи. Обширное чтеніе укрѣпляло умъ юнаго Царя. Лефортъ одѣлъ его Потѣшныхъ въ Нѣмецкіе мундиры, училъ ихъ правильному строю, и Петръ, восхищенный тѣмъ, хотѣлъ все испытать, все изучить самъ. Онъ записался барабанщикомъ и солдатомъ въ роту Лефорта, билъ въ барабанъ, кидалъ артикулъ ружьемъ, стоялъ на караулѣ, дѣлилъ простую пищу своихъ товарищей, жилъ съ ними въ палаткахъ, самъ возилъ въ тѣлежкѣ землю на построеніе маленькой крѣпости, которую соорудилъ Тиммерманъ на берегу Яузы. Крѣпость назвали *Пресбургомъ*, и Петръ и его Потѣшные осаждали и брали ее при пушечной и ружейной пальбѣ. Иногда Петръ ловкимъ всадникомъ гарцовалъ на лихомъ конѣ передъ конными Потѣшными, стрѣ-

лялъ самъ изъ пушекъ на Пушечномъ Дворѣ, приготовлялъ и жегъ фейерверки и производилъ *огненныя увеселенія*. Онъ приблизилъ къ себѣ всѣхъ иностранцовъ, бывшихъ въ Москвѣ, безъ различія чиновъ, даже простыхъ ремесленниковъ. Страсть его къ ученью дошла до того, что онъ учился медицинѣ у лекарей, столярному, токарному ремеслу, плотничеству, даже самъ ковалъ желѣзо и плелъ мужицкія лапти. Вольное обхожденіе, веселая бесѣда съ каждымъ изъ приближенныхъ къ нему, была непремѣннымъ условіемъ для всѣхъ допускаемыхъ къ юному Царю. Часто гулялъ онъ за-просто съ Нѣмцами, Потѣшными, Лефортомъ, офицерами и ремесленниками безъ различія, угощалъ ихъ во дворцѣ своемъ, посѣщалъ домы и жилища ихъ. Зимою бывали въ Преображенскомъ и въ Нѣмецкой слободѣ шумныя катанья. Петръ съ товарищами его веселья ходилъ о святкахъ въ домы своихъ приближенныхъ *славить Христа*; иногда за-просто гулялъ по улицамъ, по рядамъ торго-

вымъ безъ всякой свиты, ѣздилъ въ своемъ Нѣмецкомъ мундирѣ по Москвѣ, въ саняхъ, въ одноколкѣ, ласково говорилъ съ простолюдинами, заходилъ въ домы ихъ, въ Нѣмецкія казармы, въ Стрѣлецкія съѣзжія, разрушая всѣ прежніе уставы дворскіе и повѣрье народное о недоступности царей Русскихъ.

Что думали тогда о Петрѣ, видя неслыханный дотолѣ образъ жизни его? Старики ужасались, слыша о дружбѣ Царя съ Нѣмцами и съ простыми людьми, боялись, что онъ *обусурманится*, и осуждали его. Но молодежъ восхищалась удалымъ Царемъ. Многіе изъ бояръ начали наконецъ представлять царицѣ Наталіи, что опасаются за чистоту вѣры и нравственность ея сына. Говорили, что онъ изнуряетъ здоровье трудами неприличными царю, и губитъ православіе и завѣты отцовъ, дружась съ нехристями. Но Царица видѣла Петра цвѣтущаго здоровьемъ, и нѣсколькихъ словъ его достаточно было оправдать всѣ дѣла его передъ нѣжною матерью. Не смотря на бу-

сурманское, окружавшее его общество, она видѣла юнаго сына своего всегда благоговѣйно почтительнаго къ ней, благочестиваго, усерднаго къ церкви, вспыльчиваго, горячаго, но добродушнаго, готоваго просить прощенія у всякаго, кого оскорблялъ онъ въ гнѣвѣ, готоваго плакать и радоваться при каждомъ сильномъ впечатлѣніи на его душу. Уже и тогда Петръ умѣлъ презирать толки и сплетни изувѣровъ и невѣждъ.

Такъ протекло шесть лѣтъ, и слыша о характерѣ, занятіяхъ и дѣлахъ Петра, Софія начинала тревожиться. Дотолѣ она считала его только рѣзвымъ, прихотливымъ, избалованнымъ ребенкомъ. Ослѣпленная властью, видя раболѣпство всѣхъ, унижавшихся предъ нею, она не безпокоилась, какъ будто забыла, что летятъ годы и возрастаетъ грозный мздовоздаятель за дѣла ея въ юномъ братѣ. Мы сказали, и разсказы самыхъ враговъ Софіи согласно подтверждаютъ, что при первомъ Стрѣлецкомъ бунтѣ, она не думала, по крайней мѣ-

рѣ, не смѣла лишить его жизни, можетъ быть, еще страшась упрековъ совѣсти, трепеща суда Божія за могилою, ужасаясь позора за кровь брата передъ людьми, даже сомнѣваясь, чтобы чья нибудь рука поднялась на державнаго отрока! Но власть постепенно усыпляла совѣсть Софіи. Уже она писала имя свое въ граматахъ *Самодержицею* наравнѣ съ братьями, уже не хотѣла выпустить изъ рукъ своихъ скипетра, даже и при совершеннолѣтіи братьевъ, и рѣшилась устранить Петра, объявя царемъ одного Іоанна, а еслибы умеръ онъ, назначая преемникомъ ему сына его, или дочь, и правя именемъ ихъ. Но все еще не думала Софія себѣ присвоить царскій вѣнецъ. Когда доносили ей о разгульной жизни Петра, и преувеличивая истину, изображали его развратнымъ, безбожнымъ юношею, Софія жадно вѣрила, и не только не хотѣла спасать брата своего отъ гибельныхъ сѣтей разврата, но даже старалась сама волновать пылкія страсти его, ибо тѣмъ легче было бы ей свергнуть

потомъ съ престола Петра, еслибы онъ обезславилъ себя пороками и буйствомъ. Судьбы Божіи и нѣжная мать были его ангелами хранителями.

Безпокойство и тревога Софіи умножились, когда Петръ началъ являться въ Царской Думѣ, вмѣшиваться въ дѣла, изумляя свѣтлымъ умомъ и необыкновенными познаніями бояръ и оспоривая Софію. Его Потѣшные, усиленные сборомъ вольницы, образовали два регулярные полка. Нѣмецкіе полки усердно стояли за него. Всѣ начали замѣчать и говорили, что Петръ недолго будетъ терпѣть опеку Софіи, и при Дворѣ образовалась партія его приверженцовъ, еще не смѣвшая объявить себя, но уже замѣтная и сильная. Ни кто не терпѣлъ гордаго, тщеславнаго Голицына. Лучше хотѣли повиноваться юному, умному Царю, нежели рабствовать передъ Софіею, волею и умомъ которой управлялъ надмѣнный любимецъ ея. Однимъ появленіемъ своимъ, одним словомъ, однимъ взоромъ

Петръ привлекалъ къ себѣ сердца даже самыхъ закоренѣлыхъ староверовъ. Приставленный для надзора за нимъ, князь Борисъ Алексѣевичъ Голицынъ сердечно полюбилъ своего воспитанника, сдѣлался приверженцомъ, защитникомъ, другомъ его. Долгорукіе, Рѣпнины, Голицыны, Апраксины (братья царицы Марѳы Матвѣевны) записались въ Потѣшные полки. Софія недоумѣвала, предвидѣла опасность, но еще ни на что не смѣла рѣшиться.

Послѣ перваго Крымскаго похода Петръ уже не скрывалъ своего негодованія противъ Софіи и Голицына, не соглашался на второй походъ, говорилъ, что столь бѣдственная война безславитъ Россію. Въ Январѣ 1689 года, царица Наталія избрала сыну своему невѣсту, дѣвицу Евдокію Ѳеодоровну, изъ рода Лопухиныхъ. Еще разъ уступивши Софіи и согласившись на второй походъ Крымскій, Петръ отправилъ съ Голицынымъ Лефорта, узналъ черезъ него подробности безславныхъ поступковъ любимца Софіи, и по возвращеніи войскъ

изъ похода изъявилъ сильный гнѣвъ, не допустилъ къ себѣ Голицына, не былъ при раздачѣ наградъ войску. Еще до пріѣзда любимца Софіи въ Москву явная ссора возникла между Софіею и братомъ.

Упорствуя въ самовластіи и не думая уступить брату, Софія осмѣлилась явиться въ церковномъ ходѣ, донынѣ совершаемомъ въ Москвѣ Іюля 8-го, изъ Успенскаго въ Казанскій соборъ, воздвигнутый княземъ Пожарскимъ, въ память избавленія Москвы отъ Поляковъ въ 1612 году. «Тебѣ не мѣсто здѣсь! Ты не царица!» воскликнулъ разгнѣванный Петръ, увидя Софію, явившуюся въ полномъ царскомъ облаченіи. Она не слушала словъ его. Петръ затаилъ негодованіе, не желая соблазнить народъ ссорою, но немедленно уѣхалъ въ Преображенское. Софія испугалась столь рѣшительнаго поступка и хотѣла мириться. Петръ былъ непреклоненъ, даже запретилъ говорить себѣ о Софіи и требовалъ ея безусловнаго повиновенія. Царь Іоаннъ осудилъ поступокъ

сестры и присталъ къ сторонѣ брата. Недоумѣніе и нерѣшительность продолжались, когда Голицынъ пріѣхалъ въ Москву. Онъ не умѣлъ ничего присовѣтовать Софіи. Бояре и народъ явно одобряли поступокъ Петра.

Тогда со страхомъ увидѣла Софія, какъ не надежна власть ея. Уже не было сильнаго буйнаго скопища Стрѣльцовъ, на которое могла она опереться; она сама разрушила его, а Петра окружали нѣсколько тысячь преданныхъ ему воиновъ и всѣ Нѣмецкіе полки. Уступивши брату прежде, добровольно, Софія могла сохранить хотя почетъ и величіе Двора, но уступая теперь, неволею, она знала, что ея паденіе будетъ постыдно. Надлежало оставить тронъ, отдать власть, преклониться предъ разгнѣваннымъ братомъ, ей, купившею мечту владычества такою страшною, такою неоплатимою ни чемъ цѣною! «Что мнѣ дѣлать?» говорила Софія Голицыну. Онъ совѣтовалъ ей спастись бѣгствомъ въ Польшу. «И уступить престолъ дерзскому юношѣ

—признать себя безсильною и виновною!» воскликнула Софія—«никогда! Лучше умереть!» Она рѣшилась, но ея рѣшеніе было ужасно. Софія рѣшилась принесть въ жертву демону властолюбія все—доброе имя, честь, совѣсть, будущую жизнь—низвергнуть Петра, низвергнуть и Іоанна! Говорятъ, что она хотѣла послѣ того отдать руку свою Голицыну и возвести его на тронъ съ собою. Но Петръ не уступилъ бы ей добровольно трона—Софія обрекла его на смерть!

Такъ страсти влекутъ человѣка въ бездну преступленія, если онъ подчинится имъ и забудетъ голосъ совѣсти. Есть предѣлъ, за которымъ возвращеніе къ добру невозможно —говорятъ многіе. Отвергаемъ такую клевету на сердце человѣка, но какъ однакожь безъ того изъяснить переходы страстей въ такія преступленія, коихъ невольно содрагается воображеніе наше?

Сестра и дочь царей поднимала ножъ на Царя и брата. Голицынъ отвергъ преступную

мысль Софіи, не хотѣлъ раздѣлять съ нею умысла цареубійства, какъ нѣкогда не раздѣлялъ съ Софіею и Милославскимъ ихъ кроваваго замысла въ Стрѣлецкомъ бунтѣ. Нашлось чудовище — человѣкъ, за почести земныя продавшій Софіи душу свою, *Ѳедоръ Шакловитый*, начальникъ Стрѣлецкаго Приказа, участникъ перваго бунта Стрѣлецкаго, любимецъ Софіи, уже возведшей его въ званіе окольничаго изъ ничтожныхъ подьячихъ и обѣщавшей ему боярство за жизнь Петра. Шакловитый отыскалъ въ числѣ остававшихся въ Москвѣ Стрѣльцовъ нѣсколько злодѣевъ; ихъ было немного, но тѣмъ рѣшительнѣе были они, хитро умѣли набрать сообщниковъ, не открывая имъ страшной тайны, но обязавъ ихъ клятвою помогать Царевнѣ православной противъ Царя бусурмана. Положено было собраться всей шайкѣ заговорщиковъ въ Кремлѣ, ночью на 7-е Августа. Августа 6-го въ Преображенскомъ былъ храмовой праздникъ. Думали, что послѣ праздничнаго гулянья стра-

жа не будетъ неусыпною, хотѣли почью окружить дворецъ, ворваться въ него, убить Петра, мать его, сестеръ, супругу, главныхъ бояръ и близкихъ людей, и провозгласить Софію царицею.

Съ вечера въ день Преображенія собрались сообщники Шакловитаго въ Кремль. Ихъ поили, раздавали имъ деньги, и полупьяныхъ повелъ ихъ на страшное злодѣйство Шакловитый. Но ангелъ хранитель жизни Петра и счастія Россіи стоялъ недреманнымъ стражемъ близъ помазанника Божія. Двое изъ сообщниковъ Шакловитаго содрогнулись кроваваго преступленія, бѣжали ночью и донесли князю Борису Алексѣевичу Голицыну о злодѣйскомъ умыслѣ. Некогда было медлить, защищаться, собирать войско — Шакловитый, съ тремя стами убійцъ, могъ подоспѣть внезапно и отрѣзать путь. Добродѣтельный Голицынъ поспѣшно разбудилъ Петра и царицу Наталію, объявилъ имъ неожиданную вѣсть, и предложилъ немедленно бѣжать въ Троицко-

Сергіевскую лавру, гдѣ нѣкогда укрылась Софія отъ Стрѣльцовъ. Тамъ можно было собрать войско, обезопасить себя и призвать на судъ сестру преступницу и изверга Шакловитаго. Петръ одобрилъ совѣтъ и наскоро приготовился къ побѣгу съ своею супругою. Рыдая обняла его царица Наталія, вынула изъ кіота драгоцѣнный, съ святыми мощами крестъ и благословила имъ Голицына. «Если ты ведешь сына моего на погибель,» говорила она — «сей крестъ Божій покараетъ тебя; если спасешь его — онъ будетъ благословеніемъ тебѣ и твоему потомству!» Рано утромъ, Петръ, супруга его, Голицынъ, Лефортъ, и съ ними немногіе Потѣшные, уже были въ Троицкой обители. «Спаси Царя твоего!» воскликнулъ Петръ, входя въ келью изумленнаго архимандрита Викентія.

Такъ святой обители Сергія суждено было показать примѣръ доблести въ дни бѣдствій Россіи, воззвать отечество на подвигъ спасенія голосомъ Аврамія Палицына, и черезъ семде-

сять лѣтъ потомъ послужить убѣжищемъ Петру Великому отъ рукъ убійцъ. Всѣ сіи событія начертаны на памятникѣ, воздвигнутомъ въ Троицкой обители, на память потомству, знаменитымъ іерархомъ Россійскимъ, митрополитомъ Платономъ.

Шакловитый прискакалъ въ Преображенское и — руки у него опустились, когда онъ услышалъ о бѣгствѣ Петра. Съ отчаяніемъ въ душѣ возвратился онъ къ Софіи. Все погибло для нея — не было надежды не только удержать власть, но — можетъ быть, Софія трепетала даже за самую жизнь свою! Ужасна была ночь на 7-е Августа 1689 года для дочери Алексія, и со страхомъ услышалъ любимецъ ея Голицынъ страшную вѣсть о злодѣйствѣ и неудачѣ его. Удачею не отрекался воспользоваться малодушный временщикъ — неудача возвѣщала ему неизбѣжную гибель...

Софія думала однакожь, что добровольною уступкою власти она можетъ еще искупить себя и своего любимца. Когда поутру собрались къ

ней бояре, изумленные внезапнымъ бѣгствомъ Петра, Софія притворилась ничего не знающею, лицемѣрила, просила бояръ примирить ее съ братомъ. Бояринъ Троекуровъ поѣхалъ отъ нея и Боярской Думы въ Троицкую обитель. Возвращеніе его въ Москву обнаружило злодѣйство Софіи. Петръ уже разослалъ граматы въ города, призывая подданныхъ собираться на защиту престола. Потѣшные, Нѣмецкіе солдаты, народъ, даже Стрѣльцы спѣшили на призывный голосъ Петра. Бояре и царедворцы слѣдовали примѣру ихъ. Не говоря объ участіи Софіи въ злодѣйствѣ, Петръ требовалъ на судъ и казнь Шакловитаго. Пользуясь тѣмъ, что братъ не хотѣлъ безславить имени сестры, объявивъ ее участницею заговора, Софія ободрилась, призвала Стрѣльцовъ и выборныхъ изъ народа, говорила съ ними долго, краснорѣчиво, жаловалась на злыхъ людей, которые ссорятъ ее съ братомъ, и не выдавала Шакловитаго. Петръ повторилъ приказъ. Противиться было невозможно. Уже мно-

гія тысячи народа и воиновъ окружали Петра, клянясь умереть за него. Истощивъ угрозы, убѣжденія, жалобы, Софія послала *просить прощенія у брата*, сначала двухъ сестеръ и съ ними Патріарха. Петръ былъ неумолимъ — головы Шакловитаго и безмолвной покорности волѣ своей требовалъ онъ. Софія взяла въ руки образъ Спасителя, поѣхала сама въ Троицкую обитель, думая предстать передъ брата съ ликомъ Искупителя и именемъ его молить пощады. Ее остановили на дорогѣ и велѣли ей воротиться въ Москву. Уже опустѣлъ Кремль; бѣжали изъ чертоговъ царскихъ льстецы и угодники; уѣхали изъ Москвы бояре и знатное духовенство: не въ Кремлѣ, но въ Троицкой лаврѣ были Царь Россіи, Дворъ, сигклитъ, войско его. «Выдай Шакловитаго,» говорилъ царь Іоаннъ Софіи. «Даже и за тебя, а не только за такого вора, не захочу я ссориться съ братомъ!» Еще упорствовала Софія. Но явились въ Кремль тѣ, которые нѣкогда помогали злодѣйствомъ Со-

фіи — Стрѣльцы. Нагло потребовали они Шакловитаго, говоря, что обыщутъ дворецъ и возмутъ его насильно, если не отдадутъ имъ его доброю волею по царскому указу. Софія въ отчаяніи удалилась въ свой теремъ и плакала. Шакловитаго, блѣднаго, измученнаго душевными и тѣлесными страданіями, вывели къ Стрѣльцамъ. Онъ зналъ свою участь, готовился на смерть. Два дня не ѣлъ онъ ничего въ тревогѣ душевной, и причастился св. Таинъ. Въ кандалахъ привезли его въ Троицкую обитель и предали суду. «Накормите меня прежде!» говорилъ онъ, и преданный пыткѣ, открылъ всѣ злодѣйскіе умыслы Софіи. Петръ велѣлъ прекратить розыскъ. Онъ ужасался мысли опозорить сестру свою.

Предупреждая признаніе Шакловитаго, смиренно явился передъ грознаго Царя Голицынъ, билъ челомъ и просилъ пощады. Петръ не хотѣлъ его видѣть. Временщику, недавно повелѣвавшему сотнями тысячь войска и рѣшавшему судьбы милльоновъ, прочитанъ былъ

царскій указъ на дворцовомъ крыльцѣ, гдѣ стоялъ онъ среди народа, преступникомъ, безъ шапки, безъ меча. Петръ дарилъ ему жизнь, но лишалъ его чиновъ и имѣнія, осуждая на вѣчную ссылку. Народъ осыпалъ укоризнами и ругательствами падшаго временщика. Ему предлагали оправдаться. «Если нѣтъ милости, мнѣ нельзя оправдаться,» сказалъ Голицынъ и безмолвно слушалъ приговоръ царскій. Немедленно отвезли его съ дѣтьми въ Пустозерскъ, мѣсто, гдѣ нѣкогда томился Матвѣевъ. Сынъ Матвѣева, чудесно спасшійся во время погибели отца въ 1682 году, былъ тогда опредѣленъ воеводою въ Архангельскъ, и подъ его властью находился въ ссылкѣ гордый любимецъ Софіи. Имѣніе Голицына взято было на государя. Кромѣ помѣстьевъ и множества драгоцѣнностей, нашли въ погребахъ дома его спрятанныя деньги и груды золота и серебра. Проклятія народа и радость враговъ сопровождали Голицына въ мѣсто заточенія его. Мазепа, боясь, что преданность его къ Го-

лицыну можетъ быть ему пагубна, спѣшилъ въ Москву, первый отрекся отъ него, клеветалъ на него и билъ челомъ Царю объ его притѣсненіяхъ. На другой день послѣ осужденія Голицына совершилась казнь Шакловитаго. Только двое сообщниковъ его были казнены съ нимъ; другихъ послали въ ссылку и разослали по разнымъ городамъ. Голицынъ томился въ Пустозерскѣ болѣе 20 лѣтъ, умеръ тамъ, и былъ погребенъ въ пустынной Красногорской обители. Дѣтей его возвратили, но они весь вѣкъ свой оставались забытыми отъ Царя; одинъ изъ нихъ, старшій, лишился ума въ ссылкѣ и навсегда остался слабоумнымъ.

Участь Софіи была рѣшена въ то же время. Указомъ царя Петра имя ея исключили изъ царскаго титула и Петръ осудилъ ее на вѣчное заточеніе въ монастырь. Обитель Новодѣвичья въ Москвѣ, обогащенная вкладами Софіи, опредѣлена была мѣстомъ ея всегдашняго пребыванія. Петръ назначилъ ей значительное содержаніе и прислугу; ее чтили въ заточеніи,

какъ царевну, но недоступная ни кому келья, подъ крѣпкою стражею, была жилищемъ самовластительной дочери Алексія до самой смерти ея.

Шесть недѣль продолжалось пребываніе Петра въ Троицкой обители. Распустивъ собравшіяся войска и одаривъ ихъ щедрыми наградами, торжественно отправился онъ послѣ того въ Москву, уже самодержецъ, побѣдитель враговъ, и радостно встрѣтила его Москва. Воздавъ благодареніе Богу въ Успенскомъ храмѣ, Петръ спѣшилъ во дворецъ. На Красномъ Крыльцѣ ждалъ, и низкимъ поклономъ привѣтствовалъ его добрый царь Іоаннъ. Братья обнялись со слезами. Народъ смотрѣлъ на нихъ и плакалъ отъ умиленія, когда звонъ колоколовъ, пушечная пальба и клики воиновъ возвѣщали ему торжество Петра и начало новаго правленія, начало временъ славы и преобразованія Русскаго царства.

РАЗСКАЗЪ ТРЕТІЙ.

НАЧАЛО ПРАВЛЕНІЯ ПЕТРА ВЕЛИКАГО.

1689—1695 г.

Его младенчески забавы
Родили громы наконецъ!

Державинъ.

Безспорно, что уже само собою наступало время необходимаго преобразованія древней Россіи: царь Михаилъ начиналъ учрежденіе регулярныхъ войскъ, основалъ Аптекарскій Приказъ, искалъ рудъ; сынъ его, царь Алексій продолжалъ устройство регулярныхъ полковъ, приглашалъ иностранцовъ въ Россію, начиналъ кораблестроеніе; царь Ѳеодоръ уничтожилъ мѣстничество, заботился объ устройствѣ войска, заводилъ училища; онъ и родитель его посылали пословъ своихъ въ Европу искать дружбы и союза Западныхъ Государей, а Софія уже вступила въ первый союзъ съ Европейскими Монархами. Неоспо-

римо и то, что Лефортъ, Гордонъ, и другіе иностранцы, были изъяснителями Европейскаго образованія Петру Великому, показали ему пользу, необходимость измѣненій. Но какъ слабы, медленны, робки были всѣ покушенія предшественниковъ Петра, и какъ безплодны и ничтожны были слѣдствія ихъ усилій! Не учрежденіемъ нѣсколькихъ жалкихъ воинскихъ дружинъ иностранныхъ, не переселеніемъ немногихъ иностранцовъ, большею частію искателей приключеній, корыстолюбивыхъ, нерѣдко безнравственныхъ, не посылкою пословъ, которые казались Азіятцами и спорили о царскомъ титулѣ, можно было совершить великое дѣло преобразованія Русскаго царства. Потребно было измѣненіе коренное, полное, надобно было исполински сбросить съ Россіи иго суевѣрія и предразсудковъ, и мощно вдвинуть Россію въ Европу. Постигнуть сіе необъятное дѣло, сознать силы свои, увѣриться, что ихъ достанетъ, и смѣло стать на подвигъ свой—нѣтъ! не предшественникамъ,

не Лефорту, не Гордону, не иностранцамъ обязанъ былъ тѣмъ Петръ Великій, а самому себѣ, божественному генію, одушевлявшему его. Ему одолженъ онъ былъ страстью все узнать, испытать, извѣдать самому; рѣшеніемъ разрушить прежнюю недоступность царей Русскихъ, не сидѣть въ Кремлѣ среди сонма бояръ, окружась раболѣпною стражею — явиться и стать среди народа, объѣхать царство свое, узнать, испытать его, быть солдатомъ, плотникомъ, матросомъ; не жалѣя жизни, вести полки свои въ брань; показать примѣръ труда и повиновенія, разрушить тѣмъ всѣ преграды невѣжества и предразсудковъ, создать себѣ помощниковъ, и отважиться на предпріятія, о коихъ прежде помыслить не умѣли.

И казалось, мысль преобразованія явилась изъ главы Петра вполнѣ обдуманная, рѣшенная, начатая съ самыхъ первыхъ общественныхъ отношеній, предпринятая съ самыхъ юныхъ лѣтъ его, явилась, какъ изъ главы

Зевеса, по миѳологическому разсказу, явилась Минерва, вполнѣ вооруженная богиня Мудрости, съ животворящимъ копьемъ и побѣдительною эгидою.

Но уже и предполагая дѣло великое, Петръ, принявъ самодержавіе послѣ паденія Софіи, долго еще не измѣнялъ порядка правленія и устройства государственнаго. Царь Іоаннъ не только соглашался уступить ему всю власть, даже просилъ его снять бремя царскихъ заботъ на себя одного, желая посвятить жизнь семейному спокойствію и духовному благочестію. Но Петръ чтилъ его, какъ отца, оставилъ ему титулъ и всѣ права царя, былъ *самодержцомъ*, но Россія управлялась отъ имени *Іоанна и Петра*, и оба брата равно предсѣдали въ Царской Думѣ. Какъ различна была притомъ жизнь ихъ! Брату предоставилъ Петръ величіе царскаго сана при великолѣпномъ бездѣйствіи, самъ являя примѣръ жизни и дѣятельности дотолѣ неслыханныхъ въ Русскомъ царствѣ.

Отвергнувъ дворское великолѣпіе, Петръ и по низверженіи Софіи большею частью жилъ въ своемъ Преображенскомъ дворцѣ, окруженный друзьями своими Лефортомъ, Гордономъ, вѣрными боярами, Борисомъ Алексѣевичемъ Голицынымъ, Алексѣемъ Семеновичемъ Шеинымъ, Борисомъ Петровичемъ Шереметевымъ, иностранцами и Потѣшными. Бывшій учитель его Зотовъ, князь Ѳедоръ Юрьевичъ Ромодановскій (прямодушный приверженецъ Петра), князь Яковъ Ѳедоровичъ Долгорукій (бывшій посолъ въ Испанію и Францію), Ѳедоръ Алексѣевичъ Головинъ (заключавшій миръ съ Китаемъ), братъ царицы Наталіи, Левъ Кириловичъ Нарышкинъ, братъ царицы Маѳы, Ѳедоръ Матвѣевичъ Апраксинъ, родственники супруги Петра, Лопухины, иностранные резиденты, Голландскій фанъ-Келлеръ, Шведскій фонъ-Кохъ, Датскій Горнъ, иностранные гости, офицеры, даже ремесленники, составляли всегдашнее общество царское. Потѣшные раздѣлены были уже на два

полка, названные по мѣстамъ ихъ жительствъ, въ слободѣ *Преображенской* и близъ нея лежащей слободѣ *Семеновской*. Таково было начало двухъ старшихъ, знаменитыхъ полковъ Русской гвардіи. Въ сіи полки вписаны были дѣти знатнѣйшихъ сановниковъ: Долгорукіе, Голицыны, Шереметевы, Прозоровскіе, Рѣпнины, Бутурлины. Число ихъ дополнялось безъ разбора юношами, коихъ отличалъ Петръ. Такъ въ сихъ полкахъ начали тогда службу люди въ послѣдствіи знаменитые: братья *Брюсы*, дѣти Шотландскаго офицера; *Ягужинскій*, сынъ учителя при Лютеранской церкви въ Москвѣ; братья *Толстые*, прежніе соумышленники Милославскаго, но потомъ вѣрные слуги царскіе. Петръ увидѣлъ въ домѣ любимца своего Лефорта стройнаго, красиваго юношу, видъ коего понравился ему. Лефортъ взялъ его съ площади, гдѣ бѣднякъ продавалъ пироги и потѣшалъ покупателей остроумными прибаутками. Царь выпросилъ себѣ у Лефорта молодаго пирожника,

записалъ его въ потѣшные, и — кто онъ былъ потомъ? *Князь Александръ Даниловичъ Меншиковъ*. Гуляя однажды по Московскимъ рядамъ, Царь замѣтилъ ловкаго юношу въ купеческой лавкѣ, разговорился съ нимъ, узналъ, что ему извѣстны иностранные языки, коимъ выучился онъ у отца своего, переводчика Посольскаго Приказа. Царь взялъ его къ себѣ и записалъ въ службу: то былъ въ послѣдствіи министръ царскій, *баронъ Петръ Павловичъ Шафировъ*.

Такъ собиралъ себѣ помощниковъ Петръ, не различая рода и знатности, цѣня только умъ и охоту учиться. Въ Преображенскомъ, среди юныхъ товарищей и избранныхъ бояръ и царедворцовъ, онъ самъ учился безпрерывно, правилъ царствомъ, и въ то же время былъ *капитаномъ* въ Преображенскомъ полку, исправлялъ всю солдатскую рядовую службу, своими руками дѣлалъ и жегъ фейерверки, проводилъ цѣлые дни подъ шатрами и въ лагеряхъ. Общество Царя гуляло и веселилось съ нимъ

въ часы досуга, но нерѣдко съ пира всѣ отправлялись на работу, прерывая работу веселымъ гуляньемъ. Въ такихъ собраніяхъ всѣ были равны, даже для уравненія назывались вымышленными, шуточными именами. Самъ Царь именовалъ себя *капитаномъ* и *плотникомъ Петромъ Михайловымъ* (потомъ назвался онъ *Питеромъ басомъ*, т. е. *Петромъ корабельнымъ мастеромъ*); Зотова звали *Княземъ Папою*, Ромодановскаго *Княземъ Кесаремъ*, боярина Стрѣшнева *Heiliger-Vater*, Бутурлина *Польскимъ Королемъ*, умнаго царскаго шута Тургенева *Кіевскимъ полковникомъ* и *знатнымъ воиномъ*, механика Англичанина Крефта *ракомъ*, иныхъ *кардиналами*, другихъ *дьяконами* и *дьячками*.

Допуская свободное разгулье и привольное веселье, Царь испытывалъ характеры, мнѣнія, способности каждаго, отличалъ все доброе и полезное, но требовалъ неумолимаго отчета въ дѣлахъ. Равно ко всѣмъ былъ онъ правосуденъ, награждая только заслугу. Не было у него

временщика. Самъ онъ управлялъ всемъ, своимъ умомъ жилъ онъ и дѣйствовалъ, и ни что и никого не могло спасти отъ отчета въ ошибкѣ, дерзости, небрежности.

Уже не смѣя самому Петру изъявлять сомнѣній о новостяхъ, безпрерывно вводимыхъ, не дерзая обнаруживать передъ нимъ опасеній объ опасности обращенія его съ бусурманами, или негодованія на то, что нарушаются всѣ прежніе дворскіе обычаи, нѣкоторые изъ бояръ тайно изъявляли еще страхъ свой царицѣ Наталіи. Они говорили ей, что трудами неприличными юный Царь разрушаетъ здоровье свое. Добрая мать передавала иногда рѣчи ихъ сыну.«Думаю,» отвѣчалъ Петръ, «что никто не говорилъ бы мнѣ ничего, еслибы я предавался соколиной или псовой охотѣ, и за что же осуждаютъ меня? За воинскія упражненія, когда они вездѣ составляютъ занятія государей, когда ими укрѣпляется царство и славится народъ. Гораздо болѣе разрушаютъ здоровье человѣка роскошь и нѣга, нежели трудъ и ра-

бога.» — «Все еще довольно проходитъ у меня времени безъ пользы,» отвѣчалъ юный Царь Патріарху, когда архипастырь также осмѣлился представить ему однажды о сбереженіи здоровья своего и развлеченіи забавами, «а труды, я чувствую, только укрѣпляютъ меня.» — Петръ никогда не терпѣлъ охоты, и подъ веселый часъ задалъ добрый урокъ тѣмъ, кто называлъ сію забаву приличною царямъ. Онъ велѣлъ выѣхать съ собою на охоту боярамъ. «Зачѣмъ же съ нами холопья и псари?» говорилъ онъ, видя сопровождавшую ихъ толпу псарей и слугъ — «отошлите ихъ, возмите сами собакъ и будемъ охотиться одни.» Принуждены были исполнить приказъ его, и забавное зрѣлище безпорядка явила охота, когда принялись за нее сами господа безъ пособія слугъ; собаки бѣжали куда попало; лошади сбивали сѣдоковъ; никто не умѣлъ ничѣмъ распорядиться. «А вы называете царскою забавою такую забаву, гдѣ псари и холопья руководствуютъ вами, и гдѣ безъ ихъ помощи

вы только смѣшите другихъ?» говорилъ потомъ Царь пристыженнымъ охотникамъ. «Война дѣло Царя и сановниковъ его, а вы осуждаете меня, что я хочу быть воиномъ и къ войнѣ пріучаю другихъ!» —Однажды говорили ему, что заботы его объ устройствѣ войскъ безполезны, и не нужно ему самому заниматься, но можно другимъ предоставить составлять и обучать полки, ибо уже издавна написаны для того правила и уставы. Петръ возразилъ, что всѣ прежніе уставы надобно дополнить и исправить, ибо самая команда при ученіи войскъ требуетъ исправленія и заключаетъ въ себѣ много безполезнаго и лишняго. Въ самомъ дѣлѣ, воинская команда Русскихъ войскъ была тогда чрезвычайно многосложная; пятнадцать темповъ составляли ее при стрѣльбѣ (Подыми мушкетъ ко рту! Содми съ полки! Возми пороховой зарядъ! Опусти мушкетъ къ низу! Сыпь порохъ на полку! Поколоти немного мушкетъ! Закрой полку! Стряхни! Содми! Положи пулю въ мушкетъ! Положи пыжъ на

пулю! Вынь забойникъ! Добей пульку и пыжъ до пороху! Прикладывайся! Стрѣляй!). Желая доказать пустоту такого многословія, Царь призвалъ нѣсколько солдатъ, объяснилъ имъ дѣло и велѣлъ стрѣлять въ три темпа, по командѣ его: *Заряжай! Прикладывайся! Пали!* Когда выстрѣлено было исправно, спорщики принуждены были согласиться съ Царемъ.

Лефортъ являлся душею новаго преобразованія войскъ и былъ неусыпнымъ сотрудникомъ Царя во всѣхъ дѣлахъ. Въ день крещенія первороднаго сына царскаго, Царевича Алексѣя (онъ родился въ 1690 году) Лефортъ пожалованъ былъ въ генералъ-маіоры, а на другой годъ, при рожденіи Царевича Александра (вскорѣ потомъ умершаго), Царь возвелъ его въ генералъ лейтенанты. Онъ велѣлъ выстроить любимцу своему великолѣпный домъ между Нѣмецкою и Преображенскою слободами. Лефортъ поселилъ подлѣ дома своего особливый полкъ Потѣшныхъ, и ихъ

жилища составили новую слободу, отъ имени дома Лефортова, названнаго *Лефортовскимъ дворцомъ*, получившую названіе Лефортовской, (или, какъ въ просторѣчіи переиначили ее потомъ, *Лафертовской*). При устройствѣ войскъ, попеченіе Царя обратилось и на приготовленіе пороха, селитры, оружія. Въ Тулѣ издавна уже выдѣлывалось оружіе, но Царь усилилъ выдѣлку его, велѣлъ дѣлать ружья по лучшимъ образцамъ, завелъ новые оружейные заводы около Москвы, селитряные заводы на Волгѣ, самъ ѣздилъ въ Тулу, лично узнавалъ и поощрялъ наградами лучшихъ мастеровъ. Здѣсь встрѣтилъ онъ виднаго, ловкаго мастера, *Никиту Демидова*, бѣдняка, который поднесъ ему оружіе, выработанное лучше даннаго образца. «Молодецъ! я возму тебя въ мою гвардію!» сказалъ ему Царь. Никита испугался и просилъ помиловать отъ службы, ибо онъ одинъ сынъ у бѣдной старухи матери. «Хорошо — помилую,» отвѣчалъ Царь смѣясь, «но дѣлай мнѣ такое же славное ору-

жіе, какое теперь ты представилъ мнѣ»—«Лучше сдѣлаю, Государь!» отвѣчалъ радостно Никита. Царь самъ посѣтилъ его домикъ, выпилъ у него рюмку водки и стаканъ пива, пожаловалъ его землями и крестьянами. Вскорѣ Никита разбогатѣлъ, потому что оружіе требовалось безпрерывно, а Царь платилъ щедро, и когда найдены были руды въ Сибири, Царь пожаловалъ ихъ Демидову. Никита сдѣлался родоначальникомъ знаменитаго богатствомъ и гражданскими подвигами рода Демидовыхъ. «Счастливымъ почелъ бы я себя, еслибы у меня было полдюжины Демидовыхъ!» говаривалъ Царь. Онъ полюбилъ также дѣятельнаго заводчика, Нѣмца Миллера, устроившаго желѣзный заводъ на рѣкѣ Истьѣ близъ Боровска. Тамъ открылись тогда марціяльныя (желѣзныя) воды. Царь нерѣдко пріѣзжалъ къ Миллеру, прожилъ у него однажды цѣлый мѣсяцъ, своими руками выковалъ 18 пудовъ прутоваго желѣза и потребовалъ себѣ заработной платы. Миллеръ хотѣлъ заплатить вы-

ценосному кузнецу червонцами. Царь отказался, спросилъ почему платятъ съ пуда другимъ работникамъ, и узнавши, что заработная плата *алтынъ съ пуда*, взялъ только 18-ть алтынъ.

Начало 1691 года ознаменовалось новымъ занятіемъ Царя, вскорѣ, какъ все полезное и великое, сдѣлавшимся у него страстью: говоримъ о *кораблестроеніи* и *мореплаваніи*.

Древніе Руссы, потомки Скандинавскихъ Нордманновъ, славились нѣкогда, не только отважнымъ плаваніемъ по морямъ, но даже морскими подвигами. Уже давно забыто было сіе время. Съ паденіемъ Новгорода и завладѣніемъ Шведами прибалтійскихъ областей, Россія даже лишилась вовсе древней торговли Балтійской. Черное море было недоступно Рускимъ. Англичане и Голландцы, искавшіе пути въ Индію по Ледовитому морю, завели морскую торговлю въ устьѣ Двины, по Бѣлому морю. Въ XVI-мъ вѣкѣ, при Царѣ Іоаннѣ, построенъ былъ тамъ для торговли съ

ними городъ *Архангельскъ*. Но отдаленность и неудобство мѣста были причиною ничтожности и затрудненія торговли. Слабый торгъ производился еще въ Астрахани по Каспійскому морю съ Персіею и Бухаріею. Но Рускіе не имѣли своихъ кораблей, а тѣмъ менѣе кораблей военныхъ. Царь Алексій, какъ мы уже упоминали, заводилъ кораблестроеніе въ Россіи. Изъ Голландіи выписаны были тогда мастера и построили на Окѣ, въ селѣ Дѣдновѣ, небольшой корабль. Въ 1669 году сей корабль отведенъ былъ по Окѣ и Волгѣ въ Астрахань, гдѣ сжегъ его бунтовщикъ Разинъ. Петру, все начавшему въ Россіи, суждено было начать и флотъ Русскій.

Замѣчательно, что въ дѣтскихъ лѣтахъ Петръ *боялся воды*, какъ говорится въ просторѣчіи. Разсказываютъ, что царица Наталія ѣздила съ нимъ на богомолье, когда ему было года четыре, и при переѣздѣ черезъ какой-то ручей, карета Царицы едва не опрокинулась. Петръ спалъ на рукахъ матери, проснулся отъ

ся крика, и такъ испугался воды, наполнившей карету, что съ тѣхъ поръ видъ рѣки приводилъ его въ невольное содраганіе. Князь Борисъ Алексѣевичъ Голицынъ принудилъ Царя побѣдить сію слабость, когда было ему уже лѣтъ четырнадцать. Гуляя съ нимъ верхомъ въ полѣ, не ожиданно подъѣхалъ Голицынъ къ рѣкѣ и переѣхалъ черезъ нее въ бродъ. Спутники Царя слѣдовали за Голицынымъ, и потомъ начали купаться. Насмѣшки заставили Петра преодолѣть свою робость и онъ пустился на лошади чрезъ рѣку. Преодолѣвши однажды слабость свою, онъ не остановился на томъ, и вскорѣ сдѣлался такъ же безстрашенъ на водѣ, какъ на землѣ, былъ отважнымъ, ловкимъ пловцомъ, и въ послѣдствіи изумлялъ самыхъ отважныхъ моряковъ мужествомъ среди морскихъ опасностей. Вѣроятно, мысль о флотѣ уже давно таилась въ душѣ юнаго Царя, но нечаянный случай ускорилъ ея исполненіе. Онъ осматривалъ въ селѣ Измайловѣ кладовую, гдѣ хранились разныя старыя вещи, и увидѣлъ

между ними ветхую лодку необыкновеннаго вида. На вопросъ его, что это за лодка? ему отвѣчали, что она Англійскій морской ботикъ. Царь велѣлъ немедленно спустить его на воду, но ботикъ былъ такъ ветхъ, что безъ поправки невозможно было въ немъ плавать. Царь нетерпѣливо желалъ испытать плаваніе въ немъ, и къ счастію, любимый лекарь царскій, Іоаннъ Тирмондъ объявилъ Царю, что живъ еще и въ Москвѣ находится тотъ, кто строилъ сей ботикъ прадѣду царскому Никитѣ Романову, корабельный мастеръ *Карстенъ Брандтъ*; что вмѣстѣ съ другими Голландцами, выписанными Царемъ Алексіемъ, Брандтъ отправился послѣ того въ Астрахань, гдѣ во время бунта Разина одни изъ Голландцовъ погибли, другіе бѣжали въ Персію. Только Брандтъ, и съ нимъ Тирмондъ, также бывшій въ Астрахани, успѣли бѣжать въ Москву. Немедленно отыскали старика Брандта. Онъ починилъ ботикъ, оснастилъ его, спустилъ на Яузу и началъ плаваніе. Царь стоялъ на берегу, но видя искусные повороты

и плаваніе ботика, не вытерпѣлъ, самъ бросился въ него, схватилъ руль, началъ править имъ, долго плавалъ по Яузѣ, велѣлъ перетащить ботикъ на обширный Просяной прудъ въ садахъ Измайловскихъ — плаванію не было конца, а въ душѣ Петра уже создалась новая мысль — мысль о Русскомъ флотѣ. Онъ велѣлъ Брандту заложить и выстроить небольшой корабль, и въ радостной надеждѣ назвалъ ветхій ботикъ Измайловскій *Дѣдушкою Русскаго флота.*

Достопамятный ботикъ сей сохранился донынѣ. Какъ драгоцѣнность, подавшую ему первую мысль о созданіи флота, Петръ приказалъ тщательно хранить его. Увидимъ, что онъ перевезъ его потомъ въ свою новую столицу, встрѣчалъ его торжественно, и Дѣдушка Русскаго Флота хранится нынѣ въ Петербургской крѣпости, гдѣ благоговѣйно приходятъ смотрѣть на него даже иностранные моряки. Онъ небольшая морская шлюпка, въ 10 фут. 9 дюйм. длины, 6 ф. 5 д. ширины и

2 ф. 7 д. вышины. На изображеніи его, гравированномъ по приказанію Петра, представленъ былъ голубь, вылетающій изъ плавающаго на морскихъ волнахъ Ковчега, съ надписями: *Вожделѣнный вѣстникъ. Дѣтская утѣха родила тріумфъ.*

Небольшая корабельная верфь устроена была на Москвѣ рѣкѣ. Брандтъ началъ строить маленькую яхту. Царь былъ ежедневно съ нимъ, самъ работалъ, и Москва опять увидѣла зрѣлище прежде невиданное: морской корабль у древнихъ Кремлевскихъ стѣнъ. Съ пушечною пальбою поплылъ сей *первый Русскій корабль* по Москвѣ рѣкѣ въ село Коломенское. Но успѣхъ дѣла только возбуждалъ дальнѣйшія желанія нетерпѣливаго Царя. Уже мало казалось ему пространства водъ Московскихъ. Онъ разыскивалъ, нѣтъ ли гдѣ близъ Москвы обширнаго озера, и ему донесли о большомъ Клещиномъ озерѣ подлѣ Переяславля. Немедленно хотѣлъ онъ ѣхать туда самъ, но царица Наталія, испуганная отважностью сына,

просила его оставить свое новое предпріятіе. Уважая просьбу матери, Петръ невольно согласился, провелъ лѣто на воинскихъ ученьяхъ около Москвы, но осенью, отправясь на богомолье въ Троицкую лавру, поскакалъ въ Переяславль.

Небольшой городъ сей, одинъ изъ древнѣйшихъ въ Россіи, въ 60-ти верстахъ отъ Троицкой лавры по Ярославской дорогѣ, первый удѣлъ, усилившій бѣдное Московское княжество за 400 лѣтъ до Петра, находится на берегу *Переяславскаго*, или *Клещина* озера, простирающагося на восемь верстъ въ длину и на восемь въ ширину. Видъ столь обширнаго воднаго пространства восхитилъ Петра, и уже не слушая ни просьбъ, ни увѣщаній, онъ велѣлъ Брандту строить фрегатъ на Клещинѣ. Старикъ требовалъ помощниковъ. Зимою посланы были царскіе гонцы въ Голландію, приглашать сотрудниковъ Брандту. Къ веснѣ явилось нѣсколько мастеровъ и матросовъ Голландскихъ, и мастеръ Арріенъ Метье заложилъ на

Клещинѣ два фрегата—одинъ началъ строить Брандтъ, другой самъ Царь. Онъ велѣлъ наскоро срубить себѣ на берегу озера, близъ деревни Вѣсковъ, небольшой домъ. Безпрестанно пріѣзжалъ онъ сюда изъ Москвы, самъ работалъ неутомимо, и дѣло кипѣло часами, а не днями. Во время отсутствія его изъ Москвы Лефортъ приготовилъ ему пріятную нечаянность. Тайно отъ Царя, Голландцы построили нѣсколько военныхъ лодокъ и спустили ихъ на прудъ въ саду Лефортовскаго дворца. Лефортъ пригласилъ Царя на пиръ, по возвращеніи его весною изъ Переяславля, и послѣ обѣда просилъ прогуляться съ другими гостями по саду. Вдругъ загремѣли выстрѣлы и на пруду началось морское сраженіе. Со слезами восторга обнялъ друга своего Петръ и назвалъ его *адмираломъ* своего будущаго флота. Въ Апрѣлѣ царскій фрегатъ былъ конченъ, и Петръ, Лефортъ, Гордонъ, бояре отправились изъ Москвы. Потѣшные, Стрѣльцы, артиллерія шли за ними. Мая 1-го фрегатъ *Пе-*

тра плотника былъ спущенъ на воду, при громѣ пушечномъ и ружейномъ. Исполнились желанія Царя: онъ видѣлъ *Русскіе корабли*, и пальбою привѣтствовало ихъ *регулярное Русское войско.* Царь просилъ свою родительницу пріѣхать въ Переяславль полюбоваться его кораблями. Августа 1-го торжествовали въ Переяславлѣ праздникъ Спаса на озерѣ Клещиномъ. При громѣ пушекъ съ кораблей и лодокъ, и при стрѣльбѣ сухопутнаго войска, совершено было водоосвященіе. Безпрерывно трудясь на верфи и занимаясь въ то же время другими работами, ученіемъ, плаваньемъ по озеру, учрежденіемъ войска, не жалѣя себя въ трудахъ и заботахъ, Петръ до того изнурился, что крѣпкое здоровье его измѣнило ему. Онъ сдѣлался опасно боленъ; отчаявались даже въ его жизни, но едва уговорили его провесть осень въ Москвѣ и успокоиться, пока поправится его здоровье.

И въ самой болѣзни Царь не отдыхалъ. Пока на Клещинѣ продолжалось кораблестрое-

ніе, Брандтъ посланъ былъ распорядить строніемъ корабля на Бѣломъ морѣ въ Архангельскѣ. Уже туда, въ сіи отдаленныя области устремлялся мыслью Петръ, жаждая увидѣть обширность моря, ознакомиться съ его бурями, посмотрѣть иностранные корабли, узнать иноземныхъ моряковъ, говорить, бесѣдовать съ ними. Напрасно уговаривали его мать, братъ, Патріархъ, трепетавшіе за его здоровье и жизнь, страшившіеся отваги его. Онъ остался въ Москвѣ, но дѣятельно провелъ здѣсь зиму, весну и лѣто 1693 года.

Любопытно узнать тогдашнюю жизнь и занятія Петра. Вотъ нѣсколько подробностей, сохраненныхъ современниками: зимою женился одинъ изъ любимцовъ царскихъ, Нѣмецъ, золотыхъ дѣлъ мастеръ. Царь присутствовалъ на свадьбѣ и угощалъ гостей, принявши на себя званіе *шафера*. На свадьбѣ родственника супруги своей, Лопухина, Царь самъ зажигалъ ракеты и спускалъ фейерверкъ, изготовленный его руками. Февраля 18-го обѣдалъ и пировалъ онъ

у Шведскаго резидента Коха, оставилъ Лефорта угощать гостей, а самъ вечеромъ уѣхалъ оканчивать огромный фейерверкъ, который сожгли 20-го Февраля на Прѣсненскихъ прудахъ. Царица Наталія подарила въ тотъ день сыну своему *сержантскій* мундиръ (онъ не получилъ еще тогда *офицерскаго* чина) и тайно присутствовала на праздникѣ. Пятдесятъ пушекъ гремѣли на берегахъ Прѣсненскихъ прудовъ, когда Царь зажегъ большой щитъ, изображавшій Геркулеса, убивающаго палицею льва. Февраля 22-го сожгли еще фейерверкъ, приготовленный боярами, гдѣ въ разноцвѣтныхъ огняхъ явился храмъ *Юпитера Громовержца*, среди нѣсколькихъ сотенъ ракетъ, взлетѣвшихъ на воздухъ. Петръ любилъ *огненныя потѣхи*, не жалѣлъ на нихъ денегъ, и говорилъ: «Что значитъ мнѣ издержать бездѣлку, когда фейерверками пріучаю я народъ мой къ военному огню?» На масляницѣ два дня пировалъ Царь у дяди своего Нарышкина, въ загородномъ домѣ его, въ селѣ Филяхъ. Вес-

ною ѣздилъ Царь на богомолье въ Воскресенскій монастырь, былъ въ Переяславлѣ, и спустилъ на воду яхту, подъ его собственнымъ надзоромъ построенную *Русскими мастерами.* Пируя съ Царемъ своимъ, Русскіе мастера жаловались, что Голландцамъ платятъ болѣе нежели имъ. «Они искуснѣе васъ, ребята, » отвѣчалъ Царь. «Выучитесь, друзья мои, дѣлать такъ же хорошо, какъ дѣлаютъ Голландцы, и я стану платить наравнѣ съ ними.» Еще удерживаясь противорѣчіями матери и брата отъ поѣздки въ Архангельскъ, Царь хотѣлъ отыскать пространство водъ обширнѣе Клещина озера. Ему донесли тогда объ озерѣ Кубенскомъ, лежащемъ недалеко отъ Вологды и простирающемся на 50 верстъ въ длину. Петръ самъ осмотрѣлъ Кубенское озеро, но нашелъ его недостаточнымъ для большихъ судовъ, ибо ширина озера составляла не больше 12-ти верстъ въ самомъ широкомъ мѣстѣ. Царь всего болѣе думалъ тогда о коробляхъ. «Да, на что вамъ, Государь, корабли?» спросилъ у него

Гордонъ— «вѣдь у васъ нѣтъ морей!»—«Только были бы у меня корабли, а моря я найду,» отвѣчалъ ему Петръ—слова памятныя, показывавшія, что и тогда уже задумывалъ Великій. Начало флота въ Россіи ознаменовалъ онъ въ 1696 году медалью, выбитою въ Москвѣ. На ней, называя себя *строителемъ первыхъ Русскихъ кораблей* (Petrus magnus primus Russicae classis aedificator), онъ помѣстилъ надпись надъ изображеніемъ Нептуна: *Считай исполненнымъ что повелѣю* (Facta puta quaecunque jubes) Такъ мыслилъ, такъ поступалъ юный Петръ!

Іюля 4-го, говоря матери, что долженъ исполнить обѣщаніе, данное въ болѣзни, посѣтить Соловецкую обитель, Петръ отправился въ Архангельскъ. Съ нимъ были Лефортъ, Ромодановскій, Шеинъ, Нарышкины, Лопухины. Вся свита царская простиралась до ста человѣкъ. Съ Вологды поплыли по рѣкамъ Сухонѣ и Двинѣ, на приготовленныхъ для того стругахъ, и 28-го Іюля загремѣли пушки на

Холмогорской крѣпости, едва показался царскій стругъ изъ-за Куроострова, гдѣ черезъ 8-мь лѣтъ потомъ родился пѣвецъ Петра Ломоносовъ, въ бѣдной хижинѣ рыбака. Царя встрѣтилъ и привѣтствовалъ архіепископъ Аѳанасій (о которомъ мы уже говорили, описывая возмущеніе Никиты Пустосвята). Сей пастырь умный и просвѣщенный препроводилъ знаменитаго посѣтителя въ древній городской соборъ, съ иконами и *благочестнымъ пѣніемъ*. Царь въ тотъ же день осмотрѣлъ мѣльницу архіерейскую, огороды, заведенія; послѣ ужина долго гулялъ по Двинѣ въ маленькой шнякѣ, и почевалъ на стругѣ своемъ. Іюля 30-го колокольнымъ звономъ и пальбою привѣтствовали Царя въ Архангельскѣ. Онъ проплылъ черезъ городъ къ устью Двины, гдѣ находится пристань морская между островами, и остановился въ нарочно выстроенномъ для него, небольшомъ дворцѣ на Моисеевскомъ островѣ.

Широкая, какъ морской заливъ, Двина, иностранные корабли, коихъ приходило въ Ар-

хангельскъ ежегодно до 50-ти, обращеніе съ иностранными шкиперами и купцами, торговая дѣятельность и самый бытъ жителей, измѣненный сильнымъ вліяніемъ всегдашняго обращенія Архангелогородцовъ съ чужеземцами, коихъ уже не считали здѣсь еретиками, и наконецъ, видъ безконечнаго моря, все такъ увлекло и заняло вниманіе Царя, что онъ остался въ Архангельскѣ до осени. Ничто не укрылось здѣсь отъ его любопытнаго взора. Онъ посѣтилъ даже лодки, въ коихъ привозили въ Архангельскъ горшки. Переходя чрезъ сіи лодки по легкой доскѣ, Царь оступился, переломалъ много скудельнаго товара и щедро наградилъ за убытокъ испуганнаго хозяина. Въ платьи Голландскаго морехода осматривалъ Царь иностранные корабли, остался на нихъ, ознакомился со всѣми шкиперами ихъ, и въ сопровожденіи многихъ иностранныхъ кораблей три раза пускался въ море на яхтѣ, построенной къ пріѣзду его и названной *Св. Петръ*. Царь утвердилъ тогда рисунокъ флага Русска-

го; образцомъ его избралъ онъ Нидерландскій, но только полосы расположены были имъ иначе (красная, синяя и бѣлая). Въ *первый разъ* возвѣялся тогда на морскихъ волнахъ *флагъ Россіи*, дотолѣ невиданный. Въ одной изъ морскихъ прогулокъ Царь переплылъ черезъ Бѣлое море и достигъ рѣки Попоя на сѣверномъ берегу его. Весело праздновали съ Царемъ Руские и иностранцы дни именинъ матери его, брата и невѣстки, при пушечной и ружейной пальбѣ. Иногда Царь слушалъ обѣдню въ ближайшей къ жилищу его, церкви св. Иліи, самъ читалъ Апостолъ, пѣлъ съ дьячками на крылосѣ и послѣ обѣдни заходилъ на водку къ священнику. Нерѣдко угощалъ его архіепископъ Аѳанасій, и изумлялся мудрымъ бесѣдамъ юнаго властителя Россіи, «о бытѣ не только царскомъ и болярскомъ, но и простыхъ людей, работахъ ихъ, строеніи домовъ и заводовъ, путешествіяхъ по рѣкамъ и морямъ и корабельномъ искуствѣ.» Царь встрѣчалъ архипастыря во дворцѣ своемъ съ пальбою, и

прощаясь съ нимъ, подарилъ ему свою карету и стругъ съ флагами, между коими былъ одинъ съ крестами, названный *Іерусалимскимъ*. Царь самъ провожалъ Аѳанасія, плылъ за судномъ его въ лодочкѣ, дорогою ловилъ рыбу, показывалъ въ Архангельскѣ приготовленный для потѣхи *огненный корабликъ* (брандеръ), и зажигалъ ракеты и гранаты, спуская ихъ на Двину съ городскаго мосту. Передъ отъѣздомъ изъ Архангельска смѣнилъ онъ Матвѣева съ воеводства и опредѣлилъ воеводою Архангелогородскимъ друга своего, брата царицы Марѳы, Ѳедора Матвѣевича Апраксина, предназначеннаго имъ для морской службы. Апраксину приказано было нагрузить товарами корабль и отправить въ Голландію съ надежнымъ человѣкомъ, препоручивъ посланному купить въ Амстердамѣ военный корабль и привесть его будущею навигаціею въ Архангельскъ.

Царь выѣхалъ изъ Архангельска 1-го Сентября. Изъ Холмогоръ отправилъ онъ свиту свою сухимъ путемъ до Москвы, а самъ съ не-

многими поплылъ въ карбазѣ до деревни Кочетовой, осмотрѣвши на пути обширныя пильныя и мучныя мѣльницы Вавчугскія, гдѣ заготовляли для заморскаго отпуска муку и доски. Заботясь объ отправкѣ въ Голландію корабля, Царь писалъ о томъ Апраксину съ пути, не забывая и ничтожныхъ мѣлочей: «Купи мнѣ лимоновъ, и если будетъ ихъ много, то половину посоли, а другую изготовь съ сахаромъ, на что и образцы посылаю, а если мало ихъ привезутъ, то обрати все въ лимонадъ. Да не забудь о рейнвейнѣ. Больше мнѣ ничего не нужно, развѣ только привезутъ математическіе инструменты, то купи непремѣнно.» «Письмо твое получилъ», писалъ ему еще Царь, «только усомнился о томъ ко мнѣ ли писано, потому что писано съ *зѣльными* чинами. Ты знаешь, что я чиновъ не люблю, а бывши *нашимъ товарищемъ*, долженъ ты вѣдать, какъ писать ко мнѣ надобно. Пиши только о дѣлѣ и просто.» Пріѣздъ Царя въ Москву ознаменовался важною новостью: на большомъ пи-

рѣ среди мужчинъ явились *женщины*, жены и дочери иностранцовъ, и были во дворцѣ танцы. Супруга Петра, вопреки закоренѣлому суевѣрію, участвовала въ неслыханномъ прежде увеселеніи.

Въ 1690 году скончался патріархъ Іоакимъ, умоляя даже въ духовной своей граматѣ удаляться отъ бусурманскихъ обычаевъ. Царь избралъ на мѣсто его Чудовскаго архимандрита Адріана, старца добродѣтельнаго и кроткаго, который ни въ чемъ не смѣлъ противиться волѣ Царя и не спорилъ противъ его нововведеній. Въ началѣ 1694 года тяжкая скорбь поразила нѣжное сердце Петра: скончалась добродѣтельная мать его, царица Наталія. «Не могу извѣщать подробно, но глухо объявляю печаль мою,» писалъ онъ Апраксину. «Вспоминаю слова апостола Павла: *не скорбѣть объ умершихъ*, и слова Ездры, что *минувшаго не возвратить*. Роптать не смѣю, покаряясь тайнѣ непостижимой, и предаю все волѣ Божіей. Будемъ думать о живыхъ, оставя умершихъ,

хотя скорбь моя и требовала бы времени и отдыха.»

Не давалъ себѣ отдыха юный Царь. Скорбя о кончинѣ матери, тѣмъ болѣе хотѣлъ онъ заглушить ее трудами, уже свободнѣе располагая всѣми своими предпріятіями, отъ коихъ дотолѣ отвлекали его совѣты и просьбы царицы Наталіи. Немедленно распоряжено было второе путешествіе Царя въ Архангельскъ, а въ Москвѣ начали готовиться на осень къ большимъ воинскимъ маневрамъ. «Докладывалъ я Его Величію, Князю Кесарю,» писалъ Петръ шутливо Апраксину, «спрашивая Его Величіе, когда ему угодно будетъ назначить отъѣздъ свой въ Архангельскъ. И онъ изволилъ сказать, что онъ, человѣкъ смѣлый на войнѣ и къ морскому дѣлу охотникъ, далѣе Апрѣля въ Москвѣ не останется. А *братецъ* его (Царь разумѣлъ здѣсь самого себя), какъ Аѳинянинъ, страстенъ къ новостямъ и отъ него отстать не захочетъ. Потому спѣши дѣломъ, а паче заботься о караблѣ.

Кланяюсь тебѣ, *блочный мастеръ Питеръ съ товарищами.*»

Мая 1-го выѣхалъ Царь изъ Москвы, проплылъ не останавливаясь мимо Холмогоръ, и 18-го былъ въ архангельскѣ. Сюда явился къ нему Архіепископъ Аѳанасій, и долженъ былъ отправиться вмѣстѣ съ Царемъ въ Соловецкій монастырь, хотя и боялся морскаго пути. Передъ отъѣздомъ служили молебенъ. Царь пѣлъ звучнымъ басомъ съ пѣвчими, и 29-го Мая отплылъ съ Аѳанасіемъ и свитою на яхтѣ архіепископской, весьма неудобной и неловкой. Къ ужасу спутниковъ Царя, едва выплыла яхта на средину Бѣлаго моря, возстала страшная буря. Тщетно убѣждалъ, ободрялъ другихъ Царь. Всѣ отъ страха потеряли голову, молились, плакали, прощались одни съ другими. Не унывалъ только Петръ. Душа его, какъ будто радовалась борьбѣ съ раздраженною стихіею. По счастію на яхтѣ нашелся опытный лоцманъ, служитель Соловецкаго монастыря, Антипъ Тимоѳеевъ. Видя, что только

Антипъ сохраняетъ присутствіе духа, Царь обратился къ нему и совѣтовался съ нимъ. Антипъ сказалъ, что осталось одно средство спастись отъ гибели — направить корабль къ ближайшей гавани, Унскіе Рога. Царь велѣлъ отдать ему руль и команду, но не вытерпѣлъ самъ и началъ вмѣшиваться въ распоряженія. «Поди прочь!» закричалъ разсерженный Антипъ — «я знаю что дѣлать! Если ты мнѣ отдалъ руль, что же ты мѣшаешься въ мое дѣло?» Смиренно отошелъ отъ него Царь. Антипъ искусно управилъ судно къ берегу и счастливо провелъ его среди опасныхъ каменьевъ, коими усѣянъ входъ въ Унскую гавань. «Помнишь ли, пріятель, какъ ты отпотчивалъ меня на морѣ?» смѣясь спросилъ тогда Царь у Антипа. Испуганный лоцманъ упалъ къ ногамъ его. «Нѣтъ, ты былъ правъ, а я виноватъ, вмѣшиваясь не въ свое дѣло,» отвѣчалъ Царь, поцѣловалъ Антипа и подарилъ ему на память свое мокрое, дорожное платье. Радостно спѣшили всѣ благодарить Бога въ

уединенной Петроминской обители, построенной здѣсь въ XVI-мъ вѣкѣ, на томъ мѣстѣ, гдѣ выкинуло море тѣла двухъ святыхъ Соловецкихъ иноковъ. Съ пѣснями духовными встрѣтили нежданнаго гостя игуменъ и монахи, и изумились простотѣ обращенія своего великаго гостя. Царь пѣлъ съ ними запросто въ церкви, обѣдалъ за ихъ трапезою и при отъѣздѣ щедро одарилъ обитель. Желая оставить здѣсь память своего пребыванія, онъ вырубилъ огромный деревянный крестъ, и самъ вырѣзалъ на немъ надпись Голландскую: Dat krus maken kaptein Piter van a. Chr. 1694 (*Сей крестъ поставилъ капитанъ Петръ, 1694 года*). На плечахъ своихъ, при пособіи другихъ, отнесъ онъ крестъ къ берегу и водрузилъ тамъ. Донынѣ хранится сей памятникъ благочестія и пребыванія Царя въ Петроминской обители въ Архангельскѣ, куда перенесли его въ 1802 году. — Буря утихла и 6-го Іюня Царь пустился въ Соловецкій монастырь.

Сія знаменитая обитель воздвигнутая въ

въ древнія времена благочестивыми иноками Зосимою и Савватіемъ, бѣжавшими отъ прелестей міра въ глубины сѣверныхъ странъ, издревле была предметомъ благоговѣнія Русскихъ Царей и ихъ подданныхъ. Усердными приношеніями владыкъ Россіи и людей благочестивыхъ, при неутомимыхъ трудахъ иноковъ, на хладныхъ скалахъ среди пучинъ Бѣломорскихъ воздвиглись величественныя зданія, церкви, больницы, домы, заселились утесы безплодные. Здѣсь былъ нѣкогда игуменомъ св. Филиппъ митрополитъ, и отсюда мощи его были перенесены патріархомъ Никономъ въ Москву. Въ крѣпкихъ стѣнахъ Соловецкихъ нѣсколько лѣтъ защищались при Алексіи противъ царскихъ войскъ закоренѣлые раскольники. Въ 1694 году настоятелемъ Соловецкимъ былъ архимандритъ Фирсъ. Въ бесѣдѣ съ нимъ, раздѣляя скудную трапезу братіи, и вознося имъ *заздравную чашу*, провелъ Царь цѣлую недѣлю. И здѣсь оставилъ онъ на память крестъ, хранимый донынѣ въ особой ча-

совиѣ. Щедро одарилъ онъ обитель, и не забылъ добродушнаго Антипа, приказавъ навсегда уволить его отъ работъ, подаривши ему 25 рублей и 5 рублей на одежду. «Я исполнилъ данное мною обѣщаніе поклониться мощамъ угодниковъ, превозлюбленный мой государь, отецъ и братъ!» писалъ Петръ царю Іоанну.

Нетерпѣливо ожидалъ Петръ прихода корабля, купленнаго по его заказу въ Голландіи. Но время не проходило праздно. Царь рѣшился испытать всю морскую службу, такъ, какъ испыталъ всю службу сухопутную, и выбралъ въ свои учители искуснаго шкипера Голландскаго Виллемсона. Добродушный учитель царскій сначала думалъ, что съ нимъ шутятъ. «Если хочешь учиться, начинай съ должности цвиббера (каютнаго мальчика), и потомъ будь каютъ-вахтеромъ и матросомъ,» сказалъ Виллемсонъ царю, смѣясь. «А какая цвиббера должность?» спрашивалъ Царь.—«Вотъ, поди набей мнѣ трубку и принеси водки! Надобно

учиться служить другимъ, пока не научишься самъ повелѣвать.» — Царь бросился поспѣшно и исполнилъ приказаніе. «Хорошо,» сказалъ Виллемсонъ—«теперь полѣзай на мачту!» и онъ ужаснулся, когда Царь отважно началъ взбираться на самый верхъ мачты. Но Петръ требовалъ продолженія уроковъ и прошелъ съ Виллемсономъ всю службу морскую до офицерскаго чина.

Наконецъ прибылъ давно ожиданный корабль. Августа 1-го Царь пустился на немъ въ море, сопровождаемый иностранными судами. Всею эскадрою начальствовалъ Англійскій шкиперъ Іольсенъ. Царь находился безотлучно при немъ, стоялъ на вахтѣ, изучалъ подробности управленія кораблемъ. Плаваніе простиралось до Святаго Носа, или устья Бѣлаго моря, и продолжалось десять дней. Не одна навигація занимала между тѣмъ Царя: во время плаванія составлялъ онъ съ Гордономъ, коего взялъ съ собою въ Архангельскъ, расположеніе маневровъ Московскихъ, распредѣлялъ

войско, чертилъ планы. На прощаньи съ моряками Царь роскошно угостилъ ихъ на своемъ кораблѣ, и когда всѣ были въ веселомъ разгулѣ, взялъ со всѣхъ нихъ слово исполнить то, что онъ сдѣлаетъ. Получивъ общее обѣщаніе, Царь, плавая ловко и безстрашно, бросился съ корабля прямо въ море. Собесѣдники принуждены были слѣдовать его примѣру, не смотря на щегольское платье, въ какое нѣкоторые изъ нихъ нарядились на царскій пиръ. Съ восторгомъ разсказывали потомъ иностранные шкипера объ юномъ, умномъ, веселомъ и отважномъ Царѣ Русскомъ.

Когда возвратился Царь въ Москву, Сентября 20-го начались въ Москвѣ маневры. Уже не небольшая, какъ прежде, но обширная крѣпость сооружена была недалеко отъ Симонова монастыря и берега Москвы рѣки, на Коломенской дорогѣ. Осаждать и защищать ее собрано было войско изъ городовъ; къ нему присоединены были Потѣшные, Нѣмецкіе полки, Стрѣльцы, подьячіе изъ При-

казовъ, придворные служители. Всё лѣто учились собранныя дружины ружью и стрѣльбѣ. Соединяя дѣло съ шуткою, Царь раздѣлилъ всѣ войска на двѣ *арміи*, и одну изъ нихъ поручилъ *Князю Кесарю Ромодановскому*, а другую *Польскому Королю Бутурлину*, людямъ вовсе не военнымъ. Лефортъ и Гордонъ считались полковниками своихъ полковъ, а самъ Царь *капитаномъ бомбардирской роты Преображенскаго полка*. По имени деревни Кожуховой, близъ коей устроена была крѣпость, маневры названы были *Кожуховскимъ походомъ*.

Сентября 23-го *генералиссимусъ Бутурлинъ* повелъ свое мужественное войско черезъ Кремль. Впереди шли Стрѣльцы, а за ними роты подьячихъ, «все люди храбрые, бывалые въ походахъ съ князёмъ Васильемъ Васильевичемъ Голицынымъ, нещадно бившіе Турковъ и Татаръ, и только что возвратившіеся въ Москву изъ огня.» Такъ сказано было въ шуточномъ описаніи Кожуховскихъ маневровъ, изданномъ по повелѣ-

нію царскому. Генералиссимусъ ѣхалъ верхомъ, *въ мундирѣ, на подобіе Французскаго кафтана;* за нимъ слѣдовали царскіе пѣвчіе, стольники, завоеводчики. Бутурлинъ занялъ крѣпость и расположилъ свои отряды. Черезъ три дня поднялся *Князь Кесарь*, и также велъ войско свое чрезъ Кремль. Шествіе открывалъ *великій воинъ*, шутъ царскій Тургеневъ. За тѣмъ шли Стрѣльцы и Преображенскій полкъ, съ полковниками Автамономъ Головинымъ и Менгденомъ, и подполковниками княземъ Трубецкимъ и Адамомъ Вейде. Бомбардирскую роту вели капитаны, *Петръ Алексѣевичъ* (самъ Царь), Гумбертъ и князь Троекуровъ. Семеновскій полкъ шелъ съ своимъ полковникомъ Чамберсомъ. Потомъ слѣдовали: отрядъ карлъ, въ красныхъ плащахъ и въ шляпахъ съ перьями; воевода Шеинъ, съ знаменемъ; карета царская, гдѣ сидѣлъ *Князь Папа;* роты *Пахаловъ* и *Палетовъ*; стольники, предводимые боярами, и наконецъ самъ Князь Кесарь, въ богатомъ Русскомъ платьи, верхомъ; за нимъ

везли пушки, и саперы и минеры марширов али съ лопатами и заступами. Переправа чрезъ Москву рѣку началась при жестокой пальбѣ. Князь Кесарь сбилъ непріятеля, переправился и расположился лагеремъ. Самъ онъ поселился въ великолѣпной ставкѣ, и не смотря на ненастную погоду, двѣ недѣли продолжалась безпрерывная, хотя и не кровопролитная война, ибо сражались бумажными гранатами и деревяными штыками. Но битвы были однакожь упорны. По всѣмъ воинскимъ правиламъ осаждали крѣпость, нападали въ открытомъ полѣ, выдумывали засады, хитрости, сражались иногда такъ запальчиво, что многіе бывали ранены. Дѣло кончилось шуткою: крѣпость затопили водою изъ ручныхъ трубъ. Бутурлинъ отступилъ, защищался въ лагерѣ, но былъ окруженъ, сбитъ, взятъ въ плѣнъ и приведенъ къ побѣдителю съ завязанными назадъ руками. Князь Кесарь принялъ его гордо, сидя въ своихъ богатыхъ креслахъ. Побѣжденные и побѣдители помирились за роскошнымъ обѣ-

домъ, при чемъ угостили пивомъ и виномъ все храброе войско и распустили его. Знаменитую побѣду Князя Кесаря Царь велѣлъ передать потомству въ шуточномъ разсказѣ. Великолѣпными словами, начиная съ Троянской войны, изложилъ повѣствователь по приказу Царскому *описание знаменитыхъ подвиговъ и великой брани, бывшей между изящными господами генералиссимусами, Ѳедоромъ Юрьевичемъ и Иваномъ Ивановичемъ, и коихъ ради причинъ началась оная сильнѣйшая брань Кожуховская.*

Послѣ краткаго отдыха новые маневры произведены были подъ селомъ Коломенскимъ. Тамъ построена была также земляная крѣпость, но уже не было ничего шуточнаго. Правильнымъ боемъ Лефортъ бралъ, а Гордонъ защищалъ крѣпость, предводительствуя одинъ Потѣшными, другой Стрѣльцами. Побѣда Лефорта едва не стала ему слишкомъ дорого: увлеченный, горячимъ характеромъ своимъ, онъ бросался въ огонь, и бумажною гранатою

опалило ему лицо, такъ, что нѣсколько дней опасались не лишится ли онъ зрѣнія. Тогда увидѣли всю нѣжность чувствъ Царя и любовь его къ Лефорту. Царь жилъ безвыѣздно у своего любимца, самъ подавалъ ему лекарство, своими руками дѣлалъ примочки, заботился объ немъ, какъ о родномъ отцѣ, и когда выздоровѣлъ Лефортъ, на радости произвелъ его въ полные генералы. На пиръ, данный Лефортомъ, по случаю царской милости, Петръ привезъ своего четырехъ-лѣтняго сына, царевича Алексѣя. Лефортъ представилъ Царю восьми-лѣтняго сына своего Генриха. Отцы радовались на дѣтей, думая, можетъ быть, что *Генрихъ* будетъ нѣкогда тѣмъ же для *Алексѣя*, чѣмъ былъ отецъ его для Петра.... Не сбылись надежды...

Послѣ святокъ слѣдовало опять веселье: царскій шутъ Тургеневъ женился, и Царь праздновалъ свадьбу его смѣшнымъ маскерадомъ. Онъ, бояре, придворные провожали молодыхъ, одѣтые въ рогожи, въ лыковыхъ

и лубочныхъ шляпахъ, въ крашенинныхъ и сермяжныхъ кафтанахъ. Поѣздъ составляли множество саней, запряженныхъ быками, козлами, собаками, свиньями. Женихъ съ невѣстою ѣхали въ богатой царской каретѣ. Свадебный пиръ былъ подъ шатромъ, на морозѣ, въ полѣ близъ Преображенскаго.

Такъ прошло *пять лѣтъ* самодержавнаго правленія царя Петра, пять лѣтъ, не ознаменованныхъ важными государственными событіями, но богатыхъ будущимъ. Въ сіи годы, уже не связываемый волею честолюбивой сестры, въ первомъ цвѣтѣ юности, съ силами неистощимыми, волею непобѣдимою, Петръ довершилъ свое воспитаніе, свыкся съ царскими трудами, узналъ обязанности и заботы своего высокаго сана; началъ два великія дѣла: *образованіе войска и созданіе флота*; избралъ себѣ помощниковъ и сотрудниковъ; разрушилъ недоступность, окружавшую дотолѣ Русскихъ царей, сталъ среди своего народа, обозрѣлъ обширную

часть своихъ областей и испыталъ море. Но все еще только *потѣхою* могли казаться дѣла его. Наставало время прекратить потѣхи, время «младенческимъ забавамъ его родить громы», по словамъ поэта, время Петру Великому явиться на полѣ битвъ, двинуть Русскіе корабли на Черное море, и съ полей брани, гдѣ явился онъ столь же безстрашнымъ воиномъ, сколь неустрашимымъ морякомъ являлся на волнахъ морей, перейдти къ новымъ подвигамъ, показавшимъ въ немъ царя безпримѣрнаго въ лѣтописяхъ народовъ. Здѣсь — *1695-мъ годомъ*, кончилась юность Петра Великаго.

РАЗСКАЗЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

НАЧАЛО ПРЕОБРАЗОВАНІЙ. ВОЙСКО И ФЛОТЪ. ВЗЯТІЕ АЗОВА.

1695 — 1696 г.

Не сей ли при Донскихъ струяхъ
Разсыпалъ вредны Россамъ стѣны?....
Кругомъ его, изъ облаковъ,
Гремящіе перуны блещутъ,
И чувствуя приходъ Петровъ,
Дубравы и поля трепещутъ!..

Ломоносовъ.

Изображая въ общемъ очеркѣ начало великихъ преобразованій, предпринятыхъ Петромъ во внутреннемъ бытіи Русскаго царства, мы не говорили о внѣшнихъ сношеніяхъ и государственныхъ дѣлахъ Россіи послѣ низверженія царевны Софіи. Казалось, увлеченный своими Потѣшными войсками и флотомъ, Петръ не думалъ о внѣшней политикѣ, какъ равно оставлялъ онъ прежній порядокъ въ управленіи государствомъ — далѣе упомянемъ мы объ его немногихъ внутреннихъ распоряженіяхъ въ сіе время. Важнѣйшимъ изъ внѣшнихъ дѣлъ являлись союзъ съ Императоромъ, Польшею и

Венеціею, и война противъ Турковъ. Когда любимецъ Софіи столь безславно воевалъ противъ Крыма, успѣхи и неудачи безпрерывно мѣнялись въ войнѣ союзниковъ Россіи съ Султаномъ. Собіескій, больной, умиравшій, безъ войскъ, безъ денегъ, терзаемый семейными раздорами, своевольствомъ подданныхъ, видя Волынь и Галицію опустошаемыя Татарами, не отставалъ однакожь отъ союза, посылалъ бѣдные, нестройные отряды войскъ въ битвы, и не слушалъ совѣтовъ Людовика XIV-го, воевавшаго противъ Императора. Противясь Франціи, соединенно съ Испаніею, Швеціею, Баваріею, Англіею, Бранденбургомъ, Савоіею, Императоръ безпрерывно старался заключить миръ съ Султаномъ, видѣлъ упорство Турковъ, радъ былъ пособію Венеціянъ, воевавшихъ Морею, и уговаривалъ Собіескаго воевать, хотя самъ только поддерживалъ войну на Дунаѣ и готовъ былъ предать Россію, Польшу и Венецію за выгодный миръ. Успѣхи визиря Ку-

пругли ободрили Турковъ въ 1690 году, но Купругли погибъ въ 1691 г., въ несчастной Саланкенемской битвѣ. Турки не унывали. Султанъ Мустафа, вступившій на престолъ въ 1695 году, рѣшился даже ознаменовать свое правленіе усиленными воинскими дѣйствіями. Гаттишерифомъ своимъ призывалъ онъ къ оружію всѣхъ Музульманъ, предполагая самъ лично идти съ войскомъ. «Хочу мстить исчадію невѣрныхъ и слѣдовать по стопамъ предка моего, Великаго Сулеймана!» возглашалъ Мустафа. Ему представляли труды и опасности военные.» Во имя Бога иду сражаться!» отвѣчалъ онъ, и многочисленныя войска его съ новыми надеждами двинулись на Дунай.

Во все время, съ 1689 года, союзники старались побудить къ войнѣ юнаго Царя Русскаго. Петръ не соглашался и не внималъ ихъ увѣщаніямъ и упрекамъ. Россія отвергла миръ, предложенный Ханомъ Крымскимъ, но только для вида поддерживала войну, защищая предѣлы Малороссіи и посылая ка-

заковъ въ удалые набѣги. Особенно отличался тогда отвагою наѣздникъ Палей, заднѣпровскій витязь. Переселиться въ Малороссію не допускалъ его завистливый Мазепа, боясь смѣлости его и любви къ нему казаковъ. Въ 1692 году Татары напали на Полтаву. Русское войско собралось и выступило въ походъ. Татары не дождались его. Палей ходилъ на Перекопь, на Очаковъ, въ Бессарабію. Въ 1694 году опять собралось Русское войско при появленіи Татаръ. Татары бѣжали, слыша объ его походѣ. Черезъ степи, на легкихъ коняхъ своихъ, казаки пробрались до Перекопи, взяли и раззорили въ расплохъ одну изъ Перекопскихъ башенъ. Донцы отправлялись по Дону на Азовъ и грабили берега Азовскаго моря.

Слыша о сильныхъ приготовленіяхъ Султана на 1695 годъ, союзники убѣдительнѣе прежняго просили Царя воевать, и онъ рѣшился исполнить ихъ требованіе. Но не просьбы союзниковъ, а обширныя собствен-

ныя предположенія заставили его дѣятельнѣе приняться за оружіе, возвѣщая государству своему, что самъ онъ идетъ въ битвы «на окаянныхъ бусурмановъ.»

Помышляя о заведеніи флота, Царь личнымъ обозрѣніемъ убѣдился, что сооруженіе его въ льдистыхъ моряхъ сѣверныхъ, еслибы и было возможно, то будетъ безполезно. Онъ обратилъ вниманіе на югъ. Тамъ видѣлъ онъ Донскія области, граничившія съ Азовскимъ моремъ, открывавшимъ путь въ Черное море, страны, расположенныя въ климатѣ южномъ, богатыя, обильныя всѣми благами природы. Донъ, протекая изнутри Россіи, давалъ удобныя средства сообщенія до самаго Азовскаго моря. Завоевать у Турковъ Азовъ, ключъ къ морю Азовскому, устроить въ немъ сильную крѣпость и обширную верфь, держать изъ него въ страхѣ Крымъ, соединить Донъ съ Волгою, тамъ, гдѣ сіи двѣ огромныя рѣки сходятся близко одна къ другой, а также соединить Донъ съ Окою, такимъ образомъ от-

крыть водный путь къ Азову изъ Москвы, проложить пути торговлѣ и внутреннимъ сообщеніямъ, двинуть Русскіе корабли на Черное море, и можетъ быть, овладѣть сѣверными берегами его — таковъ былъ обширный планъ Петра, въ слѣдствіе коего положилъ онъ завоевать у Турковъ Азовъ.

Задуманное немедленно *исполнять* — сдѣлалось уже тогда непремѣннымъ правиломъ Петра. Положили выстроить большія суда для осады Азова и спустить ихъ по Дону. Мѣстомъ постройки судовъ избранъ былъ *Воронежъ*, окруженный лѣсными областями и сообщающійся съ Дономъ рѣкою Воронежемъ, а мѣстомъ постройки мѣлкихъ судовъ *Брянскъ*, откуда суда сіи могли идти къ Азову по Днѣпру. Тысячи народа собраны были въ Воронежъ и Брянскъ, рубить и готовить лѣсъ, возить его и строить суда.

Но пока исполнялись сіи приготовленія, Петръ не вытерпѣлъ и рѣшился попытаться взять Азовъ безъ пособія флота. Велѣно было

немедленно собирать войско. Военныя дѣйствія располагались въ огромномъ объемѣ: сильное ополченіе, съ бояриномъ Борисомъ Петровичемъ Шереметевымъ, долженствовало соединиться съ Мазепою, идти по Днѣпру, взять Кизи-Кермень и отвлечь Крымцовъ, когда другое войско, подъ начальствомъ боярина Шеина, гдѣ будутъ самъ Царь, Лефортъ, Гордонъ, новые полки Русскіе и Донцы, двинется къ Азову.

Поспѣшно все было распоряжено и исполнено. Весною Шереметевъ явился на Днѣпрѣ. Апрѣля 18-го Царь торжественно велъ войска свои по Москвѣ черезъ Кремль. Подлѣ прежнихъ, нестройныхъ воинскихъ дружинъ и Стрѣльцовъ шли *Преображенскій* и *Семеновскій* полки. Въ первомъ велъ свою бомбардирскую роту *капитанъ Петръ Алексѣевичъ*, или *Петръ Михайловъ*, какъ еще называлъ себя Царь (по имени дѣда своего, царя Михаила Ѳеодоровича). Послѣ молебствія, совершеннаго въ Успенскомъ соборѣ пат-

ріархомъ Адріаномъ, царь Іоаннъ со слезами облобызалъ своего доблестнаго брата; съ крестами и иконами проводили его до струговъ, на коихъ Петръ отправился по Москвѣ рѣкѣ, при колокольномъ звонѣ и пушечной пальбѣ. Народъ благословлялъ юнаго царя, орла, расправлявшаго могучія крылья и летѣвшаго на свой *первый* бранный подвигъ.

Весело, радостно спѣшилъ на битвы неукротимый царь. «Шутили подъ Кожуховымъ, а теперь подъ Азовъ играть ѣдемъ, хоть истинно при той Марсовой потѣхѣ и въ головѣ не было, что она превратится въ настоящее дѣло,» писалъ онъ Апраксину. «Здравствуй, Ѳедоръ Матвѣевичъ!» приписали къ царскому письму спутники Царя, «а мы за твое здоровье пьемъ медъ и ренское, а паче пиво.»

Шереметевъ не замедлилъ порадовать Царя успѣхами. Встревоженные походомъ Русскихъ на Днѣпръ и на Донъ въ одно время, Крымцы въ недоумѣніи стали у Перекопи, и дали время Шереметеву обложить и взять Ки-

зи-Кермень.» Берегите свой Кіевъ и не дерзайте присылать ко мнѣ еще кого нибудь—я велю содрать кожу съ вашего присланнаго!» отвѣчалъ Турецкій коммендантъ на первое предложеніе о сдачѣ. Іюля 30-го Рускіе взорвали подкопомъ одну изъ городскихъ башенъ, пошли на приступъ, взяли внѣшній городъ, начали бомбардировать средній и Кизи-Кермень сдался. Три другія крѣпости слѣдовали его примѣру. Турки отдали ихъ безъ боя. Осенью, подорвавши укрѣпленія всѣхъ крѣпостей, кромѣ Кизи-Керменской, которую возобновили и защитили сильнымъ гарнизономъ, Шереметевъ благополучно возвратился въ Малороссію.

Царь и войско его въ Іюнѣ 1695 г. явились у Азова. Донскіе казаки разогнали отряды Татаръ и очистили путь.

Рѣка Донъ, верстахъ въ 30-ти отъ моря, раздѣляется на два рукава; на сѣверномъ находилась тогда крѣпость *Лютикъ,* на южномъ, главномъ логовищѣ Дона, недалеко отъ *гирлъ,*

или устьевъ, заслоненныхъ островами, построена была Турками, на мѣстѣ древней Венеціянской Таны, *Азовская крѣпость*, предметъ безпрерывнаго боя Донцовъ, мѣшавшая имъ ходить въ морскіе набѣги на Турковъ. Казаки взяли ее въ 1639 году, но не подкрѣпленные царствовавшимъ тогда царемъ Михаиломъ, принуждены были оставить въ 1643 г. Турки снова укрѣпили ее, и Азовъ, при сильномъ гарнизонѣ, пособіи съ моря, помощи Татаръ изъ Крыма, слылъ твердынею непобѣдимою, одною изъ первыхъ Турецкихъ крѣпостей, твердою защитою Чернаго моря отъ Рускихъ. Крѣпость Азовскую составлялъ неправильный четыреугольникъ, обнесенный высокими каменными стѣнами, окруженными глубокимъ рвомъ съ земляныхъ валомъ. Выше Азова, на обоихъ берегахъ Дона, построены были небольшія каменныя крѣпости, или *каланчи*, съ земляными валами. Донъ между ними перегороженъ былъ желѣзными цѣпями. Слыша о походѣ Рускихъ на Азовъ, Султанъ

прислалъ туда храбраго пашу Гассана и сильное охранное войско.

Азовцы встрѣтили Рускихъ смѣлою вылазкою. Гордонъ отбилъ непріятеля. Русскія войска окружили Азовъ. Лефортъ, съ 700-ми Преображенцовъ, взялъ приступомъ одну каланчу; другую начали бомбардировать, и такъ устрашили ея защитниковъ, что они бѣжали ночью, вопреки упорству стараго коммендапта. Положивъ фитиль къ пороху, хладнокровно ждалъ онъ Рускихъ, замѣтившихъ побѣгъ Турковъ и бросившихся на приступъ. Во время успѣли потушить фитиль и безвредно заняли каланчу. Между тѣмъ по Азову производилась безпрерывная пальба. Осажденные не уступали. Напрасно Русскія пушки сбили защитниковъ съ землянаго вала, бомбы причиняли пожары въ городѣ, вылазки были храбро отбиваемы. Подкрѣпляемые съ моря, Азовцы не сдавались. Надобно было начать осадныя работы. Три подкопа повели подъ Азовъ. «Мы близко подош-

ли къ гнѣзду, и шмѣлей такъ раздразнили, что они крѣпко кусаются, но и гнѣздо ихъ по маленьку сыплется,» писалъ Царь, увѣренный въ побѣдѣ.

Но *гнѣздо не разсыпалось*. Неловко и медленно шли осадныя работы при неискуствѣ инженеровъ. Наступала осень. Татары явились чрезъ море изъ Крыма и окружили Руское войско. Еще упорствовалъ Царь. Но провидѣніе, какъ будто положившее по неисповѣдомымъ судьбамъ своимъ всюду искушать его терпѣніе и силы души — возмущеніемъ и гоненіемъ при вступленіи на престолъ, смертною опасностью при воспріятіи самодержавія, гибельною бурею при первомъ знакомствѣ съ моремъ — испытало неудачею и первый воинскій подвигъ Царя.

Августа 5-го Царь, вопреки мнѣнію Гордона, велѣлъ войску идти на приступъ. Рускіе бросились отважно, но были отбиты послѣ упорной битвы. Августа 8-го налетѣли на Руской лагерь Татары; ихъ прогнали и начали

громить Азовъ съ другаго берега рѣки. Сентября 14-го взорвали подкопъ. Взрывъ былъ такъ неудаченъ, что причинилъ вредъ только осаждавшимъ. На другой день Руские ужаснулись взрыва незамѣченнаго ими подкопа изъ крѣпости, коимъ Турки разрушили многія изъ осадныхъ работъ. Зажгли другой подкопъ, и еще неудачнѣе перваго. Въ лагерѣ былъ сильный недостатокъ запасовъ, ибо подрядчики Русскіе оказались неисправны, а хищные Татары опустошили всю окрестность и не допускали подвозовъ. Наступила мрачная осенняя погода, полились дожди и растворили непроходимыя грязи. Царь собралъ военный совѣтъ. Всѣ соглашались, что надобно отступить. Царь не слушалъ совѣтовъ, хотя голосъ его подкрѣплялъ только одинъ измѣнникъ, Голландецъ Янсенъ, любимецъ и крестникъ Царя, артиллерійскій офицеръ. Но Янсенъ умышленно потакалъ пылкому Царю, замышляя злодѣйство. Негодяй уже нѣсколько разъ перемѣнялъ вѣру, и обольщенный золотомъ

Турковъ, обиженный въ ссорѣ съ воеводою Шеинымъ, готовилъ пагубу Рускимъ. Почью, заколотивъ пушки на главной баттареѣ, Янсенъ убѣжалъ въ Азовъ, рано утромъ на другой день повелъ осажденныхъ на Русскій лагерь, и въ страхѣ отъ нежданнаго нападенія войско Русское побѣжало въ безпорядкѣ. Царь самъ бросился въ битву, остановилъ бѣгущихъ, отбилъ нападеніе и еще не хотѣлъ уступать. Не смѣли зажечь третьяго подкопа. Войско роптало. Сентября 25-го Царь велѣлъ идти на *свальный* приступъ. Битва была жестокая, но поражаемые съ крѣпостныхъ стѣнъ Янсеномъ, окруженные Татарами, дѣйствуя безпорядочно, Рускіе уступили.

«Умоляю тебя, милый братъ, ходить опасно и беречь себя!» писалъ къ доблестному брату своему царь Іоаннъ. Но *не опасно ходилъ* Петръ: *первый* былъ онъ въ битвахъ, *послѣдній* при отступленіи; самъ работалъ на баттареяхъ, дѣлилъ труды, опасности, испо-

году, недостатки съ другими. Не безразсудная отвага водила его: есть въ душахъ избранниковъ Божіихъ какая-то крѣпкая *вѣра* въ великую судьбу свою — ручательство за все великое! Истощивъ всѣ возможныя средства, Петръ показалъ не менѣе мужества, великодушія и силы духа, когда убѣдился, что усилія храбрости и терпѣнія безполезны. Онъ положилъ отступить, перенесть стыдъ неудачи, но не оставлять предпріятія, увеличить средства успѣха на будущій годъ и достигнуть предположенной цѣли. Онъ изумлялъ всѣхъ благоразумнымъ, хладнокровнымъ распорядкомъ отступленія войскъ. Каланчи Азовскія были увеличены и укрѣплены. Царь назвалъ ихъ крѣпостями *Никоновскою* и *Сергіевскою*, оставилъ въ нихъ 3000 войска, учредилъ сообщеніе ихъ съ Черкаскомъ, главнымъ городомъ Донскихъ казаковъ, которые зимою должны были подкрѣплять гарнизонъ людьми и запасами. Русское войско отступило стройно, отбивая нападенія Татаръ.

Часть его расположилась на зимовку по Дону. До 2-го Октября Царь прожилъ въ Черкаскѣ, проѣхалъ оттуда въ Воронежъ, и уже въ концѣ Ноября возвратился въ Москву. Онъ самъ ввелъ въ Кремль и провелъ въ Преображенское своихъ Потѣшныхъ. Царь Іоаннъ плакалъ обнимая его, и говорилъ: «Слава Богу, что ты возвратился—теперь умру спокойно!» Здоровье добродѣтельнаго Іоанна ослабѣвало видимо и явно.

Главными средствами для взятія Азова долженствовали быть искусные инженеры и флотъ; ихъ недоставало Русскому Царю. Приказывая спѣшить строеніемъ кораблей въ Воронежѣ, Царь послалъ требовать искусныхъ инженеровъ и артиллеристовъ у Императора, въ Голландіи и въ Пруссіи. Императоръ благодарилъ Царя за рѣшительность его продолжать войну, и тѣмъ усерднѣе, что дѣйствія его и Собіескаго въ 1695 г. были особенно неудачны. Семдесятъ тысячь Татаръ опустошили Польшу, надолго оставляя страш-

ные слѣды своего набѣга. Собіескій не могъ даже остановить, не только побѣдить ихъ. Отвлекаемый войною съ Людовикомъ XIV-мъ, Императоръ не усиливалъ войскъ своихъ на Дунаѣ. Турки, ободряемые Султаномъ, воспользовались тѣмъ, и гибель цѣлаго корпуса императорскихъ войскъ, съ храбрымъ генераломъ Ветерани, воспламенила ихъ бодрость, умноженную кромѣ того слухами о неудачѣ Рускихъ подъ Азовомъ, разбитіемъ Венеціянскаго флота, отнятіемъ Хіоса у Венеціянъ и вторженіемъ Турковъ въ занятую Венеціянами Морею. Надежды Мустафы на побѣды и выгодный Турціи миръ начинали сбываться. Гордо взывалъ Султанъ къ своему народу, грозя выставить противъ всѣхъ враговъ новыя, непобѣдимыя полчища. Опять онъ самъ хотѣлъ идти на Дунай. Храбрый сераскиръ Юссуфъ посланъ былъ на Польшу. Въ Азовъ прислали мужественнаго кіаю визирскаго Калойликоза-Ахмедъ-пашу. Велѣно было идти туда сильному флоту и многочисленному вой-

ску Татарскому, съ калгою и сыномъ Хана Крымскаго.

Но тѣмъ сильнѣе воспламенялся Царь желаніемъ расплатиться за неудачу и унизить гордость надмѣнныхъ враговъ. Въ Воронежъ переведены были всѣ корабельные мастера изъ Архангельска. Приглашены были оттуда на службу иностранные матросы и офицеры. Весною самъ Царь хотѣлъ поспѣшить въ Воронежъ, а зимою неутомимо готовилъ онъ оружіе и запасы, пока сбирали деньги и заключали вновь трактатъ съ Императоромъ. Собіескій, разсерженный упреками Царя въ бездѣйствіи, съ горькою насмѣшкою отвѣчалъ, что изнуренная войною Польша, съ больнымъ, старымъ королемъ, конечно, не силахъ одерживать такихъ побѣдъ, какія успѣла одержать Россія, бодрая силами и съ царемъ юнымъ. Петръ неоскорбился намѣкомъ на неудачу подъ Азовомъ, и просилъ только не мириться и продолжать войну.

Въ началѣ 1696 года опечалила Петра кон-

чина добраго брата его, царя Іоанна. И безъ того больной безнадежно, онъ простудился на Іордани 6-го Января, страдалъ три недѣли и тихо скончался 29-го Января. Горестно рыдалъ Петръ, опуская гробъ Іоанна въ могилу въ Архангельскомъ соборѣ, подлѣ гробницы царя Ѳеодора. Рускіе не забудутъ Іоанна, не прославленнаго подвигами царскими, но многихъ ли Іоанновъ, столь кроткихъ, столь добродѣтельныхъ, столь чуждыхъ всякаго честолюбія, въ такой высокой степени смиренія человѣка Божія, въ такомъ величіи праведника, представляетъ намъ исторія? Свято почитая память брата, Петръ во всю жизнь свою уважалъ, чтилъ царицу супругу его, и не различалъ дѣтей его отъ своихъ родныхъ. Послѣ Іоанна остались три дочери: царевна *Екатерина*, царевна *Анна* (будущая императрица Руская) и царевна *Прасковія*. Имъ было тогда, старшей четыре года, второй два, младшей одинъ годъ.

Москва кипѣла воинскою дѣятельностью.

Зимою въ Москву, а потомъ подъ Азовъ, пріѣхали присланные Императоромъ артиллерристъ Горгу, инженеры Лаваль, Шмидтъ, Урбанъ, Боргсдорфъ, изъ Голландіи артиллерійскій генералъ Шпаррейтеръ, офицеры фанъ-Стаммъ, Гудковъ, Гордесъ, Шмидтъ, изъ Венеціи опытные морскіе офицеры и низшіе служители. Въ Архангельскъ привезли изъ Голландіи запасъ ружей и на почтовыхъ помчали въ Москву. Войско собиралось въ Малороссіи, опять подъ начальствомъ Б. П. Шереметева. Шеинъ также снова назначался главнымъ воеводою подъ Азовъ. Планъ войны принятъ былъ прошлогодній: положено Шереметеву защищать Малороссію и отвлекать Татаръ отъ Азова. Пятнадцать тысячь казаковъ Малороссійскихъ отдѣлялись подъ Азовъ, куда назначалось еще 5,000 Донскихъ, 500 Яицкихъ казаковъ, и 3,000 Астраханскихъ Калмыковъ. Съ Шеинымъ были генералы Гордонъ и Автамонъ Головинъ; у перваго корпусъ составляли 9,000 солдатъ и 4,500 Стрѣльцовъ; у вто-

раго 8,500 солдатъ, 5,000 Стрѣльцовъ, 10,000 городоваго войска. Корпусъ Шеина состоялъ изъ 1,333 стольниковъ, 532 дворянъ, 1,401 жильцовъ: Лефортъ, какъ *адмиралъ*, наименованъ былъ начальникомъ флота, приготовляемаго въ Воронежѣ. Къ нему на суда опредѣлено 29 ротъ солдатъ, составлявшихъ 4,000 человѣкъ; одною изъ сихъ ротъ начальствовалъ *капитанъ Петръ Алексѣевичъ*; двумя другими *полковники*, Итальянецъ де-Лима и Французъ де-Лозье, названные *вице-адмираломъ* и *шаутбенахтомъ*; одною *инженерный капитанъ* Адамъ Вейде, двумя *инженеры* братья Брюсы, и еще двумя князья Трубецкой и Рѣпнинъ. Странную смѣсь стараго устройства съ новымъ образованіемъ представляло все Русское войско. Въ немъ были *генералъ-адъютантъ* и *генералъ-профосъ* (Регимонтъ и князь Львовъ), *генералъ-коммисаръ* (Ѳ. А. Головинъ), *генералъ-провіантмейстеръ* (Кирило Алексѣевичъ Нарышкинъ), полковники, подполковники, маіоры, капитаны, и оста-

вались еще *хоруюкіе*, *есаулы*, *завоеводчики*, *обозные*, *дозорщики*, *сторожеставцы*, *заимщики*, *посыльные* и *ертаульные* *воеводы*. Артиллеріею начальствовалъ *воевода*; аптекою управлялъ *думный дворянинъ*; Н. М. Зотовъ (Князь-Папа), въ званіи *думнаго дьяка*, завѣдывалъ дипломатическими дѣлами.

Февраля 18-го былъ смотръ *морскимъ ротамъ* и Лефортъ угощалъ Царя и воеводъ. Гордонъ выѣхалъ изъ Москвы 8-го Марта, Шеинъ 15-го, оба прямо въ Воронежъ, гдѣ уже нашли они Царя на корабельной верфи, съ топоромъ и аршиномъ въ рукахъ. Онъ выѣхалъ изъ Москвы прежде нихъ, Февраля 23-го. Къ Маю мѣсяцу готовы были въ Воронежѣ два большіе, 44-хъ пушечные *прама*, или плоскодонные корабля, 2 галеаса, 23 галеры, 4 брандера. Мая 3-го Царь поплылъ по Дону съ судами. Прамы разобрали и везли сухимъ путемъ до устья Дона. Въ Острогожскѣ повергся къ ногамъ Царя Мазепа и получилъ приказанія царскія.

Мая 15 го Царь, Лефортъ и Гордонъ были въ Черкаскѣ.

Зимою Татары нападали на Полтаву и Миргородъ. Ихъ разбили, и подъ пикою казака Вечорки погибъ тогда измѣнникъ Малороссійскій Петрикъ, бѣжавшій въ Крымъ и наводившій на Украйну Татаръ. Въ страхъ другимъ, казаки повѣсили трупъ Петрика на границахъ Украинскихъ. Крымцы жестоко отмстили смерть его: захватили Вечорку, рѣзали ему тѣло и жгли въ глазахъ его, когда храбрый казакъ еще былъ живъ и дышалъ. Подъ Азовомъ Турки бездѣйствовали, нападали только одинъ разъ на Сергіевскую крѣпостцу, и отбили казаковъ, думавшихъ въ расплохъ захватить Лютикъ. Царь наградилъ Донцовъ 5000 рублей и 3500 четвертей хлѣба.

Прибывши къ Азову, Царь послалъ храбраго Донскаго атамана Поздѣева развѣдать о Турецкомъ флотѣ. Поздѣевъ поплылъ въ море на лодкахъ, съ 250 казаковъ, встрѣтилъ два Турецкіе корабля, напалъ на нихъ, прорубилъ имъ

бока и потопилъ ихъ. Возвратясь, онъ донесъ Царю, что въ морѣ видны были еще 13 кораблей и 26 галеръ и полугалеръ. Царь обрадовался случаю перевѣдаться на морѣ съ врагами. Онъ пустился съ 16-ю галерами и сотнею лодокъ. Галеры не могли пройдти въ Донскихъ гирлахъ, ибо вѣтромъ съ берега согнало воду изъ рѣки. Царь пересѣлъ въ казачью лодку; на другія было посажено по 60 казаковъ и солдатъ на каждую. Всѣ лодки укрылись за Канаярскимъ островомъ въ устьи Дона. Турки приблизились къ берегу съ девятью кораблями и нѣсколькими галерами, нагрузили запасами и оружіемъ 14 большихъ тумбасовъ и отправили ихъ въ Азовъ. Съ гикомъ вылетѣли тогда изъ засады Русскія лодки, отрѣзали тумбасы, захватили девять изъ нихъ, нѣкоторые уплыли въ Азовъ — другіе бросились къ флоту. Царь преслѣдовалъ бѣгущихъ и напалъ на Турецкій флотъ, пока взятые тумбасы были предаваемы огню. Неожиданность нападенія навела такой ужасъ на

Турковъ, что они не смѣли сражаться и спѣшили бѣжать. Нѣкоторые изъ Турецкихъ галеръ попали на мѣль у берега. Царь догналъ двѣ галеры въ открытомъ морѣ, завязалъ бой, самъ взошелъ на галеры впереди всѣхъ и взялъ обѣ. Поощряемые примѣромъ Царя, казаки овладѣли другими судами. Остальной флотъ Турецкій бѣжалъ. Двѣнадцать сожженныхъ и потопленныхъ галеръ, кромѣ 10 большихъ саекъ и 9 тумбасовъ, янычарскій ага и 300 Турковъ, уцѣлѣвшихъ въ бою и взятыхъ въ плѣнъ, не считая убитыхъ и утонувшихъ, 70 пушекъ, 500 пикъ, 300 бомбъ, 4000 гранатъ, 80 боченковъ пороха, были трофеями *первой морской побѣды* Рускихъ. Всю богатую добычу Царь отдалъ храбрымъ казакамъ. Возвращаясь побѣдителемъ, онъ встрѣтилъ подъ Азовомъ остальныя Русскія суда, пришедшія изъ Воронежа.

Немедленно устроили баттареи на правомъ берегу Дона, соединили оба берега мостомъ, и съ большимъ прежняго искуствомъ возобнови-

ли прошлогодиія осадныя работы, не разрушенныя Турками. Пріѣзжіе инженеры повели осаду стройно и правильно. Азовцы не думали сдаваться, хотя замѣчали сильныя приготовленія Руских. Насмѣшливо напоминали они осаждавшимъ прошлогоднюю неудачу, и если видѣли себя отрѣзанными съ моря, за то ихъ ободряли сильныя полчища Татаръ, ставшія на югъ отъ Азова по рѣкѣ Кагальнику. Измѣнникъ Янсенъ былъ въ Азовѣ. Несчастный не могъ или не хотѣлъ оставить Азова. Онъ уже принялъ тогда мугаммеданскую вѣру, и зная, что казнь ждетъ его, если онъ попадется Рускимъ, клялся умереть подъ развалинами крѣпости, не сдавая ея.

Царь самъ размѣривалъ мѣста подъ баттареи и шанцы, презирая пальбу непріятельскую. Его просили беречь драгоцѣнную жизнь свою. «Аще Богъ по насъ, то кто на ны?» возразилъ онъ. «Я долженъ подавать примѣръ моимъ добрымъ товарищамъ — могу ли посылать ихъ въ битвы, если самъ буду прятаться?»

Іюня 17-го осадныя работы были кончены. Въ шатрѣ Шеина отслужили молебенъ, и *первую бомбу* въ Азовъ пустилъ самъ Царь. Въ слѣдъ за нею загремѣли Русскія пушки и мортиры. Весело ходилъ Царь по баттареямъ, ободрялъ артиллеристовъ, самъ заряжалъ оружія и палилъ. Скоро Азовскія пушки принуждены были замолчать. Вылазки осажденныхъ прекратились.

Сильную помощь оказали тогда Азову Татары, но Рускіе уже научились сражаться съ ними. Іюня 10-го толпы Татаръ буйнымъ натискомъ пробились до самаго лагеря Русскаго. Шеинъ отбилъ нападеніе и гналъ непріятеля безпощадно. Только самоотверженіе брата спасло Нураддина султана, предводителя Крымцовъ. Татары не сдавались въ плѣнъ и бились на смерть. Едва 183 человѣка плѣнныхъ было схвачено при 4,000-хъ убитыхъ непріятелей. Царь встрѣтилъ побѣдителей за лагеремъ, цѣловалъ, обнималъ воеводъ, самъ перевязывалъ раненыхъ, утѣшалъ ихъ въ страда-

ніяхъ, посылалъ имъ кушанье съ своего царскаго стола. Іюня 17-го Крымцы напали ночью, но ихъ ждали и выслали на нихъ казаковъ. Татары притворно пустились бѣжать, отрѣзали казацкіе отряды, погнали ихъ, но къ казакамъ спѣшили на помощь и Татары были прогнаны съ потерею 2,700 человѣкъ. Прошла недѣля, пока собрались они снова, и 4,450 убитыхъ, при упорномъ преслѣдованіи до табора ихъ на Кагальникѣ, были расплатою за новое нападеніе. Царь опять встрѣтилъ за лагеремъ побѣдителей, ухаживалъ за ранеными, утѣшалъ, ободрялъ, ласкалъ ихъ. «Мы забывали раны и болѣзни, видя заботу его объ насъ,» говорили они потомъ. Іюля 1-го славный наѣздникъ Татарскій, Дулакъ-Мурза повелъ въ бой Крымцовъ. Въ богатой бронѣ своей, на лихомъ аргамакѣ, отчаянно мчался онъ, рѣзалъ, билъ противниковъ, но окруженный отважными удальцами палъ въ битвѣ. Надъ трупомъ его загорѣлся *красный свальный бой*. Считая безчестіемъ уступить врагамъ тѣло богатыря, Та-

тары рѣзались отчаянно. Рускіе сбили ихъ, отрубили голову Дулакъ-Мурзѣ, сняли его панцырь, выставили броню и голову его на позоръ въ лагерѣ, и не взяли богатаго выкупа, присланнаго отъ Татаръ. За то свирѣпо напали Крымцы на другой день. Никогда битва съ ними не была такъ упорна и отчаянна. Напрасно встрѣтили ихъ картечью — Татары лѣзли въ лагерь. Почти все Русское войско выступило противъ нихъ, и Татары не устояли, бѣжали стремглавъ и не смѣли нападать болѣе. Они ѣздили, гарцовали кругомъ лагеря, схватывались съ казаками, но не шли на свальную битву.

Азову приходилось худо. Истощивъ всѣ средства защиты, видя безсиліе Татаръ, бездѣйствіе флота Турецкаго, нѣсколько разъ покушавшагося идти къ Азову и доставить припасы и оружіе, и каждый разъ удалявшагося при неусыпной стражѣ Русскаго флота и береговыхъ баттарей, осажденные все еще не сдавались, хотя упорство ихъ было уже дѣй-

*

ствіемъ только отчаянія. Азовскій коммендантъ зналъ, что за сдачу Азова онъ расплатится головою. Іюня 29-го Царь послалъ въ Азовъ письмо. «Сдайте городъ и идите куда угодно, но если допустите до приступа, объявляемъ смерть всѣмъ и мы не будемъ виновны въ крови вашей,» писалъ Царь. Азовцы отвѣчали вылазкою. Но Русскія бомбы и ядра сыпались и губили защитниковъ, уничтожали жилища ихъ — все ломали и разрушали. Городъ представлялъ груды развалинъ, между коими валялись трупы обгорѣлые и изувѣченные. Оказалось другое страшное бѣдствіе — голодъ. Отъ него начались болѣзни. Русскіе измѣнники проносили въ Азовъ хлѣбъ, продавая тамъ грошевую булку по рублю, но хитрость была открыта — измѣнниковъ казнили, и послѣднее средство пропитанія осажденныхъ погибло. Іюля 17-го назначено было зажечь подкопъ и идти на приступъ. Положили, что взрывъ будетъ произведенъ на самомъ разсвѣтѣ. Войско съ вечера изготовилось и ждало

сигнальной ракеты. Вдругъ по лагерю распространилось смятеніе. Говорили, что Азовъ уже взятъ, ибо не дождавшись приказа часть Русскаго войска ворвалась въ городъ. Действительно, Донскіе казаки, находясь въ числѣ другихъ осаждающихъ войскъ, не захотѣли дожидаться сигнала, бросились на земляной валъ, овладѣли имъ въ одномъ мѣстѣ, кинулись въ самый городъ, были отбиты, но не сошли съ вала и послали донести о томъ Царю, прося помощи. Воеводы Русскіе вознегодовали на своевольство. Царь похвалилъ удальцовъ, потчивалъ присланнаго съ донесеніемъ чарою вина и велѣлъ ожидать общаго приступа. Дѣло замедлилось нападеніемъ Татаръ — *послѣднимъ*, робкимъ и неудачнымъ. И когда Татары побѣжали при первомъ ударѣ на нихъ Рускихъ, на Азовскихъ стѣнахъ явился старикъ Турокъ, махая шапкою и крича, что *Азовъ сдастся.* Его взяли и повели къ Шеину. Турки сдавали городъ. Имъ обѣщали свободный выпускъ, безъ оружія, по обѣ сторо-

ны заспорили объ измѣнникѣ Янсенѣ. Царь требовалъ выдачи его. Турки невыдавали. «Идите же обратно — даю вамъ часъ времени одуматься, и обѣщаю, что не будетъ пощады, если не покоритесь!» сказалъ Царь. Не прошло и часа, когда увидѣли выходящій изъ города отрядъ Турковъ — они вели несчастнаго Янсена. «Убейте меня, но не выдавайте Рускимъ!» кричалъ измѣнникъ, окованный цѣпями и влекомый насильно.

Іюля 19-го Русское войско выстроилось рядами, и посланный отъ Азовскаго коммендапта чиновникъ, преклоняя колѣно, вручилъ Шеину городскіе ключи. По заключенному условію, на 18-ти бударахъ перевезли на Кагальникъ (откуда поспѣшно собирались Татары бѣжать въ Крымъ) 3700 человѣкъ, оставшихся отъ многочисленнаго Азовскаго гарнизона, и 4000 уцѣлѣвшихъ жителей. Вступивъ въ городъ, побѣдители ужаснулись страшнаго зрѣлища, какое представлялъ Азовъ: стѣны, домы были разрушены, земля сплошь взрыта бомбами и ядрами

рами, хлѣба не оставалось нисколько, трупы наполняли домы и улицы. Царь взялъ себѣ только пушки и оружіе. Вся остальная богатая добыча отдана была войску. Онъ въѣхалъ въ городъ, окруженный воеводами. На площади поставили шатеръ. При громѣ пушекъ воспѣто было «Тебѣ Бога хвалимъ!» На другой день сдался Лютикъ, безъ боя. Въ Азовѣ найдено было 96, а въ Лютикѣ 36 пушекъ. Въ день Преображенія, храмовой праздникъ Преображенскаго полка, торжествовали *первую побѣду Петра*, совершая крестный ходъ по Азовскому валу. Двѣ мечети обращены были въ церкви, и въ нихъ возглашены многолѣтія Царю Русскому и его храброму воинству, и вѣчная память падшимъ въ битвѣ. Флотъ Турецкій и Татары бѣжали. Русскій флотъ сблизился къ Азову. «И было пированіе великое и изъ пушекъ стрѣляніе многое,» говоритъ современникъ.

«Нынѣ возглашу вамъ: радуйтесь, и паки реку: радуйтесь!» писалъ Царь въ Москву. «Богъ

благословилъ двухъ-лѣтніе труды и кровь нашу — Азовъ покорился намъ.» Москва сомнительно ждала вѣсти побѣдной. Рускіе уже отвыкли тогда отъ побѣдъ. Помнили только неудачное окончаніе войны съ Польшею и Швеціею при царѣ Алексіи, нерѣшительныя битвы съ Турками при Θеодорѣ, несчастные походы на Крымъ Голицына. Неудача подъ Азовомъ въ 1695 году заставляла считать сію крѣпость непобѣдимою. Тѣмъ живѣе было общее веселье. Кремль зашумѣлъ радостными кликами, когда народу возвѣстили паденіе твердыни Азовской. Патріархъ молебствовалъ въ Успенскомъ соборѣ, и по всему государству помчалась вѣсть о побѣдѣ Царя.

Еще 31-го Іюля сказанъ былъ обратный походъ войску, щедро одаренному Царемъ. Но Царь оставался въ Азовѣ до 16-го Августа. Онъ объявилъ Азовъ *Русскимъ городомъ*. При немъ очистили его, возобновили и увеличили укрѣпленія; Азовъ сдѣлался послѣ сего недоступенъ Туркамъ при сильномъ гарнизонѣ.

Донцамъ позволено было селиться въ немъ и въ Лютикѣ. Укрѣпляя себѣ такимъ образомъ владѣніе Азовскимъ моремъ, Царь велѣлъ снять карты теченія Дона и моря Азовскаго, и выбрать мѣсто для крѣпостей, которыя заслонили бы Азовъ отъ Крыма, придвигая къ гнѣзду Крымскихъ хищниковъ Русскую силу. Мѣсто крѣпости выбрано было сначала на Міюсскомъ лиманѣ, но потомъ положили строить крѣпость тамъ, гдѣ при обширномъ заливѣ стояла Турецкая каланча *Таганъ-Рогъ*. На мѣстѣ ея заложили *Троицкую крѣпость*, сблизивъ ее валомъ, на протяженіи 10-ти верстъ, и крѣпостями *Черепахою* и *Павловскою* съ Міюсомъ. Съ другой стороны на Днѣпрѣ укрѣпили Кизи-Керменъ и устроили крѣпость на Таванскомъ островѣ. Въ Таганъ-Рогѣ хотѣлъ Царь учредить военную гавань.

Паденіе Азова обрадовало Императора. Собіескій не дожилъ до сей радостной вѣсти. Отъ имени Рѣчи Посполитой отвѣчали на грамату царскую, поздравляя Царя съ побѣдою.

Слухъ о взятіи Азова и небываломъ дотолѣ *Русскомъ флотѣ* встревожилъ Султана, и еще болѣе встревожило его извѣстіе о заложеніи Таганрога. Онъ казнилъ бывшихъ подъ Азовомъ пашей, укорялъ въ бездѣйствіи Хана Крымскаго, велѣлъ на весну идти съ флотомъ и взять Азовъ, а на Кубани заложить новую крѣпость (Атшу), мѣсто соединенія силъ Турецкихъ, Татарскихъ и Калмыцкихъ, ибо многія Калмыцкія племена тайно сносились съ Ханомъ, какъ равно обѣщали помогать Туркамъ разные Черкесскіе народы. Царь догналъ войско свое на обратномъ походѣ близъ Айдара, и тамъ распустилъ его. *Повѣсть объ Азовскомъ походѣ* осталась на Дону въ преданіи народномъ. Донцы, восхищенные милостями Царя, передавали изъ рода въ родъ разсказы объ его удальствѣ и богатырской силѣ. Донынѣ сохранились на Дону повѣсти о царѣ Петрѣ и его Азовскихъ подвигахъ. Такъ и нынѣ разсказываютъ тамъ, что плывши подлѣ лѣваго берега рѣки Дона, Царь завидѣлъ утку

у праваго берега, обратился къ молодому казаку и сказалъ ему: «Что? Застрѣлишь ли?» Казакъ приложился и убилъ утку съ маху. «Молодецъ!» сказалъ Царь — «и я застрѣлю, да только поцѣлившись!»

Царь пріѣхалъ въ Воронежъ, гдѣ радостно привѣтствовалъ его святый мужъ, епископъ Воронежскій Митрофанъ. Царь любилъ и уважалъ добродѣтельнаго пастыря, свидѣтеля смятеній въ Москвѣ при началѣ царствованія Петра, бывшаго потомъ при короновапіи Іоанна и Петра и присутствовавшаго на состязаніи съ Никитою Пустосвятомъ.

Москва готовилась встрѣтить побѣдителей. Царь хотѣлъ торжествовать побѣду невиданнымъ дотолѣ образомъ. Знакомя подданныхъ съ новыми понятіями, онъ учредилъ шествіе, онхожее на Римскіе тріумфы. На Каменномъ Мосту устроены были торжественныя врата, съ огромными картинами, гдѣ изображались битвы и побѣды подъ Азовомъ, и съ статуями Геркулеса и Марса. Сентября 30-го изъ села Коло-

менскаго началось шествіе Русскаго войска. Но не себѣ устроивалъ торжество Царь. Въ длинную жестяную трубу съ тріумфальныхъ воротъ возглашали въ стихахъ похвалы Шеину и Лефорту, славили мужество и мудрость ихъ. (*) Они ѣхали въ великолѣпныхъ колесницахъ, осѣняемые знаменами, окруженные войскомъ, послѣдуемые плѣнными, и въ ряду простыхъ офицеровъ, пѣшій, велъ роту свою *капитанъ*

(*) Генералъ-адмиралъ, морскихъ всѣхъ силъ глава,
Пришелъ, узрѣлъ, побѣдилъ прегордаго врага.
Мужествомъ командора Турокъ вскорѣ побѣжденъ,
Премногихъ запасовъ и оружій бѣ лишенъ.
Сраженіемъ жестокимъ бусурманы побѣжденны,
Корысти ихъ отбиты, корабли запаленны.
Оставшіеся жь въ бѣгство ужасно устремиша.
Страхъ велій въ Азовѣ и всюду расшириша...

Шеину возглашалъ неизвѣстный піита, въ восторгѣ называя его великимъ воеводою, прехрабро побѣдившимъ полки Агарянъ, »
Гдѣ нынѣ гордость ихъ, иже въ высоту восходила,
И во всѣ части міра пространно ся ширила?
Преполная луна нынѣ ся ущербляетъ,
Взятье бо Азова весьма ее умаляетъ, . . .

Довольно для примѣра.

Петръ Алексѣевичъ. Черезъ Кремль провелъ онъ ее до Преображенскаго. Пиры и награды вождямъ заключили торжество. Лефортъ получилъ титулъ Намѣстника Новогородскаго и президента Военнаго Совѣта, соболей, золотую, серебряную посуду и вотчины. Всѣ другіе помѣстья, вотчины, кубки, медали, деньги. Завоеваніе Азова увѣковѣчено было *первою* въ Россіи медалью съ надписью: *Молніями и водами побѣдитель.* Иностранные медальеры поднесли Царю медаль съ замысловатою надписью: «Донынѣ *Авксенское* (непріятельское), да будетъ отнынѣ *Эвксинскимъ* (мирнымъ) моремъ (Hisce Axenus fiat Euxenus). Какой-то хитрецъ придумалъ еще болѣе ловкую лесть Царю — представилъ ему камень съ Латинскою надписью, найденный будто бы гдѣ-то подлѣ Азова, и весьма древній. Надпись предвѣщала, что «Сѣверный Орелъ распростретъ крылья свои на Босфоръ и Балтику» (Aquila Borealis extendet alas suas supra Bosphorum et mare Balticum). Царь понялъ поддѣлку, усмѣхнулся

и сказалъ: «За доброе желаніе спасибо, а камень поддѣланъ.» (*)

Если нельзя не изумляться, какъ могъ съ самыхъ юныхъ лѣтъ великій Царь постигнуть важность и необходимость преобразованій, не менѣе изумительно, какъ рано умѣлъ онъ сознать и оцѣнить средства Россіи и свои силы, опредѣляя вѣрную систему внутренняго состоянія государства и его внѣшнихъ отношеній. Послѣ покоренія Азова, въ 1697 году, когда едва совершилось ему 24 года отъ рожденія, минуло 14 лѣтъ его царствованія и 8 лѣтъ его самодержавія, казалось, онъ уже все обдумалъ, предположилъ, началъ, и ему оставалось только *довершать.* Можно подумать, разсматривая дѣла его съ 1697 года, что остальныя тридцать лѣтъ жизни и царствованія его были только вѣрнымъ и постояннымъ развитіемъ мысли, закалившейся единожды и навсегда въ волка-

(*) Онъ хранится нынѣ въ Кунстъ-Камерѣ.

нѣ геніяльной души его и переходившей въ великія дѣла и событія.

Онъ убѣдился въ необходимости, повторяемъ, преобразованія Россіи. При семъ убѣжденіи онъ увидѣлъ, что невѣжество было главнымъ препятствіемъ дѣлу, и возненавидѣлъ онъ невѣжество, и положилъ истреблять его во внѣшнемъ и внутреннемъ бытѣ Русской земли. Просвѣщеніе было единственнымъ средствомъ успѣха, и къ просвѣщенію устремился онъ душею и сердцемъ, жаждалъ, искалъ его всюду. Обозрѣвши два крайніе предѣла своего царства, югъ и сѣверъ Россіи, живши въ лагерѣ съ солдатомъ, бывши на кораблѣ съ матросомъ, сблизясь со всѣми званіями, отъ боярина до ремесленника, отъ министра до купца, отъ Патріарха до сельскаго дьячка, онъ постигъ всю силу царской воли въ Россіи, увидѣлъ и богатство запаса въ свѣжей почвѣ Русской земли и тучной нивѣ Русской души. Исполняя мысль свою, не только волю свою, какъ царь, но и собственный при-

мѣръ свой употребилъ онъ орудіемъ къ совершенію великаго подвига. Еще не отдавая себѣ отчета въ подробностяхъ, онъ убѣдился, что военная сила государства есть вѣрное ручательство за его крѣпость, и воинъ и морякъ по природѣ, онъ положилъ создать *сухопутныя и морскія силы*, соотвѣтствующія громадности Россіи. *Просвѣщеніе* и *наука* долженствовали обогатить Россію. Для того надобно ему было перенести науку и просвѣщеніе въ Россію—*завоевать* ихъ. Вопросъ, что именно должно было перенесть въ Россію изъ Европы, рѣшилъ Царя ѣхать и обозрѣть Европу. Будущія нравственныя *завоеванія* свои рѣшился онъ сообразить путешествіемъ по Европѣ. Какъ дотолѣ не довольно было ему слышать объ устройствѣ воинскомъ и флотскомъ, о художествахъ и наукахъ, но надобно было самому быть плотникомъ, матросомъ, солдатомъ, бомбардиромъ, офицеромъ, полководцомъ, такъ ни на кого не хотѣлъ онъ положиться въ обозрѣніи Европы, ни на Рускихъ, ни на чужезем-

цовъ, ни на самыхъ близкихъ друзей и товарищей, силы и способности коихъ уже успѣлъ онъ испытать и извѣдать. Ему самому, и только *одному ему*, предлежало *вымышлять* и *исполнять* все; другіе могли быть только его *помощниками*, при исполненіи его велѣній.

Преобразовать Россію, вдвинуть ее въ союзы и политику Европы, уничтожить могущество Европейскихъ сосѣдей, распространить вліяніе Россіи на Азію—такова была вѣрная, постигнутая Петромъ цѣль внѣшней политики. Думалъ ли онъ *уже и тогда* отнять Балтійское море у Шведовъ? Кажется, нѣтъ: онъ устремлялъ вниманіе только на Черное море, хотѣлъ даже (какъ говорятъ) перенесть резиденцію свою на Черноморскіе берега, хотя личнымъ обозрѣніемъ могъ убѣдиться въ неудобствѣ безлѣсныхъ, пустынныхъ земель южныхъ, невыгодныхъ гаваней Азовскихъ и Черноморскихъ, и самаго моря, ключъ коего, Дарданеллы и Босфоръ, былъ въ рукахъ Турціи. Но для борьбы съ сосѣдями надобны были си-

лы. Въ томъ уже вполнѣ убѣдился Петръ. Онъ видѣлъ недостатокъ силъ Россіи при тогдашнемъ неустройствѣ войскъ, недостаткѣ флота, и необходимыхъ въ дополненіе всего наукъ, просвѣщенія, богатства народнаго. И онъ рѣшился отложить на время воинскіе подвиги, отправиться въ Европу, послать Рускихъ учиться, а между тѣмъ приготовить войско, флотъ, внутреннія сообщенія, и оживлять торговыя сношенія. Вся сія, столь громадная, необозримая мысль мгновенно перешла у него въ дѣло.

Показавъ воинскія способности свои завоеваніемъ Азова, Царь уже не хотѣлъ уступать взятаго имъ, но до времени не распространяя далѣе завоеваній, онъ рѣшился опять только поддерживать войну съ Турціею и стараться заключить выгодный миръ. Въ слѣдствіе сего вновь подтвердилъ онъ союзъ съ Императоромъ, заключивъ съ нимъ и съ Венеціею договоръ черезъ посланника Нефимонова, въ Вѣнѣ, 29-го Января 1697 года. Императоръ нетерпѣливо

хотѣлъ тогда мира съ Турціею. Людовикъ XIV, утомленный войною, уже склонялся на миръ съ Императоромъ. Новый и важный вопросъ о наслѣдствѣ Испанскомъ начиналъ волновать умы въ Европѣ. Императоръ и Франція равно не хотѣли упустить богатой добычи, и мирились, готовя отдыхомъ силы на борьбу болѣе упорную. Побѣды Евгенія, принца Савойскаскаго, юнаго, но уже славнаго воинскими дарованіями, ручались Императору, что Турція скоро преклонитъ главу, дотолѣ все еще горделивую. Престолъ Мустафы колебался отъ смутъ и неудачъ, но Мустафа упорно отклонялъ мирныя предложенія. Надлежало воевать. Старасясь добыть миръ съ Султаномъ, Царь подтвердилъ до времени миръ съ Швеціею, но Польша уже и тогда сдѣлалась для него важнымъ предметомъ дѣятельной политики. Онъ видѣлъ безполезность вражды съ Польшею и старанія отнять у нея какія либо области. Сдѣлать Польшу орудіемъ своей политики, управлять ею именемъ короля, власть коего подкрѣпитъ онъ

противъ своевольныхъ чиновъ и буйныхъ сеймовъ — таковы были дальновидныя предположенія Царя касательно Польши, и въ слѣдствіе того расположилъ онъ поступки свои при выборѣ преемника Собіескому.

Несчастное царствованіе Собіескаго было послѣдуемо позорнымъ раздоромъ между его вдовою и дѣтьми. Ненавидя своего старшаго сына, принца Іакова, и слыша, что ему думаютъ Поляки передать вѣнецъ отцовскій, вдова Собіескаго возстала противъ сына, спорила съ избирателями, проклинала Іакова, собирала на него противниковъ. Принуждены были насильно отнять у нея королевскую коронѣ и изгнать ее изъ Варшавы. Трупъ Собіескаго лежалъ развѣнчанный на парадномъ одрѣ его, и только безполезный мечъ украшалъ гробъ побѣдоноснаго спасителя Вѣны. Королева удалилась въ Данцигъ, гдѣ подкрѣпилъ ее Сапега, гетманъ Литовскій, явно бунтовавшій и даже сражавшійся съ королевскими войсками. Въ Маѣ 1697 года собрался въ

Варшавѣ избирательный сеймъ. За Іакова, принца слабаго, покорнаго Императору, оказалось мало заступниковъ, и почти всѣ голоса соединялись въ пользу другаго кандидата, предложеннаго Королевою, Франциска Людовика Конти, племянника Великому Конде, принца юнаго, храбраго, образованнаго. Не любя принца Конти, дерзнувшаго смѣяться надъ г-жею Ментенонъ, своенравный Людовикъ XIV-й нерадиво подкрѣплялъ выборъ его въ Польскіе короли, и оплошностью Французской политики воспользовался курфирстъ Саксонскій Фридрихъ Августъ, отличившійся храбростью въ войнѣ Императора противъ Турковъ, прекрасный собою, одаренный необыкновенными тѣлесными силами и умомъ, хотя при столь обольстительныхъ качествахъ легкомысленный, тщеславный, расточительный, преданный сластолюбію и роскоши. Онъ согла шался принять католическую вѣру, не щадилъ денегъ на подкупы, обѣщалъ пособіе Польшѣ Саксонскимъ войскомъ, и ручался за по-

бѣды надъ Турками. Голоса на сеймѣ раздѣлились. Ничего не рѣшая, избиратели спорили — даже доходило до битвы. Приверженцы Конти спѣшили въ церковь, пѣть «Тебѣ Бога хвалимъ» и провозглашать имя *короля Людовика*; за ними вторглись въ церковь приверженцы Августа, провозглашая его королемъ, и храмъ едва не сдѣлался мѣстомъ кровопролитной битвы.

Царь сначала подкрѣплялъ сына Собіескаго, но едва узналъ объ Августѣ, то началъ подкрѣплять его, велѣлъ двинуться изъ Новгорода войскамъ, и готовъ былъ вступить съ ними въ Литву, защищая Августа оружіемъ. Разсчетъ Царя былъ вѣрный: онъ пріобрѣталъ себѣ вѣрнаго союзника, свободнаго отъ вліянія Императора, ибо Императоръ защищалъ сына Собіескаго, и только упорное заступленіе Русскаго Царя заставило его не спорить противъ Августа. Помощью Россіи только могъ и послѣ избранія держаться Августъ на своемъ престолѣ. Царь усвоивалъ себѣ такимъ обра-

зомъ право вмѣшиваться въ дѣла Польши, охраняя власть Августа, и при легкомысленномъ характерѣ короля могъ совершенно управлять имъ и Польшею. Заступленіе Русскаго Царя заставило большинство голосовъ перейдти къ Августу. Примасъ королевства, кардиналъ Радзіевскій, вдова Собіескаго и Сапега все еще спорили, провозглашая имя Конти, хотя Августъ уже пріѣхалъ въ Краковъ, и принялъ титулъ Короля Польскаго, подъ именемъ *Августа II-го*. Партія Конти могла быть послѣ сего подкрѣплена только оружіемъ. Медленно собирался Людовикъ XIV-й, и дѣло Конти было разрушено безвозвратно.

Всѣ сіи дѣла — продолженіе войны съ Турками, подтвержденіе мира съ Швеціею, вмѣшательство въ дѣла Польши, обсуживались уже не въ прежней, нерѣшительной думѣ Боярской, но въ царскомъ Военномъ Совѣтѣ, гдѣ президентомъ считался Лефортъ, но всё рѣшалъ самъ Царь, и куда иногда только призывались избранные бояре на совѣтъ.

Здѣсь утверждалъ Царь всѣ свои важнѣйшія внутреннія распоряженія, передавая исполненіе ихъ Приказамъ и воеводамъ. Безпрерывно устроивались въ Москвѣ и всюду новые полки. Въ 1697 году Царь опредѣлилъ строить въ Воронежѣ сильный флотъ изъ 66-ти судовъ, полагая въ то число 35 кораблей отъ 60 до 24 пушекъ, 4 брандера, 7 бомбардирскихъ лодокъ, такъ, что число пушекъ и мортиръ, для флота назначаемыхъ, превосходило 2,500, а число людей опредѣлялось болѣе 17,000. Для облегченія Царской казны велѣно было строить суда на счетъ богатѣйшихъ помѣщиковъ, купцовъ, Патріарха; только 10 кораблей Царь принималъ на свой счетъ. За работу принялись дѣятельно, немедленно, поспѣшно. Ѳ. М. Апраксинъ опредѣленъ былъ начальникомъ Воронежской верфи. Князю Б. А. Голицыну препоручилъ Царь исполненіе другаго важнаго предпріятія: проведеніе канала отъ Дона до Волги, для чего велѣно было собрать 35,000 работниковъ. Между

тѣмъ возводились крѣпости въ Азовѣ, Таганрогѣ, Кизи-Кирменѣ. Для переговоровъ о торговлѣ съ Китаемъ отправленъ былъ тогда же въ Пекинъ посланникомъ Голландскій купецъ Избрандъ-Идесъ. Въ Персію посланъ былъ съ сею же цѣлью купецъ Семенъ Маленькой; ему велѣно было проѣхать въ Индію и говорить о торговомъ договорѣ съ Великимъ Моголомъ. Приказано было составить карты Сибири, искать тамъ рудъ, развѣдывать о песочномъ золотѣ въ Киргизскихъ степяхъ. Не только незнали тогда, что въ Сибири *по золоту ходятъ*, но не умѣли даже отыскать драгоцѣнныхъ металловъ, сокрытыхъ въ Уральскихъ и Яблонныхъ горахъ.

Если многіе стародумы ужасались образа жизни и бусурманскихъ обычаевъ, вводимыхъ Царемъ, ужасъ такихъ старовѣровъ умножило новое, неожиданное царское повелѣніе — свободно ввозить въ Россію *табакъ*, употреблять его, нюхать, курить, торговать имъ. При царскомъ дворѣ табакъ былъ уже въ употребле-

ніи, и самъ Царь, не боясь грѣха́, курилъ проклятую траву, за которую еще такъ недавно, даже при Софіи, подтверждены были жестокія наказанія — велѣно сѣчь кнутомъ, рѣзать носъ тому, кто держитъ въ домѣ, куритъ или нюхаетъ табакъ.

Но каковъ былъ страхъ, каково было изумленіе старовѣровъ, когда въ Совѣтѣ Царскомъ объявлена была воля Петра объ отправленіи за границу молодыхъ людей, для изученія тамъ знаній, наукъ, художествъ, ремеслъ! «Отправить дѣтей въ земли бусурманскія, гдѣ они могутъ узнать ереси и перенять обычаи еретическіе!» восклицали бояре. Царь доказывалъ имъ пользу, необходимость знанія и ученія. «Гдѣ нашимъ ребятамъ спознать заморскія хитрости! Жили отцы наши безъ нихъ — проживемъ и мы!» отвѣчали ему. «Жили!» воскликнулъ пылкій Царь и горячо началъ доказывать все зло, всѣ бѣдствія, всю пагубу невѣжества. «Гдѣ намъ научиться?» говорите вы»— продолжалъ онъ, «но раз-

нѣ не такими же людьми создалъ насъ Богъ? Развѣ Онъ лишилъ насъ ума и дарованій?» Еще осмѣлились спорить упрямцы. «Я самъ ѣду съ вашими дѣтьми — я самъ покажу имъ, чему должно учиться, что должно и чего не должно перенимать!» воскликнулъ Царь, и изумленные спорщики умолкли.

Великій Царь уже рѣшилъ тогда мысль о поѣздкѣ своей за границу. Онъ могъ оставить на время Россію, могъ поручить образованіе войска, строеніе флота, сооруженіе крѣпостей, рытье каналовъ, попеченію своихъ сотрудниковъ. Ему нетерпѣливо хотѣлось самому скорѣе видѣть плоды просвѣщенія столькихъ вѣковъ въ Европѣ, бесѣдовать съ Царями, заключить съ ними дружескіе союзы, говорить о великихъ предметахъ современной Европейской политики. Онъ положилъ посѣтить Германію, Голландію, Англію, Италію, Польшу; дорогою осмотрѣть прибалтійскія Шведскія области; познакомиться съ Императоромъ, съ Королемъ Польскимъ, съ знаменитымъ

монархомъ Вильгельмомъ, королемъ Англійскимъ, и съ Курфирстомъ Бранденбургскимъ (въ послѣдствіи Королемъ Прусскимъ), изъявлявшимъ дружбу Царю и усердіе къ пользамъ Россіи. Въ Ризвикѣ собирался тогда конгрессъ, долженствовавшій примирить западную Европу, и Царь могъ увидѣть тамъ всѣхъ главнѣйшихъ Европейскихъ дипломатовъ. Еще прежде того положено было отправить пословъ къ Императору, въ Англію, Пруссію, Данію, Венецію, уговаривать всѣ сіи державы обще воспротивиться возведенію на Польскій престолъ Французскаго принца и усиленію тѣмъ Людовика XIV-го. Царь положилъ потомъ, что одно великое посольство посѣтитъ Вѣну, Варшаву, Берлинъ, Гагу, Лондонъ, Дрезденъ, Венецію, и при немъ рѣшился отправиться онъ самъ. Бывали примѣры, что Цари посѣщали чужеземныя страны, но какъ Петра *перваго* увидѣли солдатомъ среди войскъ, имъ предводимымъ, такъ *первый* изъ царей посѣтить иноземныя страны хотѣлъ онъ, не въ видѣ ца-

ря, но подъ видомъ неизвѣстнаго дворянина Русскаго.

И намъ еще непостижимо величіе сей мысли — и еще болѣе не могли понять и не поняли ее ни современники, ни подданные Царя. Но уже никто изъ старовѣровъ не смѣлъ противиться послѣ того отправленію за границу дѣтей и родственниковъ. Царь самъ назначалъ юношей, и въ Январѣ 1697 года послалъ онъ первый отрядъ ихъ, назначая каждому *гдѣ* и *что* долженъ онъ изучать, предписывая правила жизни и ученія, приказывая отдавать строгій во всемъ отчетъ. Посланныхъ снабдили содержаніемъ на счетъ царскій, дали имъ рекомендательныя граматы къ Европейскимъ Государямъ. Мѣстами ученія назначались Англія, Голландія, Германія, Италія. Предметами ученія были науки, искуства, художества, ремесла — польза предпочиталась удовольствію. Царь хотѣлъ сперва прямой положительной пользы, а не роскоши просвѣщенія — готовилъ сперва не ученыхъ,

не литтераторовъ, но мастеровъ корабельныхъ и литейныхъ, механиковъ, лекарей, рудокоповъ, инженеровъ, архитекторовъ. Если многіе противились еще волѣ Царя, за то многіе, зная, что согласіемъ особенно угодятъ ему, что поѣздка за границу и ученье суть первыя средства къ чинамъ и отличіямъ, спѣшили изъявить свою готовность, сами отдавали Царю дѣтей и родныхъ для путешествія, какъ прежде записывали ихъ въ Потѣшные. Всѣхъ болѣе порадовалъ Царя Борисъ Петровичъ Шереметевъ, уже бояринъ и воевода при Софіи: онъ просилъ Царя позволить ему сложить на время свои высокіе чины, и ѣхать за границу учиться военной наукѣ. Царь обнялъ и облобызалъ его, далъ ему граматы, просилъ для него покровительства другихъ Государей. Шереметевъ отправился изъ Москвы въ Іюнѣ 1697 года.

Въ посольство съ Царемъ назначены были *Лефортъ* и *Головинъ*, заключившій трактатъ съ Китаемъ и любимый Царемъ за его обра-

зованность. Къ нимъ присоединенъ умный, опытный дьякъ *П. В. Возницынъ*, много разъ бывавшій за границею въ посольствахъ, въ Вѣнѣ, Царьградѣ, Варшавѣ, Амстердамѣ. Свита посольства была многочисленная и блестящая. Царь не щадилъ расходовъ. Онъ хотѣлъ показать своихъ пословъ не полудикими Азіятцами, но достойными представителями Европейскаго Государя. Съ посольствомъ ѣхали 35 юношей для ученья. Въ числѣ ихъ были: *Меншиковъ*, сынъ Имеретинскаго царя Арчила *Александръ*, племянникъ Лефорта, дѣти князей и бояръ, и на ряду съ ними дѣти простыхъ дворянъ.

На время отсутствія своего, Царь препоручилъ правленіе государствомъ Совѣту. Его составили: Левъ Кириловичъ Нарышкинъ, князь П. И. Прозоровскій, князь Б. А. Голицынъ и Т. Н. Стрѣшневъ. Собственныя дѣла царскія и Преображенскій Приказъ поручались *Князю-Кесарю*, Ѳ. Ю. Ромодановскому. Шеинъ объявленъ былъ главнокомандую-

щимъ всѣхъ Русскихъ войскъ. Гордонъ назначенъ былъ помощникомъ ему. Въ охраненіе Азова и Кизи-Керменя велѣно было составить двѣ сильныя арміи. Шеинъ долженъ былъ заслонить Азовъ и разрушить крѣпость, заложенную Турками на Кубани. Князь Яковъ Ѳедоровичъ Долгорукій, съ Мазепою, назначены защищать Малороссію, и имъ предписывалось, если будетъ удобно, идти на Перекопь и Очаковъ. Тѣмъ ограничилъ Царь всѣ военныя дѣйствія противъ Турковъ.

Спокойствіе Царя было нарушено заговоромъ, открывшимся предъ самымъ его отъѣздомъ изъ Россіи. Онъ былъ на пирѣ у Лефорта, когда явились два Стрѣльца и тайно донесли ему, что въ домѣ боярина Соковнина собрались заговорщики, полагая въ ту самую ночь приступить къ исполненію ужаснаго замысла — умерщвленію Царя. Не тревожа гостей, Царь послалъ приказъ капитану Преображенскому, князю Трубецкому, окружить военнымъ отрядомъ домъ Соковнина. Сказавъ Ле-

форуту, что ему надобно не надолго отлучиться, въ саняхъ, съ однимъ деньщикомъ, онъ поскакалъ прямо въ домъ Соковнина, и изумился не найдя тамъ Трубецкаго. Царь предвидѣлъ заговоръ и хотѣлъ уничтожить его отважною рѣшительностью. Не останавливаясь ни на минуту, смѣло вошелъ онъ въ домъ и ласково объявилъ хозяину и гостямъ его, что ѣхалъ мимо, увидѣлъ огонь въ окнахъ, и заѣхалъ повеселиться и обогрѣться. Испуганные нежданнымъ посѣщеніемъ, собѣседники ободрились Они рѣшились въ ту самую ночь зажечь гдѣ нибудь домъ, и умертвить Царя, когда онъ пріѣдетъ на пожаръ. — Въ ожиданіи, пока наступитъ условленное время, убійцы подкрѣпляли бодрость пьянствомъ. Царь казался веселъ, спокоенъ, хотя кипѣлъ гнѣвомъ, замѣчая перешептыванья и взаимные знаки злодѣевъ, тихо переговаривавшихся: не убить ли его теперь, одинокаго, безоружнаго, окруженнаго толпою ихъ? Другіе спорили. «Пора!» сказалъ наконецъ почти въ слухъ одинъ изъ опьянѣв-

шихъ злодѣевъ хозяину. «Нѣтъ! еще не пора!» отвѣчалъ ему въ полголоса Соковнинъ!» Тебѣ не пора – такъ мнѣ пора!» воскликнулъ Царь, вскакивая со стула – ударомъ сильной руки повергъ онъ Соковнина, спѣшилъ вонъ, призывая Трубецкаго — въ ярости ударилъ его, думая, что онъ опоздалъ, ибо только въ ту минуту явился онъ съ солдатами. Трубецкой оправдался запискою Царя, въ коей самъ Царь ошибся назначеніемъ часа. «Прости меня – возми и перевяжи бездѣльниковъ!» сказалъ ему Царь. Спокойно отправился онъ пировать къ Лефорту, гдѣ многіе даже и не замѣтили его отсутствія, былъ веселъ, шутливъ, и только на другой день узнали о страшной опасности, грозившей ему и разрушенной его изумительною отвагою! Подвергнутые пыткѣ, заговорщики открыли всѣ свои замыслы. Царь увидѣлъ, что здѣсь дѣйствовала только личная противъ него злоба немногихъ. Главнымъ заговорщикомъ былъ *Циклеръ*, Стрѣлецкій полковникъ, одинъ изъ первыхъ дѣй-

ствователей въ начальномъ Стрѣлецкомъ бунтѣ при Софіи, а потомъ предавшій Софію и Голицына при открытіи заговора Шакловитаго. Циклеръ ожидалъ наградъ и почестей. Царь наградилъ и — презрѣлъ его. Циклеръ считалъ себя обиженнымъ, особливо видя явное невниманіе къ себѣ Царя, знавшаго его коварную душу и вѣроломство, такъ, что иногда Царь называлъ его при всѣхъ *внучкомъ Милославскаго*. Озлобленный измѣнникъ рѣшился мстить, уговорилъ молодаго Пушкина, сестра коего была въ числѣ невѣстъ царскихъ въ 1689 году, особенно нравилась Царю, и не выбрана супругою ему потому только, что царица Наталія противилась выбору. Царь не скрывалъ чувства своего къ красавицѣ, не любя своей супруги, суевѣрной, своенравной, преданной стариннымъ повѣрьямъ. Соковнинъ, за котораго отдали Пушкину, ревновалъ ее къ Царю, обходился съ нею жестоко, и Циклеру легко было уговорить его на злодѣйство. Но заговорщики еще сами не знали, что имъ

дѣлать, видѣли несогласіе другихъ на бунтъ, сомнѣвались, спорили, и только указъ Царя, который подозрѣвая непріязнь къ себѣ Циклера, Пушкина и Соковнина, назначилъ всѣмъ имъ должности въ дальнихъ городахъ, заставилъ ихъ поспѣшить исполненіемъ недозрѣлаго заговора. Только Циклеръ, Пушкинъ, Соковнинъ и трое товарищей ихъ, рядовыхъ Стрѣльцовъ, были казнены; другихъ разослали въ ссылку; иныхъ просто перевели на службу въ города. Но опасаясь Стрѣльцовъ, которые, хотя были спокойны, но все еще составляли надежду заговорщиковъ, Царь принялъ противъ нихъ строгія мѣры. И безъ того многіе полки Стрѣлецкіе были уже преобразованы, даже и Сухаревскій полкъ, который любилъ и жаловалъ Царь за его преданность. Въ память усердія и вѣрности сего полка, онъ велѣлъ построить на мѣстѣ бывшей съѣзжей его огромное зданіе, извѣстное до нынѣ подъ именемъ *Сухаревой башни.* Но осѣдлость Стрѣльцовъ въ Москвѣ дѣлала пребываніе ихъ въ столицѣ

опаснымъ. Предположивъ совершенно новое образованіе всего Русскаго войска, Царь совершенно уничтожилъ корпусъ Стрѣлецкій, выслалъ всѣхъ Стрѣльцовъ, съ женами и дѣтьми, изъ Москвы, назначая имъ службу по городамъ. Стрѣльцы принуждены были продавать свои Московскіе домы и большую часть имѣнія; ихъ лишили права торговать, оставляя съ достаточнымъ жалованьемъ, но только при одной военной службѣ. Мѣсто ихъ въ Москвѣ замѣнили городовые и новые регулярные полки, безпрерывно умножаемые. Горестно разставаясь съ Москвою, озлобленные Стрѣльцы понесли въ сердцахъ сѣмяна возмущенія; увидимъ, какіе горькіе плоды принесло въ послѣдствіи строгое распоряженіе Царя и закоснѣлая злость мятежниковъ.

Распорядивъ управленіемъ Россіи въ свое отсутствіе, Царь не медлилъ отъѣздомъ. Казнь Циклера и товарищей его совершилась Марта 4-го 1696 года. Марта 2-го Царь призывалъ въ Преображенское бояръ и далъ имъ свои

послѣднія приказанія. На масляницѣ еще разъ повеселили народъ *огненною потѣхою*. На Красномъ Прудѣ построено было *подобіе Азова*, и его осаждали и брали на лодкахъ и съ сухаго пути, при громѣ пушекъ и хлопаньи бураковъ и ракетъ. Марта 9-го 1696 г. настал̆ъ достопамятный день царскаго отъѣзда. Кремль наполнился народомъ. Дорожныя кареты стояли подлѣ дворца. Царь, послы Лефортъ, Головинъ, Возницынъ, и свита ихъ, слушали обѣдню и напутственный молебенъ въ Успенскомъ соборѣ. Принявъ благословеніе Патріарха и простившись съ народомъ, Царь сѣлъ въ свою дорожную карету и отправился въ далекій путь.

Въ числѣ событій сего времени современники упоминаютъ о жестокихъ буряхъ въ Архангельскѣ и Смоленскѣ. Ихъ ужасала еще комета, явившаяся въ 1697 году. Въ 1698 году умеръ въ помѣстьи близъ Москвы, подаренномъ ему царемъ Ѳеодоромъ, Дорошенко, славный въ Малороссійскихъ смятеніяхъ до

1676 года. Мы уже упоминали о знаменитомъ путешественникѣ Кемпферѣ. Онъ былъ въ Москвѣ въ 1683 году, и любовался красотою юнаго Царя-отрока, представленный ему и царю Іоанну на аудіенціи Шведскихъ пословъ. Кемпферъ проѣхалъ потомъ изъ Москвы черезъ Астрахань въ Персію. Въ 1698 г. пріѣхалъ въ Москву славный путешественникъ Таверпье, три раза объѣхавшій Азію, и на старости лѣтъ хотѣвшій видѣть Россію. Онъ умеръ въ Москвѣ. Безвѣстная могила сокрыла прахъ его на Московскомъ Нѣмецкомъ кладбищѣ въ Марьиной рощѣ.—Замѣтимъ, что въ сіи же годы въ Россіи, за сто лѣтъ до Монгольфьера, осуществлялась мысль *летать по воздуху*: какой-то Русскій мужикъ вызвался *летать по птичьему*, но только не на аэростатѣ, а на слюденыхъ крыльяхъ. Крылья были ему сдѣланы на казенный счетъ. Летунъ вышелъ на площадь передъ многочисленную толпу народа, съ огромными крыльями на плечахъ, пе-

рекрестился, долго махалъ крыльями, старался летѣть и—не полетѣлъ, за что и велѣно было «бити его батоги.»

РАЗСКАЗЪ ПЯТЫЙ.

ПУТЕШЕСТВІЕ ПЕТРА ВЕЛИКАГО ВЪ ЕВРОПУ.

1697 — 1698 г.

Прошелъ землями и морями,
Учился самъ, чтобъ насъ учить;
Искалъ бесѣдовать съ царями,
Чтобъ послѣ всѣхъ ихъ удивить!

Державинъ.

Богъ, пославшій избранника своего Россіи въ лицѣ Петра, при геніяльныхъ душевныхъ способностяхъ, одарилъ его и тѣлесными качествами необыкновенными. Иностранцы, во время путешествія Петра по Европѣ, съ удивленіемъ смотрѣли на юнаго, 25-ти лѣтняго Русскаго Царя, высокаго, статнаго, мужественнаго, съ горящими черными очами, орлинымъ взоромъ, живостью, быстротою во всѣхъ движеніяхъ. Петръ, достигнувъ совершенныхъ лѣтъ, былъ ростомъ 2-хъ аршинъ 14-ти вершковъ. Смуглое, но правильное, оживленное умомъ лицо его оттѣнялось густыми, черными, волнистыми волосами, небрежно забро-

шенными за уши. Небольшіе усы придавали ему видъ воинственный. Голосъ у него былъ чистый, ясный, громкій; рѣчь смѣлая, порывистая; походка величественная, хотя и скорая. Всѣ сильныя впечатлѣнія ярко отражались на лицѣ Петра, выраженіе коего, всегда веселое, мгновенно вспыхивало грозою при гнѣвѣ и также быстро свѣтлѣло улыбкою. Его тѣлесная сила была изумительна: онъ разгибалъ лошадиную подкову и свертывалъ въ трубку серебряную тарелку. Еще при Софіи онъ рѣдко уже надѣвалъ долгополое Русское платье, но чаще всего являлся въ зеленомъ мундирѣ своего любимаго Преображенскаго полка. Принявъ самодержавіе, на аудіенціяхъ пословъ и во всѣхъ торжественныхъ случаяхъ былъ онъ всегда въ мундирѣ своемъ, иногда только возлагая сверхъ него на рамена порфиру и царскій вѣнецъ на голову свою. На верфяхъ и въ работѣ онъ бывалъ въ простомъ полукафтаньи. Въ кабинетѣ своемъ трудился онъ въ простой фуфайкѣ. Во время

путешествія надѣвалъ онъ иногда, но весьма рѣдко, Французскій кафтанъ, и башмаки, вмѣсто своихъ большихъ сапоговъ. Послы Русскіе, сопровождавшіе его, при аудіенціяхъ и торжественныхъ встрѣчахъ являлись въ великолѣпныхъ Русскихъ платьяхъ, всегда занимая богатые экипажи. Царь въ путешествіи ѣхалъ въ простой каретѣ, гдѣ для услугъ его сидѣли съ нимъ два деньщика и карликъ. По городамъ ѣзжалъ онъ въ легкой одноколкѣ, верхомъ, и часто ходилъ пѣшкомъ за-просто.

Путешествіе Царя изъ Москвы до Пскова продолжалось 12-ть дней. Марта 11-го Царь и послы были въ Твери, 12-го въ Торжкѣ, 14-го въ Вышнемъ Волочкѣ, 16-го въ Валдаѣ, и вечеромъ того дня въ Новгородѣ. Воображалъ ли тогда Царь, что отсюда далѣе на сѣверъ лежитъ дорога къ будущей столицѣ его! Марта 25-го переѣхали Шведскую границу и 31-го были въ Ригѣ.

Граматы царскія извѣстили предварительно Шведское правительство о проѣздѣ великаго

Русскаго посольства. Шведы знали, что при посольствѣ будетъ самъ Царь, и затруднились въ отданіи ему почестей. Графъ Далбергъ, старый, суровый воинъ, генералъ-губернаторъ Лифляндскій, плохо понимавшій условія придворнаго этикета, не думалъ угождать Русскому Царю, и не только не понималъ величія подвига его, но можетъ быть, подозрѣвалъ даже въ проѣздѣ Русскихъ пословъ какія нибудь хитрости. Онъ не поѣхалъ къ посламъ Русскимъ, отговариваясь нездоровьемъ. Царь, разсерженный плохими квартирами и недостаткомъ продовольствія по дорогѣ, еще болѣе разсердился, увидя себя въ Ригѣ почти подъ стражею. Онъ хотѣлъ осмотрѣть Рижскую крѣпость, но ему не позволили, и когда не смотря на то онъ пошелъ кругомъ крѣпостныхъ валовъ, часовые угрожали ему съ вала ружьями и принудили его удалиться. «Хорошо!» вскричалъ онъ въ гнѣвѣ— «Шведы не позволяютъ мнѣ осмотрѣть Рижской крѣпости, но я постараюсь осмотрѣть ее безъ

ихъ позволенія!» Оскорбленный Шведами, Царь велѣлъ посламъ протестовать противъ непріязненныхъ поступковъ Далберга и спѣшилъ переѣхать въ Курляндію.

Великолѣпныя встрѣчи съ самой границы Курляндской утѣшили Царя за досады въ Лифляндіи. Придворныя кареты присланы были за послами, когда они прибыли въ Митаву, и Герцогъ Курляндскій встрѣтилъ Царя и пословъ на крыльцѣ своего дворца. Не находя ничего особенно замѣчательнаго въ Митавѣ, послѣ дружескаго свиданія съ Герцогомъ, Царь оставилъ пословъ пировать, и взявъ съ собою юношей, находившихся при посольствѣ для отдачи въ ученье, изъ Либавы отправился моремъ въ Кенигсбергъ. Онъ явился туда въ видѣ простаго дворянина, нанялъ домикъ на берегу рѣки Прегеля, посѣщалъ пристань, мастерскія, заводы, фабрики, и только по пріѣздѣ пословъ, черезъ недѣлю, явился съ ними при Дворѣ курфирста. Фридрихъ Вильгельмъ, царствовавшій съ 1688 года, лю-

бившій пышность и великолѣпіе, и уже предположившій вскорѣ принять королевскій титулъ, встрѣтилъ царскихъ пословъ съ большимъ торжествомъ. Въ аломъ бархатномъ полукафтаньи, съ алмазными пуговицами, стоялъ онъ у трона своего и спрашивалъ пословъ о здоровьи великаго Царя Русскаго, скрывавшагося въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него въ свитѣ посольской. Мая 24-го былъ великолѣпный пиръ у курфирста. Щитъ, горѣвшій передъ дворцомъ, изображалъ взятіе Азова, а на рѣкѣ представлено было морское сраженіе. На другой день была травля дикихъ звѣрей и охота. Пируя, Царь и Курфирстъ говорили о дѣлахъ и заключили дружескій и торговый трактатъ. Царь нѣсколько разъ бесѣдовалъ наединѣ съ Курфирстомъ, другомъ и родственникомъ Вильгельма, штатгальтера Голландіи и короля Англіи. Курфирстъ провожалъ Русскихъ Пословъ до Пиллау, гдѣ Царь праздновалъ день именинъ своихъ и сжегъ приготовленный имъ фейерверкъ. Царь очаровалъ всѣхъ при Дворѣ

Курфирста любезностью, свободою въ обращеніи, умомъ и познаніями. «Для чего не учредите вы здѣсь пристани?» спросилъ онъ однажды указывая на Прегель. Ему отвѣчали что мѣли препятствуютъ тому. «Это мѣлочи,» отвѣчалъ онъ — «стоитъ прорыть каналъ и запрудить рѣку. Принадлежи Кенигсбергъ мнѣ, я сдѣлалъ бы въ немъ военную гавань.» Любопытство его было таково, что онъ не оставлялъ ничего безъ замѣчанія. Однажды, прогуливаясь, остановилъ онъ на улицѣ даму, снялъ съ нея маленькіе эмалевые часы, разсмотрѣлъ ихъ, и вѣжливо возвратилъ, прося извиненія, что часы ея возбудили его любопытство. Въ другой разъ неожиданно снялъ онъ огромный парикъ съ головы церемоніймейстера Бессера, и подробно разсматривалъ, какъ дѣлаются сіи странныя головныя покрышки, бывшія тогда въ такой великой модѣ, что за Бессеровъ щегольской парикъ заплачено было 300 талеровъ. Музыка придворная такъ понравилась Царю, что онъ нанялъ курфирстова

капельмейстера обучить нѣсколькихъ Рускихъ и не пожалѣлъ за то 1000 червонцовъ. Щедро дарилъ онъ всѣхъ деньгами, дорогими, рѣдкими тканями и соболями. Обѣдая съ Курфирстомъ и его супругою, Царь шутя бросилъ ей на тарелку драгоцѣнный рубинъ, которымъ украшенъ былъ въ послѣдствіи Прусскій королевскій скипетръ. Прелестная супруга Курфирста Софія Шарлотта, принцесса Ганноверская, плѣнила Царя. «Что всего лучше нашли вы въ Пруссіи?» спросилъ его Курфирстъ. «Можете ли спрашивать меня, когда супруга ваша предъ моими глазами!» отвѣчалъ Царь, преклоняясь передъ нею. Курфирстъ, некрасивый собою и малорослый, даже ревновалъ иногда, видя, какъ нѣжно говорилъ и ласково обходился съ его супругою юный красавецъ, Царь Русскій. Но Царь и Курфирстъ разстались друзьями — предположили даже весьма важныя предпріятія, как увидимъ далѣе. Изъ Пиллау Царь переплылъ въ Колбергъ, осмотрѣлъ сію знаменитую крѣ-

ность, отправилъ часть свиты въ Любекъ моремъ и уѣхалъ впередъ въ Берлинъ. Войско Прусское славилось тогда артиллеріею. Царь бралъ въ Берлинѣ уроки у лучшихъ Прусскихъ артиллеристовъ и требовалъ себѣ отъ нихъ строгаго экзамена и аттестата. Іюля 6-го пріѣхали въ Берлинъ послы и отправились отсюда съ Царемъ на Магдебургъ и Греннингенъ. Царь не забылъ взглянуть дорогою на славную бочку Магдебургскую, всходилъ близъ Галберштадта на гору Блоксбергъ, осмотрѣлъ въ Илзебургѣ желѣзные рудники, а въ Гильдесгеймѣ пировалъ съ любезнымъ весельчакомъ, тогдашнимъ владѣтельнымъ Гильдесгеймскимъ Епископомъ. Пріятная нечаянность ожидала его въ Коппенбригге, увеселительномъ замкѣ близъ Герренгаузена: супруга Курфирста, прибывшая туда изъ Кенигсберга, мать ея, Курфирстина Ганноверская, и братья, пригласили Царя на ужинъ. Онъ явился по приглашенію; за ужиномъ сидѣлъ между матерью и дочерью, былъ веселъ, раз-

говорчивъ, удивлялъ остротою и умомъ. Софія Шарлотта пропѣла по просьбѣ его Итальянскую арію и спросила: «Любитъ ли онъ музыку?» —«Какъ не любить, когда вы поете, а впрочемъ я не охотникъ до нея,» отвѣчалъ онъ. «Мнѣ нѣкогда заниматься музыкой, «прибавилъ онъ. «Моя забава фейерверки, и кромѣ того я знаю еще четырнадцать другихъ ремеслъ и все работаю самъ.» —«Сами!»—воскликнула Курфирстина. «Да, посмотрите на мои руки — съ нихъ не сходятъ мозоли.» Онъ помѣнялся съ Софіею Шарлоттою табакерками, развеселившись, плясалъ съ нею послѣ ужина по Русски, и желая приласкать маленькую сестру ея, безъ чиновъ приподнялъ ее за голову къ верху и разцѣловалъ, смѣясь, что отъ того измялась ея прическа. Братъ Софіи, Георгъ, принцъ угрюмый и молчаливый, бывшій потомъ королемъ Англійскимъ, не понравился Царю. Свита царская во время ужина вызвана была на славную попойку, и гофмаршалъ Коппенгеймъ, оставшійся побѣдителемъ,

награжденъ былъ отъ Царя за храбрость собольею шубою, но самъ Царь вовсе не пилъ вина, хотя въ другихъ случаяхъ не отказывался отъ пировъ, тамъ, гдѣ не присутствовали дамы. Недалеко отъ Берлина, въ день именинъ Курфирста, Царь далъ большой обѣдъ свитѣ своей и Бранденбургскимъ чиновникамъ. Онъ требовалъ, чтобы каждый изъ гостей осушилъ огромный бокалъ за здоровье именинника. Одинъ изъ гостей, старикъ, чиновникъ Курфирста, извиняясь нездоровьемъ, отказывался. Царь настоялъ, разсердился, велѣлъ выйдти упрямцу изъ комнаты, грозя, что онъ напишетъ Курфирсту объ его невѣжествѣ. Головы собесѣдниковъ были разгорячены. Лефортъ хотѣлъ удержать Царя, началъ съ нимъ спорить, говорить ему, что онъ не правъ. Царь велѣлъ молчать. Лефортъ не унимался. Въ гнѣвѣ выхватилъ Царь кортикъ свой. «Убей меня—честь твоя дороже мнѣ моей жизни!» вскричалъ Лефортъ. «Ты раскаешься, но будетъ поздно!» —Слезы брызнули изъ глазъ Царя.

Онъ обнялъ друга своего, просилъ у него прощенія, извинялся предъ обиженнымъ чиновникомъ, и изумилъ всѣхъ кротостью, съ какою слушалъ потомъ выговоры Лефорта.

Онъ спѣшилъ въ Голландію. Тамъ, уже знакомый съ нравами, обычаями, языкомъ Голландцовъ, въ странѣ славной флотами, торговлею, любовью къ отечеству жителей, хотѣлъ онъ продолжать уроки въ навигаціи и кораблестроеніи, начатые въ Переяславлѣ и продолженные въ Архангельскѣ и Воронежѣ. Чрезъ Гамельнъ, Минденъ и Глюкштадтъ достигнувъ Эммериха, Царь оставилъ пословъ, и отправился въ небольшомъ суднѣ по Рейну въ Амстердамъ, куда прибылъ 7-го Августа. Десять дней прожилъ онъ въ ожиданіи посольства своего, радуясь, что его не тревожатъ обрядами и церемоніями.

На другой день по пріѣздѣ осматривалъ онъ Амстердамъ и поспѣшилъ въ находящійся неподалеку отъ него, небольшой городокъ Сардамъ, родину многихъ мастеровъ, кото-

рыхъ зналъ онъ въ Россіи, товарищей своихъ по Переяславлю и Воронежу. Сардамъ славился верфью, множествомъ фабрикъ, заводовъ, мѣльницъ, и дѣятельностью жителей, отличныхъ мореходцовъ на купеческихъ судахъ, посѣщавшихъ тогда всѣ части свѣта. Подплывая къ Сардаму, Царь увидѣлъ Голландца, ловившаго рыбу и узналъ въ немъ Геррита Киста, кузнеца, бывшаго въ Россіи. Онъ кликнулъ его по имени. Кистъ не вѣрилъ глазамъ своимъ: въ красной байковой курткѣ, холстинныхъ брюкахъ и большой круглой шляпѣ, передъ нимъ стоялъ Царь Русскій. «Ты ли это, Царь Московскій?» воскликнулъ добродушный Кистъ. Царь велѣлъ ему молчать, избралъ его руководителемъ своимъ въ Сардамѣ, и прежде всего вмѣстѣ съ нимъ отправился искать себѣ квартиру. Нашелся маленькій отдѣльный домикъ у самаго Киста, гдѣ жила какая-то бѣдная вдова. Она уступила свое жилище Царю за 7 гульденовъ прибавки къ платѣ хозяину.

Царь обѣдалъ потомъ въ трактирѣ. «Что вы за люди?» спрашивали собесѣдники Царя и его спутниковъ. —»Мы Русскіе плотники и пріѣхали сюда учиться,» отвѣчалъ Царь, распивая кружку пива по обычаю Сардамцовъ. Онъ купилъ себѣ топоръ, пилу, инструменты, записался работникомъ на верфи мастера Рогге и принялся за работу.

Пребываніе Царя въ Сардамѣ сдѣлало навсегда достопамятнымъ сей маленькій городокъ. Никто не бываетъ нынѣ въ Амстердамѣ безъ того, чтобы не заѣхать въ Сардамъ. Донынѣ уцѣлѣлъ тамъ смиренный домикъ, гдѣ жилъ Петръ Великій, и сохраняется въ немъ мебель, имъ самимъ сдѣланная—тесовая кровать его и простой столъ. Домикъ называютъ *Княжескимъ Домомъ*, и его сохраняютъ, какъ драгоцѣнность, подъ особеннымъ каменнымъ навѣсомъ. Онъ принадлежитъ нынѣ Королевѣ Нидерландской, праправнукѣ великаго Царя. Его посѣщали императоръ Іосифъ, король Шведскій Густавъ III-й и Наполеонъ. Импера-

торъ Павелъ благоговѣйно разсматривалъ его въ 1782 году. Александръ Благословенный, возвращаясь побѣдителемъ въ отечество, былъ въ Сардамѣ и оставилъ памятникомъ въ домикѣ великаго предка своего надпись, начертанную золотыми буквами на мраморѣ: Petro Magno Alexander *(Петру Великому Александръ)*. Надпись надъ входомъ въ домикъ говоритъ посѣтителю: «Ни что не мало великому человѣку» (Niets is den grooten man te klein). Вспомнимъ, что домику Петра Великаго воздалъ поклоненіе и нынѣ благополучно царствующій Монархъ Россіи, посѣщавшій его вмѣстѣ съ Великимъ Княземъ Михаиломъ Павловичемъ. Въ немъ благодатный Наслѣдникъ его, будущій Царь Русскій, былъ угощаемъ своею Августѣйшею Теткою въ 1838 году. Онъ написалъ на стѣнѣ домика имя свое, и подъ его именемъ прибавилъ спутникъ его, поэтъ, котораго именовать не нужно (кто не узнаетъ его по мелодическимъ стихамъ?) —

Надъ бѣдной хижиною сей
Летаютъ ангелы святые.
Великій Князь! благоговѣй:
Здѣсь колыбель имперіи твоей —
Здѣсь родилась великая Россія!

Донынѣ жители Сардама гордятся тѣмъ, что у нихъ жилъ и учился Петръ Великій, и преданіе народное повторяетъ множество разсказовъ объ его Сардамскомъ житьѣ-бытьѣ. Такъ, на примѣръ, вспоминаютъ тамъ, какъ отличался онъ искуствомъ между всѣми плотниками и мастерами, и получилъ за то званіе *баса*, или *мастера*, какъ онъ работалъ на пильной мѣльницѣ, въ маслобойнѣ и на бумажной фабрикѣ. Мѣльница крупчатка, гдѣ обтесалъ онъ доску, донынѣ называется *Царскою*. Посѣтители домика удивляются искуству въ сдѣланныхъ Царемъ корабельныхъ моделяхъ, тамъ сохраняемыхъ. Царь самъ носилъ себѣ дрова на кухню, топилъ печку, стряпалъ кушанье. Войдя однажды въ домъ къ знакомому плотнику въ грязныхъ башмакахъ, онъ былъ остановленъ сердитою хозяйкою, смиренно ски-

нулъ башмаки, и изъ опасенія замарать чистый полъ, остался въ чулкахъ. Онъ посѣтилъ замать бывшаго въ Россіи мастера Іозіаса, запросто завтракалъ съ нею и обѣдалъ у жены другаго мастера Ренсена. «Почему знаешь ты моего мужа?» спросила его жена Арріена Метье, отъ котораго Царь привезъ ей поклонъ изъ Россіи.—«Мы работали съ нимъ вмѣстѣ у Московскаго Царя,» отвѣчалъ Петръ. «Но кто же ты самъ?» спросила его любопытная Голландка. «Я плотникъ,» отвѣчалъ Царь.—Идя однажды по улицѣ, Царь толкнулъ какого-то мальчишка, не дававшаго ему дороги. Шалунъ разсердился и бросилъ въ лицо Царю гнилое яблоко. Царь утерся и сказалъ: «Виноватъ! Я все думаю, что я еще въ Москвѣ!» Купивши у одного Сардамца ботъ, по приглашенію продавца Царь долженъ былъ распить въ нимъ въ магарычъ кружку пива. Онъ купилъ себѣ кромѣ бота яхту, самъ отдѣлалъ на нее мачту, прогуливался въ ней по морю, плавалъ нѣсколько

разъ въ Амстердамъ, и однажды пустившись въ шлюпкѣ по заливу въ бурное время, едва не утонулъ, когда сильнымъ волненіемъ перекачнуло шлюпку. Бывшіе при Царѣ успѣли схватить его. «Мнѣ надобно было окреститься въ Нѣмецкомъ морѣ!» сказалъ смѣючись Царь.

Между тѣмъ въ Амстердамѣ узнали, что Русскій Царь уже пріѣхалъ, и что онъ находится въ Сардамѣ простымъ работникомъ на верфи. Толпы народа кинулись смотрѣть его. Царь терпѣлъ нѣсколько времени. Наконецъ любопытные не давали ему прохода по улицамъ — работать было невозможно, и онъ тайно уѣхалъ въ Амстердамъ, куда уже прибыли тогда послы его.

Ихъ встрѣтили и угощали великолѣпно. Царь вмѣстѣ съ ними посѣтилъ театръ и любовался великолѣпнымъ фейерверкомъ на рѣкѣ Амстелѣ, но всегда скрытно. Онъ познакомился и подружился съ бургомистромъ Витсеномъ, бывавшимъ въ Россіи, однимъ изъ директоровъ

Остъ-Индской Компаніи, человѣкомъ ученымъ и необыкновенно образованнымъ. Витсенъ нанялъ ему домикъ близъ адмиралтейства и Царь началъ работу на Амстердамской верфи. «Слѣдуя слову Божію, сказанному праотцу нашему Адаму,» писалъ онъ въ Россію къ Патріарху, «трудимся въ потѣ лица, видитъ Богъ не изъ нужды, но желая блага, дабы искуситься въ наукѣ и быть полезными отечеству.»

Не однимъ кораблестроеніемъ и верфями занимался Царь въ Голландіи, проживши тамъ до Января 1698 года. Упражненія его были разнообразны. Все занимало его, отъ великихъ политическихъ дѣлъ до сученія веревокъ, отъ знакомства съ Государями и министрами до соленья рыбы и варенья смолы. Онъ посѣтилъ Гагу съ послами и видѣлся тамъ съ Вильгельмомъ. Два великіе человѣка поняли другъ друга. Петръ дружески и многократно бесѣдовалъ съ Вильгельмомъ, героемъ своего времени, воспитанникомъ сла-

внаго и несчастнаго де-Витте. Вильгельмъ, спаситель Голландіи, двадцать пять лѣтъ выдерживавшій борьбу противъ побѣдоносныхъ силъ Людовика XIV-го, два раза принуждавшій его мириться, накопецъ освободившій Англію отъ недостойныхъ властителей, возвратившій ей права ея и свободу, и возведенный на престолъ единодушнымъ желаніемъ Англійскаго народа, скромный въ величіи, великій въ бѣдствіи, былъ государь по сердцу Петра Великаго. Царь Русскій не любилъ Людовика XIV-го, хотя и уважалъ въ немъ монарха мудраго. Вильгельмъ былъ врагъ Короля Французкаго, и какихъ уроковъ, какихъ изъясненій тайнъ политики Европейской не могъ услышать юный Царь Русскій отъ опытнаго воина и мудраго Короля Англіи, испытаннаго бѣдствіями, готовившагося въ третій разъ противопоставить оплотъ непомѣрному честолюбію монарха Франціи! Вильгельмъ просилъ Царя посѣтить Англію. Царь нѣсколько разъ присутствовалъ въ со-

бранія дипломатовъ Европейскихъ, заключившихъ во время пребыванія его въ Голландіи достопамятный миръ, извѣстный подъ именемъ *Ризвикскаго* (Сентября 20-го 1697 года). Онъ находился и на самыхъ совѣщаніяхъ мирнаго конгресса, гдѣ были трактовавшіе о мирѣ министры Императора, Франціи, Англіи, Голландіи, Швеціи, Испаніи, Даніи, Бранденбурга. Всѣ сіи дипломаты посѣщали Русскихъ пословъ, переговаривавшихъ въ то время о союзѣ и торговлѣ съ Голландіею. Царь видѣлъ наконецъ свою Россію среди Европейскихъ государствъ.

Но бесѣдуя съ министрами, съ Вильгельмомъ, съ правителями Нидерландовъ, Царь хотѣлъ видѣть и узнать всѣхъ знаменитыхъ тогда, ученыхъ Голландцовъ. Онъ подружился съ славнымъ врачемъ Боергавомъ и анатомикомъ Рюйшемъ. Чрезвычайно разнообразны были въ Голландіи занятія Царя. Съ примѣрной морской битвы, которую, угождая ему, давали близъ Амстердамскаго за-

лива, причемъ онъ самъ начальствовалъ однимъ изъ кораблей, переходилъ онъ въ мастерскую механика Фанъ-Гайдена и бралъ уроки у математика Гартцоккера; отъ обозрѣнія флота и магазиновъ Остъ-Индской Компаніи, корабельныхъ доковъ и китоловныхъ судовъ спѣшилъ онъ въ анатомическій театръ, слушая тамъ курсъ анатоміи, и въ кабинетъ Левенгука, гдѣ разсматривалъ чудеса природы въ огромный микроскопъ. Въ то же время онъ чертилъ планы съ знаменитымъ Кугорномъ, исчислялъ пропорціи кораблей съ Адамомъ Сило, обозрѣвалъ больницы, воспитательные дамы, церкви разныхъ исповѣданій, заключалъ договоры на литье пушекъ и выдѣлку ружей, нанималъ мастеровъ, офицеровъ, матросовъ, пировалъ съ товарищами работъ своихъ на верфи, поправлялъ карты Россіи, составленныя Витсеномъ. Все видѣнное имъ было записано въ его журналѣ; всему снята была мѣра, взяты рисунки и модели. Отдавая въ ученье прибывшихъ съ нимъ Рус-

кихъ, онъ требовалъ отчета въ ихъ занятіяхъ. Меншиковъ работалъ съ нимъ на верфи; Царевичъ Имеретинскій изучалъ артиллерію; двое князей Шаховскихъ отправились на Голландскихъ корабляхъ, одинъ въ Суринамъ, другой въ Батавію; иные изъ Рускихъ учились парусному, блочному, мачтовому дѣлу, другіе строенію мѣльницъ, приготовленію канатовъ и снастей. Царь бралъ уроки даже у зубнаго лекаря. Увидя однажды ловкіе фокусы какого-то фигляра, онъ непремѣнно хотѣлъ узнать тайны его непостижимаго искусства и щедро заплатилъ ему за ихъ открытіе. Посѣщая заводы, фабрики и мастерскія, онъ ковалъ съ кузнецами, мялъ кожи съ кожевниками, ткалъ съ ткачами. Заботясь о размноженіи полезныхъ книгъ въ Россіи, Царь договорился съ Амстердамскимъ типографщикомъ Тессингомъ объ отливкѣ Русскихъ буквъ и самъ составилъ рисунки особеннаго шрифта ихъ. Въ отличіе отъ Славянскаго, коимъ печатались духовныя книги, сей шрифтъ названъ

былъ *гражданскимъ*. Царь изобрѣлъ его примѣняясь къ Латинскимъ буквамъ и исключилъ не нужныя буквы Славянскія (*пси*, *икъ*, *отъ*, *юсъ*, *ижицу*). Тессингъ отлилъ по его рисункамъ буквы и получилъ привиллегію торговать въ Россіи гражданскими книгами. Нашелся какой-то Бѣлорусскій урожденецъ, жившій въ Амстердамѣ, ученый Илья Копіевскій, или Копіевичъ. Онъ занялся переводами на Русскій языкъ, и въ 1699 году Тессингъ издалъ *первую Русскую книгу*: «Краткое введеніе во всеобщую Исторію,» а въ 1700 году напечаталъ Азбуку, Грамматику Латинскую съ Русскимъ, Словарь Латино-Нѣмецко-Русскій и первый Календарь Русскій.—Корабль, въ постройкѣ коего участвовалъ Царь на Амстердамской верфи, былъ спущенъ на воду, и Голландское правительство просило Царя принять его въ подарокъ. Царь былъ въ восхищеніи, назвалъ корабль: *Апостолы Петръ и Павелъ*, нагрузилъ его всемъ, что закупилъ въ Голландіи; 640 человѣкъ наня-

тыхъ имъ мастеровъ, художниковъ и матросовъ, и два капитана, Стемати и Піаръ, отправились на семъ кораблѣ въ Архангельскъ. Тогда же отправлены были въ Россію: *Крюйсъ*, бывшій потомъ Русскимъ адмираломъ; *Геннингъ*, основатель Екатеринбурга въ Сибири; граверъ *Пикаръ*; маленькій Арапъ, купленный Царемъ, котораго крестилъ онъ и назвалъ *Ганнибаломъ* (предокъ поэта Пушкина и храбрый генералъ Русской службы), и еще мальчикъ, Португальскій урожденецъ, *Дивіеръ* (бывшій потомъ графомъ и оберъ-полицеймейстеромъ Петербургскимъ).

Недовольный тѣмъ, что въ Голландіи не могли ему показать основательно теоріи кораблестроенія, Царь рѣшился ѣхать въ Англію, куда дружески приглашалъ его Вильгельмъ. Флотъ Англійскій славился уже и въ то время устройствомъ и морскими побѣдами. Знаменитая Гогская битва 1692 года, гдѣ уничтоженъ былъ Англичанами Французскій флотъ, утвердила превосходство Ан-

гліи передъ другими Европейскими государствами на морѣ. Царь хотѣлъ видѣть и разсмотрѣть флотъ побѣдителей Людовика XIV-го, и 8-го Января 1698 года, отправился въ Англію, на яхтѣ, нарочно присланной Вильгельмомъ; три Англійскіе корабля провожали его, подъ начальствомъ адмирала Мичеля. Великолѣпный домъ назначенъ былъ Царю въ Лондонѣ. Онъ отказался отъ него, поселился въ небольшомъ домикѣ въ Дептфортѣ, гдѣ находилось тогда главное Англійское адмиралтейство, и здѣсь запросто посѣтили его король Вильгельмъ и наслѣдникъ его, принцъ Георгъ.

Царь прожилъ въ Англіи четыре мѣсяца. Неусыпно работалъ онъ на верфи, и какъ въ Голландіи, не оставилъ ничего безъ обозрѣнія. Англійскіе Парламенты, Товеръ и Монетный Дворъ въ Лондонѣ, Виндзоръ, Гамптонкуртъ, Гринвичъ, Оксфортскій университетъ, морской арсеналъ въ Вульвичѣ — все было предметомъ его любопытства и подробныхъ

изслѣдованій. Вильгельмъ подарилъ ему великолѣпную яхту, но гораздо большимъ подаркомъ былъ праздникъ, данный Царю по приказанію Короля въ Порстсмутѣ. При громѣ пушекъ съ крѣпости, нѣсколько линейныхъ кораблей и множество другихъ судовъ выступили изъ гавани. Царь находился на кораблѣ адмирала, командовавшаго эскадрою. Трехъ-дневная прогулка по морю кончилась примѣрною морскою битвою, продолжавшеюся цѣлый день. Царь до того былъ восхищенъ искуствомъ движеній, ловкостью подчиненныхъ и распоряженіями начальниковъ, что въ восторгѣ воскликнулъ: «Еслибы я не былъ Русскимъ Царемъ, пожелалъ бы быть Англійскимъ адмираломъ!» Царь осматривалъ также и въ Англіи заводы, фабрики, мастерскія, все записывалъ, всюду работалъ самъ, накупилъ множество машинъ, моделей, оружія, нанялъ болѣе 300 мастеровыхъ и художниковъ. Онъ принялъ въ службу двухъ отличныхъ корабельныхъ мастеровъ, *Дина* и *Ная*,

математика *Фархварсона*, инженера *Перри*. Въ Лондонѣ съ удивленіемъ смотрѣли, какъ онъ одинъ, съ переводчикомъ, ходилъ пѣшкомъ по улицамъ, входилъ въ лавки, магазины, мастерскія, даже въ таверны, желая видѣть и узнать нравы народные. Умные отвѣты Царя, его свобода въ обращеніи, щедрость, тѣлесная сила, безстрашіе на морѣ восхищали Англичанъ. «Что особенно понравилось вамъ въ Гринвичѣ?» спросилъ его Вильгельмъ, когда Царь осмотрѣлъ тамъ дворецъ королевскій и знаменитый домъ морскихъ инвалидовъ. «То,» отвѣчалъ Царь, «что дворецъ вашъ походитъ на гошпиталь, а гошпиталь на дворецъ.» Англія вообще такъ восхитила Царя, что онъ называлъ ее *прекраснѣйшею и счастливѣйшею изъ всѣхъ земель, видѣнныхъ имъ*. Съ королемъ Вильгельмомъ Царь разстался дружески. Въ самый день отъѣзда своего, онъ еще разъ посѣтилъ арсеналъ и адмиралтейство, и на пути въ Ширнессъ снова осмотрѣлъ верфь Дептфортскую, мостъ въ Чатамѣ и

три огромные корабля, стоявшіе тамъ на рейдѣ. Апрѣля 23-го Царь отправился въ Голландію, щедро одаривши всѣхъ находившихся при немъ. Народъ толпами сбѣжался на берегъ смотрѣть на Русскаго Царя и провожалъ его громкими кликами.

Жестокая буря встрѣтила Царя и продолжалась четыре дня. Когда самые моряки изъявляли ему опасеніе — «Чего вы боитесь, господа?» весело говорилъ имъ Царь—«слыханое ли дѣло, чтобы Царь Русскій утонулъ въ Нѣмецкомъ морѣ?» Апрѣля 27-го успѣли достигнуть Гельфутслейса. Царь простился съ пріятелями, своими Англійскими моряками, осмотрѣлъ дорогою Дельфтъ, и 29-го прибылъ въ Амстердамъ.

Опять посѣтилъ онъ Сардамъ, дружески прощаясь съ его добродушными, трудолюбивыми жителями. Въ Амстердамѣ прожилъ онъ до 15-го Мая. Вечеръ въ день отъѣзда Царь провелъ у пріятеля своего, купца Кальфа, и уѣхалъ впередъ, избѣгая торжественныхъ про-

щаній. Въ Нимвегенѣ дождался онъ своихъ послов. Ихъ провожали изъ Голландіи съ большимъ великолѣпіемъ.

Царь ѣхалъ прямо въ Вѣну, чрезъ Клевъ, Гильдесгеймъ, Галберштадтъ, Галле и Лейпцигъ. Не смотря на отказы Царя отъ встрѣчь и угощеній, едва вступилъ онъ въ Саксонію, всюду, по приказанію короля Августа, начались торжественные пріемы, встрѣчи, обѣды, пальба пушечная. Царь внимательно осмотрѣлъ Галльскій и Лейпцигскій университеты, знаменитую Саксонскую крѣпость Кенигштейнъ, а въ Дрезденѣ богатыя собранія картинъ и рѣдкостей. Король Августъ находился тогда въ Польшѣ. Царь посѣтилъ Курфирстину, мать его, и отправился въ Вѣну чрезъ Богемію. Въ Прагѣ остановился онъ и осматривалъ устройство старинного моста чрезъ рѣку Молдаву.

Не доѣзжая нѣсколькихъ миль до Вѣны послы остановились, затрудняясь переговорами о пріемѣ ихъ при императорскомъ Дворѣ. Императорскіе церемоніймейстеры не знали, какъ

должно встрѣтить Царя. Головы дипломатовъ Австрійскихъ ничего не могли придумать, рѣшая столь важный вопросъ. Царь рѣшилъ всѣ сомнѣнія, сказавши, что ему лично никакого пріема не надобно, но требовалъ большой почести посламъ своимъ. Три дня прошли въ недоумѣніяхъ. Царь кончилъ ихъ наконецъ просто. «Хорошо, соглашаюсь на уступку, и пусть принимаютъ насъ здѣсь, какъ имъ угодно, но за то и мы также примемъ ихъ въ Москвѣ,» сказалъ онъ. Торжественный въѣздъ пословъ въ Вѣну происходилъ 16-го Іюня. Царь уѣхалъ впередъ.

Вѣна не могла представить ему столькихъ предметовъ изученія, какъ Амстердамъ и Лондонъ, но любопытство его увлекало наблюденіе нравовъ, обычаевъ народныхъ, обрядовъ Дворскихъ, устройства воинскаго. Царь осматривалъ заведенія, зданія, памятники Вѣнскіе. Онъ ѣздилъ въ Венгрію, осматривалъ Пресбургъ и былъ на минеральныхъ водахъ въ Баденѣ. Уничтожая для себя лично всѣ це-

ремоніи и предоставляя торжественныя аудіенціи и переговоры своимъ посламъ, Царь запросто посѣтилъ императора Леопольда въ загородномъ дворцѣ его, и тѣмъ принудилъ его пріѣхать къ нему на квартиру также безъ чиновъ. Іюня 29-го послы праздновали день именинъ царскихъ роскошнымъ обѣдомъ, гдѣ присутствовали знатнѣйшіе вельможи и сановники Вѣнскаго Двора. Имениникъ былъ приглашенъ на вечеръ въ императорскій загородный дворецъ. Здѣсь приготовленъ былъ великолѣпный праздникъ и присутствовала вся знать Вѣнская. Послѣ оперы на придворномъ театрѣ началось гулянье въ саду, превосходно освѣщенномъ. Древній императорскій Дворъ явился въ своемъ полномъ блескѣ. Собраніе ослѣпляло красотою дамъ, золотомъ и брилльянтами на одеждахъ. На огромномъ щитѣ противъ дворца горѣло имя царское. Хоръ изъ ста восмидесяти пѣвчихъ и музыкантовъ гремѣлъ въ богатой залѣ, гдѣ начались танцы. По окончаніи праздника Царь пригласилъ знатнѣй-

шихъ гостей къ себѣ и пировалъ съ ними до разсвѣта. Іюля 1-го Императоръ угощалъ Царя въ маскерадѣ, называемомъ Wirthschaft (*по домашнему*). Здѣсь всѣ явились безъ чиновъ и переодѣтые. Императоръ и супруга его были въ одеждѣ Нѣмецкихъ крестьянъ. Царь былъ одѣтъ Фламандскимъ крестьяниномъ. Послѣ танцовъ слѣдовалъ роскошный ужинъ. Держа въ рукѣ кубокъ, Императоръ подошелъ къ Царю. «Мнѣ сказали, любезный Фламандецъ,» говорилъ онъ, «будто вамъ знакомъ Русскій Царь. Скажите ему, что я пилъ за его здоровье, и что я всегда буду другомъ его!» — «Да, я знаю Царя Русскаго, какъ самого себя,» отвѣчалъ Петръ, «и могу увѣрить, что онъ другъ вашъ и врагъ врагамъ вашимъ!» Хозяинъ и гость чокнулись и выпили заздравный кубокъ. «Сохраните эту бездѣлку на память,» сказалъ Императоръ, отдавая Царю свой драгоцѣнный кубокъ. Когда дошло до общихъ тостовъ, Царь обратился къ сыну Императора, Римскому Королю Іосифу, говоря: «Уволимъ

*

родителя вашего за его лѣтами, но вы молоды, и можете замѣнить его и потянуться съ нами, осушая кубки за здоровье друзей!» Царь и Король роспили полдюжины тостовъ.

Уже собирался Царь изъ Вѣны ѣхать въ Италію. Дожъ Венеціянскій, папа Иннокентій XII, Герцогъ Тосканскій, Дожъ Генуезскій, Герцогъ Савойскій готовились встрѣчать знаменитаго путешественника. Не знали поѣдетъ ли онъ во Францію, но Людовикъ XIV-й старался узнать о томъ, и предупредилъ Царя, что при Дворѣ Версальскомъ окажутъ всѣ приличныя почести его посольству. Извѣстія изъ Москвы разрушили предположенія Царя. Онъ принужденъ былъ послать изъ Вѣны назначенныхъ для ученія въ Италію молодыхъ людей однихъ, а самъ долженъ былъ поспѣшать въ Россію. Не излагая еще событій въ Москвѣ во время отсутствія Царя, дополнимъ здѣсь разсказъ о путешествіи его по Европѣ.

Въ то время, когда Царь пировалъ въ Кенигсбергѣ, Дрезденѣ и Вѣнѣ, работалъ въ

Сардамѣ и Дептфордѣ, посылалъ въ Россію цѣлыя колоніи художниковъ, мастеровъ, моряковъ, людей военныхъ, и грузы машинъ, моделей и оружія, политическія отношенія Россіи къ другимъ государствамъ занимали его безпрерывно. Плотникъ Петръ оставлялъ топоръ и рѣшалъ важные вопросы дипломатическіе. Главными изъ нихъ были тогда утвержденіе короля Августа на Польскомъ престолѣ и заключеніе мира съ Турками. Людовикъ XIV, заключивъ миръ Ризвикскій, не препятствовалъ ни въ томъ, ни въ другомъ Императору, королю Августу и Царю. Принцъ Конти, призываемый въ Польшу Сапегою, вдовою Собіескаго, примасомъ королевства Польскаго и мятежною шляхтою, явился въ Данцигѣ, 20-го Сентября 1697 года, съ шестью Французскими фрегатами, но безъ войска и безъ денегъ. Онъ думалъ, что его встрѣтятъ сильныя дружины храбрыхъ приверженцовъ, и увидѣлъ бѣдные отряды несогласныхъ между собою бунтовщиковъ. Сапега полагалъ, что принцъ Кон-

ти приведетъ съ собою войско Французское и привезетъ милльоны. Принца встрѣтили такъ холодно, что онъ не захотѣлъ даже сойдти съ своего корабля, и когда въ началѣ Ноября приверженцы короля Августа разогнали ничтожную конфедерацію друзей Конти подъ Оливою, онъ оставилъ Данцигъ, захвативъ четыре корабля купеческіе, въ вознагражденіе издержекъ, какъ онъ говорилъ. Такое несправедливое дѣло лишило принца Конти остальныхъ друзей въ Польшѣ. Король Августъ короновался въ Краковѣ 18-го Сентября, и 12-го Января 1698 г. пріѣхалъ въ Варшаву. Примасъ, убѣжденный подарками, призналъ власть его и присягнулъ ему (Мая 23-го). Вдову Собіескаго и дѣтей его изгнали изъ Польши. Принцъ Іаковъ получилъ небольшое помѣстье отъ Императора въ Силезіи и хотѣлъ въ уединеніи кончить дни свои. Мать его удалилась во Францію и умерла въ городкѣ Блуа, забытая всѣми. Принцъ Конти не думалъ о Польшѣ среди роскоши и великолѣпія Двора Версальскаго. Толь-

ко Сапега еще не унимался, но онъ былъ не опасенъ, хотя принуждены были усмирять оружіемъ области Литовскія, имъ возмущаемыя. Исполняя обѣщаніе воевать противъ Турковъ, король Августъ осадилъ съ своими Саксонцами Каменецъ, но безуспѣшно, ибо Поляки не дали ему ни денегъ, ни войска, не слушали его, ссорились съ нимъ — доходило почти до битвы.

Царь усердно помогалъ Августу. Онъ просилъ Датскаго Короля не пропускать чрезъ Зундъ Французскихъ кораблей, на коихъ находился принцъ Конти; при личныхъ свиданіяхъ съ Курфирстомъ Бранденбургскимъ и Королемъ Англійскимъ убѣждалъ ихъ не допускать усиленія Франціи въ Европѣ избраніемъ принца Конти на Польскій престолъ, писалъ о томъ въ Швецію, угрожалъ Данцигу за пособіе Принцу Конти и допущеніе Французской эскадры въ Данцигскую гавань, и наконецъ велѣлъ князю М. Г. Ромодановскому двинуться съ войскомъ въ Литву по первому тре-

бованію короля Августа. Утвердясь на престолѣ, король Августъ писалъ Царю, что только пособіемъ Россіи упроченъ вѣнецъ на головѣ его. Въ доказательство благодарности и дружбы, извѣщая о переговорахъ Императора и Султана о мирѣ, при чемъ Императоръ и Венеція вовсе не думали о Польшѣ и Россіи, Августъ увѣрялъ, что не отдѣлитъ пользъ своихъ отъ пользъ Царя, и будетъ сражаться, еслибы Императоръ и отказался отъ общаго союза. Не думая воевать, Царь искалъ только мира съ Турціею, но мира выгоднаго, и потому сильно возражалъ онъ противъ несправедливости Императора, указывая на счастливыя дѣйствія войскъ своихъ, когда Императоръ говорилъ ему о недѣятельномъ пособіи со стороны Россіи. Дѣйствительно, Русскіе воеводы хорошо исполняли порученіе Царя. Въ Августѣ 1697 г. Кизи-Кермень и Таванъ выдержали жестокую осаду войска Турецкаго и Татарскаго, пока Долгорукій и Мазепа шли на помощь осажденнымъ. Турки бѣжали при ихъ приближе-

ніи. Казаки преслѣдовали Татаръ до Перекопи. Шеинъ разбилъ 80,000-е войско Татарское, подходившее къ Азову въ 1697 году, гналъ Татаръ за Кагальникъ, прошелъ на Кубань, раззорилъ тамъ Атшинскую крѣпость, и принудилъ окрестныхъ Черкесовъ и Татаръ признать власть Царя. Въ бытность свою въ Вѣнѣ, Царь убѣдилъ наконецъ Императора думать о пользахъ его союзниковъ при начавшихся дѣятельно мирныхъ переговорахъ съ Султаномъ.

Нетерпѣливо желалъ тогда Царь мира съ Турками, ибо къ прежнимъ разсчетамъ его о безполезности войны съ Султаномъ присоединилось еще новое, важное и неожиданное обстоятельство.

Карлъ XI-й, король Шведскій, умеръ въ Апрѣлѣ 1697 года. Мѣсто его заступилъ 15-ти лѣтній юноша, сынъ его, Карлъ XII-й, и Швеція казалась легкою добычею сосѣдей при его малолѣтствѣ. Правленіе Швеціи до совершеннолѣтія юнаго короля ввѣрено было старой королевѣ, бабкѣ его, вдовѣ Карла X.

Аристократы Шведскіе, оскорбленные Карломъ XI-мъ, отнявшихъ у нихъ помѣстья, волновались. Взятіе помѣстьевъ королемъ особенно возмущало Лифляндію и Эстляндію, ибо тѣмъ нарушались права помѣщиковъ сихъ областей, присоединенныхъ къ Швеціи отъ Польши по Оливскому трактату, въ 1660 году. Депутаты Лифляндіи и Эстляндіи явились въ Стокгольмъ еще при жизни Карла XI-го. «Хорошо,» сказалъ онъ, выслушавъ ихъ возраженія. «Вы правы, и говорите, какъ смѣлые и умные люди, но я не хочу слушать рѣчей вашихъ.» Депутаты осмѣлились упорствовали; ихъ бросили въ тюрьму. Одинъ изъ нихъ, *Іоаннъ Рейнгольдъ Паткуль*, успѣлъ убѣжать, явился къ королю Августу, просилъ его защиты, совѣтовалъ воевать, увѣрялъ, что Лифляндцы радостно встрѣтятъ своего прежняго властителя. Августъ колебался, не имѣя ни средствъ, ни повода начинать войну. Преслѣдуемый повсюду Шведскимъ правительствомъ, Паткуль наполнилъ воплями о

несправедливости Шведскаго Короля всю Европу, писалъ, печаталъ свои протесты, посѣтилъ Парижъ, Римъ, Лондонъ, всюду испрашивая пособія. Смерть Карла XI-го, казалось, могла осуществить надежды Паткуля, тѣмъ болѣе, что безпрерывно утѣсняемые Шведами, Лифляндцы явно возмущались.

Когда король Августъ думалъ о возвращеніи Ливоніи, Курфирстъ Бранденбургскій въ свою очередь полагалъ, что можетъ и имѣетъ право усилить себя завоеваніемъ Шведской Помераніи. Замыслы свои сообщилъ онъ Царю, въ бытность его въ Кенигсбергѣ. Оскорбленный поступками Шведовъ въ Ригѣ, соображая замыслы Польши и Бранденбурга и волненіе Лифляндіи, Царь увидѣлъ возможность, отнять у Шведовъ родовыя Русскія области, Ингерманландію и Карелію. Онѣ открывали ему путь къ Балтійскому морю, и какъ прежде мысль о Черномъ морѣ увлекла его отъ Архангельска, такъ мысль учредить портъ и верфь на берегахъ Балтійскихъ увлекла его отъ

Азова и Таганрога. Великія и несравненныя выгоды представляли здѣсь Россіи портъ и флотъ: Россія вступала въ составъ Европейскихъ государствъ, даже Европейскихъ морскихъ державъ, сближаясь Балтійскимъ моремъ съ Швеціею, Германіею, Даніею, Пруссіею. Рускимъ открывалась дорога въ средину Европы. Могла начаться морская торговля съ Голландіею и Англіею, уже не черезъ отдаленныя сѣверныя моря, но по старой Новгородской дорогѣ, столь извѣстной Ганзейцамъ въ древнѣйшія времена. Всѣ сіи обширныя предположенія волновали душу Царя, и осуществленіе ихъ тѣмъ болѣе казалось ему возможнымъ, что и Датскій Король предложилъ ему воевать Швецію въ союзѣ съ нимъ, Польшею и Пруссіею. Кромѣ древней, непримиримой народной ненависти, Данія имѣла особенныя причины на войну съ Шведами. Сіи причины составляло владѣніе герцогствомъ Голштейнскимъ, или Голштинскимъ. Когда на Датскій тронъ была возведена стар-

шая Голштинская линія, младшей предоставлено было владѣніе родовымъ наслѣдствомъ, но на условіяхъ самыхъ запутанныхъ, ибо Голштинія, составляя самобытное княжество, между тѣмъ принадлежала почти равно и Датскому королю и герцогу Голштинскому. Считаясь самобытнымъ государемъ, герцогъ Голштинскій обязывался не измѣнять уставовъ государственныхъ, не могъ ни заключать мира, ни объявлять войны безъ согласія Датскихъ королей. Безконечные споры были слѣдствіемъ такой сложной конституціи. Сосѣдніе государи пользовались правомъ вводить войско въ Голштинію и угрожать Даніи, будто бы защищая герцоговъ Голштинскихъ отъ притѣсненія Датчанъ. Старшая дочь Карла XI-го, Эдвига Элеонора, выдана была за Герцога Голштинскаго, и Король Шведскій утвердилъ независимость Голштиніи отъ власти Датскихъ королей Альтонскимъ договоромъ 1689 года. Въ исполненіи его поручились Герцогу Голштинскому Шве-

ція, Англія и Голландія. Старый король Датскій, Христіанъ III-й скрылъ безсильную досаду свою, но ссоры его съ зятемъ Шведскаго Короля, герцогомъ Фридрихомъ IV-мъ, вступившимъ на престолъ Голштинскій въ 1695 году, не прекращались и усиливались безпрерывно. Смерть Карла XI-го давала Даніи надежду, что Швеція не въ состояніи будетъ противиться, если король Датскій рѣшится разрушить Альтонскій договоръ, и даже присоединитъ Голштинію къ Даніи. Могла ли отважиться на войну Швеція при сильномъ флотѣ Датскомъ, хорошо устроенномъ войскѣ и союзѣ Россіи, Польши и Пруссіи? Заступленіе за Голштинію Англіи и Голландіи было весьма ненадежно. Царь почти не сомнѣвался въ успѣхѣ предполагаемой войны, когда король Августъ предложилъ ему немедленно воевать Швецію. Тайные переговоры съ Пруссіею, Даніею, Польшею начались еще въ Амстердамѣ. Въ Іюлѣ 1698 года уже заключенъ былъ договоръ съ Датскимъ Королемъ, нетерпѣли-

во желавшимъ начать войну, какъ можно скорѣе.

И тѣмъ прискорбнѣе было Царю, когда въ Вѣнѣ получилъ онъ извѣстія изъ Россіи, о коихъ мы упоминали. Въ то время, когда—властитель Россіи не жалѣлъ трудовъ, здоровья, самой жизни своей для блага подданныхъ, когда онъ обозрѣлъ, собралъ плоды Европейскаго просвѣщенія и хотѣлъ подѣлиться ими съ своимъ народомъ, когда открывалась ему новая блестящая будущность могущества и славы Русской земли, Россія не оцѣняла, отвергала благодѣянія своего Царя, колебалась волненіями, грозила спокойствію, вѣнцу—даже самой жизни Царя своего! Но, нѣтъ — Царь не могъ обвинять добраго Русскаго народа! *Народъ*, отъ простолюдина до вельможи, всѣ Русскіе люди повиновались ему, а возставало только чудовище, которое, казалось, было уже задавлено мощною рукою Царя, возставало мрачное невѣжество, и представителемъ его были *Стрѣльцы* — мятежная, буйная толпа

вооруженной сволочи, недостойной имени воиновъ, толпа, обагрявшая кровью стогны Москвы по волѣ Софіи, помогавшая ей исторгнуть власть изъ рукъ Царя, бунтовавшая потомъ противъ самой Софіи и ослабленная ею, но все еще служившая опорою злодѣйскихъ умысловъ Шакловитаго и Циклера! Разскажемъ событія, и они покажутъ намъ опасность послѣдняго, буйнаго покушенія мятежныхъ Стрѣльцовъ.

Мы упоминали объ изгнаніи Царемъ остатковъ Стрѣлецкаго войска изъ Москвы, удаленіи полковъ Стрѣлецкихъ въ Астрахань, Сибирь, Азовъ, Малороссію, Псковъ, и преобразованіи другихъ въ полки регулярные. Лишаясь своихъ льготъ, домовъ, имѣній, обращаемые въ рядовую воинскую службу, тяготясь строгою подчиненностью и безпрерывною воинскою обязанностью, вмѣсто прежней временной службы, Стрѣльцы дышали злобою, роптали, жаловались, были за то наказываемы, и когда узнали что Царь уѣхалъ изъ Россіи, и что от-

сутствіе его и слухи о предполагаемыхъ имъ нововведеніяхъ производятъ ропотъ и волненіе въ Москвѣ, они рѣшились воспользоваться случаемъ къ явному бунту. Въ самомъ дѣлѣ, не смотря на бдительность бояръ, управлявшихъ государствомъ, Москва тревожилась нелѣпыми слухами и толками. Одни говорили, что Царь умеръ за границею; другіе, что онъ принялъ тамъ Нѣмецкую вѣру, предположивъ разрушить православіе; что съ нимъ пріѣдутъ въ Россію проклятые Люторы, Папежи и Латины; что онъ ввелъ уже въ употребленіе табакъ и хочетъ брить бороды, вводить окаянныя дьявольскія потѣхи, казнить старыхъ бояръ, отнимать у старовѣровъ женъ и дѣтей. Полки Стрѣлецкіе, бывшіе съ княземъ Ромодановскимъ на Литовской границѣ, первые подняли знамя бунта.

Четыре полка, тамъ находившіеся, нагло отказались отъ повиновенія, прогнали своихъ начальниковъ, забрали пушки и оружіе, и рѣшились своевольно воротиться въ Москву. Слабый Ромодановскій не умѣлъ смирить, не

смѣлъ остановить бунтовщиковъ. Мятежники избрали изъ среды своей предводителей, и руководимые изувѣрными попами и раскольниками, выступили въ походъ. Они шли воинскимъ строемъ, забирали подводы и припасы, разсылали повсюду письма, приглашая всѣхъ православныхъ собираться въ Москву, низвергнуть бусурманское правленіе Царя, поддержать Церковь, и особенно обращались къ товарищамъ своимъ, припоминая имъ свои обиды и утѣсненія.

Правители государства ужаснулись, скрывали извѣстія о возмущеніи Стрѣльцовъ и походѣ ихъ, думали только о томъ, какъ удержать въ повиновеніи Москву, гдѣ начались сильныя волненія при слухѣ о Стрѣльцахъ, какъ ни таили донесенія, получаемыя отъ Ромодановскаго. Стрѣльцы шли смѣло и поспѣшно. Толпы ихъ умножались товарищами по городамъ и всякою сволочью. Уже близь Волоколамска стояли бунтовщики, когда князь Борисъ Алексѣевичъ Голицынъ превозмогъ

сомнѣнія другихъ бояръ въ совѣтѣ, и убѣдилъ ихъ послать противъ злодѣевъ войско, поручивъ его Шеину и Гордону, возвратившимся тогда изъ Азовскаго похода. Робко принялъ начальство Шеинъ. Іюня 15-го Гордонъ вывелъ на Ходынку 2000 Преображенскихъ и Семеновскихъ солдатъ. Шеинъ выступилъ съ пушками и 8000 сборнаго войска. Гордонъ убѣдилъ его не стоять подъ Москвою, идти на встрѣчу Стрѣльцовъ. Войско двинулось, и 17-го Іюня, близъ Воскресенскаго монастыря, на берегу рѣки Истры, увидѣли многочисленныя полчища Стрѣлецкія. Бунтовщиковъ было уже болѣе 20,000. Шеинъ началъ съ ними переговоры. Стрѣльцы возгордились, полагая, что царскіе воеводы робѣютъ. Начальники ихъ кричали, что все царское войско перейдетъ къ нимъ, и утромъ начали мятежники переправляться черезъ рѣку Истру подъ защитою пушекъ. Шеинъ выстроилъ свои полки, но все еще не смѣлъ начинать битвы. Гордонъ подъѣхалъ къ рядамъ бунтовщиковъ, хотѣлъ

говорить съ ними; они грозили стрѣлять въ него. Въ полкахъ Стрѣлецкихъ служили между тѣмъ молебенъ; изувѣрные попы кропили ряды злодѣевъ святою водою, заставляя ихъ присягать, что ни кто изъ нихъ не убоится страха смертнаго за вѣру и православіе, и Стрѣльцы яростно ринулись на полки Гордона. Онъ велѣлъ стрѣлять, но щадя несчастныхъ мятежниковъ, направлять выстрѣлы выше головъ ихъ. «Ребята! видите ли? Богъ хранитъ насъ отъ смерти! Ядра не берутъ насъ!» завопили Стрѣльцы и устремились отважнѣе въ бой. Тогда, видя упорство и ослѣпленіе злодѣевъ, Гордонъ велѣлъ стрѣлять картечью. Два залпа смѣшали ряды бунтовщиковъ. Робость овладѣла ими. Преображенцы ударили въ штыки. Стрѣльцы побѣжали, бросали оружіе, сдавались, молили о пощадѣ. Ихъ вязали и забирали въ плѣнъ. Бой между невѣжествомъ и образованіемъ, между суевѣріемъ и просвѣщеніемъ былъ рѣшенъ у стѣнъ знаменитой обители Никона, и—рѣшенъ навсегда.

Обезоруживъ злодѣевъ, по данному полномочію Шеинъ началъ допросъ и судъ. Столь же трусливые и униженные при неудачѣ, сколь буйные прежде, бунтовщики выдали главныхъ зачинщиковъ возмущенія, открыли всѣ свои замыслы и преступныя связи. Желая устрашить строгостью, Шеинъ казнилъ 165 человѣкъ, но онъ не смѣлъ продолжать суда, когда изъ допросовъ началъ открываться обширный объемъ заговора. Узнали, что царевна Софія возбуждала Стрѣльцовъ къ бунту изъ своей кельи; что даже супруга Петра, царица Евдокія участвовала въ заговорѣ, и Стрѣльцы готовы были возстать повсюду при удачѣ товарищей въ Москвѣ. Совѣтъ боярскій не смѣлъ ничего рѣшить. Писали къ Царю и звали его. Захваченныхъ Стрѣльцовъ разослали по ближнимъ къ Москвѣ городамъ и велѣли держать подъ стражею до царскаго указа.

«Другъ мой!» воскликнулъ Царь, въ гнѣвѣ обращаясь къ Лефорту, «поспѣшимъ въ Мос-

кву! Согрѣшу ли, если поклянусь именемъ Божіимъ, что не оставлю ни одного изъ злодѣевъ? Смерть всѣмъ!» Лефортъ успокоивалъ его. Еще изъ Амстердама, получивъ извѣстіе отъ Князя Кесаря о началѣ мятежа на Литовской границѣ, и что потомъ мятежъ сей былъ успокоенъ, Царь упрекалъ его, для чего не разыскалъ онъ строже причинъ и начала безпорядка. «Богъ тебѣ судья! Такъ ли приказывалъ я поступать, разставаясь съ тобою! «писалъ Царь. «Откуда на васъ такой бабій страхъ напалъ?»—«Ты увѣдомляешь,» писалъ онъ къ Ромодановскому изъ Вѣны, отъ 16-го Іюля, въ отвѣтъ на извѣстіе о походѣ Стрѣльцовъ, «что сѣмя Ивана Михайловича (Милославскаго) сильно растетъ. Будьте крѣпки– ничѣмъ болѣе не утушите сего огня. Я не замедлю, хотя очень жаль, что ради недостойныхъ злодѣевъ должно оставить дѣло полезное отечеству.»

Чего не могъ вообразить себѣ Царь, слыша о вооруженномъ возстаніи скопища злодѣевъ,

зная наглость и свирѣпость ихъ, робость бояръ и невѣжество народа! Іюля 19-го онъ выѣхалъ изъ Вѣны, оставивъ тамъ для переговоровъ о мирѣ посла Возницына. Лефортъ и Головинъ, оставя посольскую свиту и обозъ, поскакали съ Царемъ на почтовыхъ безъ отдыха. Царь хотѣлъ только мимоходомъ видѣться лично съ королемъ Августомъ, ожидавшимъ его близъ Варшавы. Іюля 24-го прибылъ онъ въ Краковъ. Здѣсь успокоило его извѣстіе изъ Москвы о разбитіи Стрѣльцовъ подъ Воскресенскимъ монастыремъ. Обрадованный тѣмъ, что зло остановлено въ самомъ началѣ, Царь предоставилъ себѣ разыскать и искоренить причины его, и уже свободно продолжалъ путь, хотѣлъ было даже возвратиться въ Вѣну и ѣхать въ Италію, но извѣстія изъ Москвы снова встревожили его, когда изслѣдованія показали обширность заговора. Бунтъ могъ вспыхнуть въ другихъ мѣстахъ. Царь рѣшился оставить до другаго времени намѣреніе посѣтить Италію. Подробно осмотрѣлъ онъ дре-

нюю столицу королей Польскихъ, и отправился въ Величку, славную своими соляными копями. Въ тамошнихъ изумительныхъ подземельяхъ, гдѣ вырублены изъ соляныхъ слоевъ домы и церкви, гдѣ по подземному озеру, въ глубинѣ 150 саженъ, плаваютъ лодки, и гдѣ живетъ цѣлое народонаселеніе, Царь ночевалъ, очарованный величіемъ чудесъ природы. Для него освѣтили всѣ подземелья факелами, огонь коихъ, отражаясь на соляныхъ кристаллахъ, представлялъ рудникъ волшебнымъ замкомъ какихъ нибудь подземныхъ гномовъ. Въ мѣстечкѣ Бахніи Царь осмотрѣлъ нѣсколько полковъ Саксонскихъ, и въ Равѣ подъ Варшавою съѣхался съ королемъ Августомъ.

Три дня проведено было здѣсь въ пирахъ, смотрѣ войскъ, и особенно въ переговорахъ. Паткуль былъ тайнымъ участникомъ ихъ, Паткуль пылавшій злобою противъ Шведовъ, и въ Равѣ положено было тогда между Августомъ и Петромъ, едва кончится война съ Турціею, объявить войну Швеціи. Петръ хотѣлъ

отнять Ингерманландію, Августъ Лифляндію. Карловичъ, посолъ короля Августа, и при немъ тайно Паткуль, котораго особенно полюбилъ Царь, отправились въ Москву. Тамъ въ Ноябрѣ подписали они окончательный договоръ между Россіею и Польшею о немедленной войнѣ съ Шведами.

Царь остановился Августа 5-го въ Замостьи, у княгини Замойской, и Августа 8-го подъ Брестомъ, въ замкѣ гетманши Синявской. Онъ хотѣлъ обласкать гордыхъ пановъ Польскихъ, не жалѣлъ имъ подарковъ, дружески пировалъ съ ними, и оставилъ ихъ восхищенными его умомъ, веселостью и щедростью. Августа 19-го переѣхали границу Русскую, и Царь, съ Лефортомъ, Головинымъ и Карловичемъ, выпили заздравную чашу, стоя на межѣ Русской. Почти черезъ полтора года со времени отъѣзда своего изъ Москвы, онъ опять былъ въ Россіи, обогащенный опытами, наблюденіями, волнуемый обширными думами, готовый на великія предпріятія. Ав-

густа 20-го Царь прибылъ въ Смоленскъ, осмотрѣлъ крѣпость Смоленскую и спѣшилъ въ Москву. Августа 25-го обѣдалъ онъ въ Вяземѣ у князя Бориса Алексѣевича Голицына. Въ помѣстьи Нарышкина Филяхъ ждали его бояре. Вечеромъ Царь скрытно былъ въ Кремлѣ и отправился ночевать въ Преображенское. Долго разговаривалъ онъ тамъ наединѣ съ Гордономъ. На другой день звонъ колоколовъ и пушечная пальба извѣстили Москву о прибытіи Царя.

Опишемъ ли громаду впечатлѣній, наблюденій, понятій, мыслей, предположеній, какія тѣснились тогда въ его душѣ, или разговоры его съ своими вѣрными товарищами, передачу имъ мыслей, требованіе отъ нихъ отчетовъ въ исполненіи начатаго имъ? Нѣтъ! можемъ воображать, но исторія не передала намъ подробностей. Замѣнять ихъ вымышленными описаніями, значило бы уничтожать ея достоинство. И для чего? Дѣла говорятъ лучше словъ.

РАЗСКАЗЪ ШЕСТОЙ.

ИСТРЕБЛЕНІЕ СТРѢЛЬЦОВЪ. ПРЕОБРАЗОВАНІЯ. МИРЪ СЪ ТУРЦІЕЮ И ВОЙНА СЪ ШВЕЦІЕЮ.

1698—1700 г.

Начало славныхъ дѣлъ Петра
Мрачили мятежи и казни,
Но правдой онъ привлекъ сердца,
Но просвѣтилъ умы наукой,
И былъ отъ буйнаго стрѣльца
Предъ нимъ отличенъ Долгорукой.

Пушкинъ.

Недовольный слабыми и робкими распоряженіями совѣта бояръ, управлявшаго государствомъ въ его отсутствіе, Царь изъявилъ имъ гнѣвъ и негодованіе. Не предупредить возстанія Стрѣльцовъ, допустить ихъ дойдти до столицы, и тогда еще сомнѣваться и недоумѣвать, должно ли употребить противъ нихъ оружіе. Потомъ начать изслѣдованіе, видѣть, что не мгновенная, слѣпая ярость руководила бунтовщиковъ, но закоснѣлая злоба созрѣла въ обширномъ заговорѣ, нашедшемъ участниковъ во многихъ мѣстахъ, видѣть, и поспѣшить казнью главныхъ злодѣевъ, оставя изслѣдованіе, ждать Царя и самимъ раздѣлять сомнѣ-

*

ніе о продолжительности его отсутствія — что могли произвесть подобныя мѣры и чего могъ ожидать Царь отъ своихъ бояръ въ случаѣ тяжкой болѣзни, или смерти своей?

Двѣ отличительныя черты ознаменовали дѣйствія Царя по возвращеніи его въ Россію: твердая, рѣшительная воля на преобразованія, и быстрота, съ какою слѣдовали одно за другимъ его новые уставы и распоряженія. Онъ не внималъ уже ни чьимъ противорѣчіямъ, требовалъ *исполненія* воли своей, и не щадилъ ни предразсудковъ, ни суевѣрій, равно подвергая приказу своему знатнѣйшихъ бояръ и грубыхъ простолюдиновъ. Драгоцѣнная народумамъ борода мгновенно исчезла подъ ножницами и бритвою, и долгополые кафтаны смѣнились Европейскою одеждою, когда въ то же время въ обширномъ размѣрѣ набиралось регулярное войско и десятками строились корабли. Въ одной сторонѣ рыли каналы, въ другой воздвигали крѣпости; при Дворѣ открывались балы и танцы, и самое лѣтосчисленіе было из-

мѣнено, сообразно Европейскому. И все являлось мѣсяцами, недѣлями, днями. Петръ спѣшилъ — ему надобно было спѣшить, ибо работѣ и труду его конца не было видно, а между тѣмъ, заключая союзы съ Европейскими Государями, уже готовился онъ начать войну съ непріятелемъ могущимъ.

Строгія изслѣдованія о Стрѣлецкомъ бунтѣ начались по пріѣздѣ Царя. Всѣ оставшіеся отъ приходившихъ подъ Москву Стрѣльцовъ привезены были изъ городовъ въ столицу. Упорство злодѣевъ открыть подробности заговора и бунта, запирательство, противорѣчіе, ложь ихъ и ожесточеніе, принудили Царя употребить жестокія истязанія. Съ пытки и съ очныхъ ставокъ выведены были наконецъ безспорныя свидѣтельства, что Софія не только знала о мятежѣ, но возбуждала его своими письмами; что супруга Царя, царица Евдокія соглашалась съ нею, и что объ немъ вѣдали царевны Мароа и Марія. Стрѣльцы хотѣли возвести на престолъ Софію, умерт-

вить Нѣмцовъ и бояръ, вѣрныхъ Царю, а особенно злобились на Потѣшныхъ, заступившихъ въ Москвѣ ихъ мѣсто. Они хотѣли вызвать изъ ссылки князя В. В. Голицына, и если Царь не умеръ за границею, то ждать его на дорогѣ и умертвить, а въ случаѣ несогласія съ ними Московскихъ жителей, зажечь столицу и принудить Москвичей соединиться противъ Царя. Стрѣлецкіе полки, бывшіе въ разныхъ мѣстахъ Россіи, соглашались подкрѣпить ихъ, и только ждали, чѣмъ кончится дѣло на Москвѣ. Судъ приговорилъ *всѣхъ Стрѣльцовъ*, захваченныхъ въ бунтѣ, казнить смертью. Царь подтвердилъ приговоръ, раздражаемый нераскаянностью злодѣевъ. Умирая въ пыткахъ, идя на плаху и на висѣлицу, они изрыгали богохуленія, произносили ругательства на Царя. Онъ не хотѣлъ пощадить даже и Софіи. Тщетно старались убѣдить его на милосердіе. Патріархъ, съ иконою Богоматери въ рукахъ, сопровождаемый духовенствомъ, явился въ Преображенское, говоря: «Государь! Богома-

терь пришла къ тебѣ просить помилованія преступникамъ!» — «Зачѣмъ пришелъ ты сюда съ святою иконою?» воскликнулъ раздраженный Царь. «Я боюсь Бога и чту святую матерь его, но исполненіе долга моего требуетъ казни злодѣямъ, и Богъ накажетъ меня, если я не исполню моей обязанности! Иди — поставь на мѣсто святый образъ и не дерзай противиться неумолимому правосудію!» — Весь Октябрь происходили судъ, приговоры и казни на Преображенскомъ полѣ. Осужденныхъ возили туда на тѣлегахъ, въ саванахъ, съ зажженными въ рукахъ свѣчами. Приговоръ каждаго преступника громогласно былъ объявляемъ народу. Все безмолствовало передъ грознымъ Царемъ. Но голосъ *одного* былъ еще доступенъ сердцу Петра — голосъ друга его Лефорта. Не смотря на ненависть, какую особенно изъявляли противъ сего любимца царскаго всѣ Стрѣльцы, назначая его первою жертвою своей свирѣпости, онъ сдѣлался ихъ ходатаемъ, представилъ Царю, что долгъ госу-

дарей преслѣдовать преступленіе, но не ожесточать казнью преступниковъ, оспорилъ всѣ возраженія разгнѣваннаго монарха и Царь убѣдился его словами. Онъ изрекъ *помилованіе* бунтовщикамъ и прекратилъ казни. Осужденныхъ на казнь мучительную но еще не казненныхъ, сослали въ Сибирь, послѣ тѣлеснаго наказанія. Въ Февралѣ 1699 года, когда привезены были въ Москву обвиненные въ злоумышленіи Стрѣльцы изъ отдаленныхъ городовъ, судъ и казнь возобновились, но продолжались краткое время, и казнены были только самые закоснѣлые злодѣи.

Событія печальныя — къ несчастію, дошедшія до потомства въ ложныхъ, нелѣпыхъ разсказахъ иностранцовъ, и въ клеветахъ людей, повторявшихъ преувеличенные разсказы. Многіе утверждали, что десятки тысячь Стрѣльцовъ были казнены; что всѣ стѣны Кремлевскія были увѣшаны головами Стрѣльцовъ, и будто бы даже – клевета отвратительная — самъ Царь рубилъ Стрѣльцамъ головы, хва-

лясь своею силою и своимъ удальствомъ! Справедливо, что Петръ въ началѣ не хотѣлъ ни кого миловать, и что казни и пытки многихъ Стрѣльцовъ были безпощадны, но вспомнимъ духъ вѣка и страшное преступленіе злодѣевъ, требовавшее примѣра строгости. Число казненныхъ стрѣльцовъ нелѣпо увеличено: по всѣмъ соображеніямъ можно полагать, что ихъ казнено было тогда около *тысячи*. Замѣтимъ еще, что современники не думали осуждать Царя за жестокость наказаній; что въ самыхъ просвѣщенныхъ государствахъ, Англіи, Франціи, Германіи, казни были тогда безпощадны и свирѣпы, а пытки считались необходимымъ средствомъ узнанія истины. Не оправдаемъ ли вполнѣ грознаго Царя, если вспомнимъ, какое гибельное зло долженъ былъ онъ предупредить, и что могло быть при успѣхѣ Стрѣльцовъ, когда въ ихъ преступленіи участвовали даже сестры и супруга Царя? Увидимъ въ послѣдствіи, что и строгость наказаній не истребила окончательно корней

зла; что скрываясь въ тайнѣ отъ прозорливости Царя, оно погубило потомъ сына его, переданное ему, какъ тлетворная зараза, и что даже въ то время, когда въ Москвѣ падали на плахѣ головы бунтовщиковъ, злодѣи уже составляли заговоры въ другихъ мѣстахъ, и еще долго потомъ тревожили, смущали великаго среди его подвиговъ, пользуясь каждымъ случаемъ, каждою возможностью возставать противъ святой воли мудраго помазанника Божія. «Какъ врачи въ антоновомъ огнѣ и другихъ великихъ болѣзняхъ,» говоритъ одинъ изъ современниковъ Петра, самовидѣцъ казни бунтовщиковъ, «употребляютъ жестокія средства, огонь и желѣзо, для сохраненія здоровыхъ частей тѣла, какъ мореплаватель бросаетъ въ море часть своего нагруженія, дабы избѣжать кораблекрушенія, такъ судія и царь для минованія государственнаго опроверженія долженъ давать въ злобныхъ бунтахъ образцы и приклады казни, дабы смотря на нихъ народы въ покорности содержались.»

Дополнимъ нѣкоторыми подробностями судъ надъ Стрѣльцами, и поспѣшимъ опустить завѣсу надъ грустнымъ событіемъ, омрачившимъ свѣтлое надеждами возвращеніе Царя въ отечество.

Изрекая помилованіе Стрѣльцамъ, Царь отвергъ мысль и о наказаніи Софіи. Онъ оставилъ ее по прежнему въ Новодѣвичьемъ Московскомъ монастырѣ, хотѣлъ только видѣть ее, хотѣлъ, можетъ быть, упреками пробудить въ ней уснувшую совѣсть, и — простить ее. Лефортъ, опасаясь слѣдствій свиданія, сопровождалъ Царя. Софія не думала купить милости смиреніемъ. Она отвѣчала оправданіями, упреками и слезами на слова брата, и до того разгнѣвала его, что онъ схватился за мечъ свой. «Государь!» воскликнулъ Лефортъ, удерживая его — «вспомни, что она сестра твоя!» — Поспѣшно оставилъ Царь келью Софіи. «Какъ она умна и какое у нея злое сердце!» сказалъ онъ Лефорту, въ задумчивости остановясь у воротъ монастырскихъ. Слезы невольно по-

текли изъ глазъ его. Но отнимая у Софіи средства вредить въ послѣдствіи, Царь требовалъ, чтобы она отреклась отъ міра, приняла санъ монашескій, и 21-го Октября 1698 года, Софія надѣла покрывало инокини, нареченная именемъ *Сусанны*. Нѣсколько висѣлицъ поставлено было передъ окнами жилища ея, и преступникамъ, на нихъ повѣшеннымъ, вложены были въ руки просьбы, которыя хотѣли они подать Софіи о принятіи престола. — Царь не хотѣлъ видѣть недостойной супруги своей, разторгъ съ нею бракъ свой, и властью своею, какъ Царь, опредѣлилъ ей заточеніе въ монастырѣ. Евдокія была отослана въ Суздальскій Покровскій монастырь, пострижена тамъ и приняла въ монашествѣ имя *Елены*. — Царевна Марѳа Алексѣевна, смиряя гнѣвъ брата раскаяніемъ, добровольно удалилась въ монастырскую обитель, приняла монашескій чинъ, и скончалась въ 1707 году, подъ именемъ старицы *Маргариты*. За три года до ея смерти умерла Софія, принявши схиму въ тяжкой болѣзни передъ

кончиною. Одинокая гробница ея, урокъ честолюбію, поученіе о суетѣ и превратности міра, находится въ той обители, гдѣ провела она пятнадцать послѣднихъ лѣтъ своей жизни. — Трупы всѣхъ казненныхъ Стрѣльцовъ погребены были внѣ Москвы по дорогамъ. Надъ ихъ могилами воздвигнуты были каменные столбы, съ чугунными досками, на коихъ въ надписяхъ изображены были преступленія бунтовщиковъ и постигшая за то праведная казнь. Всѣ Стрѣлецкіе полки велѣно повсюду уничтожить. Люди изъ нихъ поступили въ новые полки и разверстаны по гарнизонамъ. Самое *имя* Стрѣльцовъ было навсегда истреблено. Князь М. Г. Ромодановскій, допустившій своею оплошностью возстаніе Стрѣлецкихъ скопищъ, былъ сосланъ въ его помѣстья. Стрѣльцы, находившіеся въ Азовѣ, воспротивились уничтоженію ихъ полковъ. Но безсильные противостать волѣ царской, они смирились послѣ наказанія главныхъ зачинщи-

ковъ смятенія, и не противорѣчили приказу царскому.

Едва дѣло Стрѣльцовъ было кончено, осенью 1698 года, Царь спѣшилъ осмотрѣть Воронежскую верфь, гдѣ нашелъ строеніе кораблей въ надлежащемъ порядкѣ. Грозныя морскія силы готовы были двинуться отсюда по Дону. Соединеніе Дона съ Волгою напротивъ оказались неудачнымъ. Каналъ начинали рыть тамъ, гдѣ рѣки Иловля и Камышенка, одна впадая въ Донъ, другая въ Волгу, сходятся вершинами. Царю представляли о невозможности исполненія плана, но не вѣря искусству прежняго инженера, онъ отправилъ туда прибывшаго изъ Англіи инженера Перри, и самъ посѣтилъ изъ Воронежа Азовъ, гдѣ былъ весьма недоволенъ крѣпостными строеніями. Онъ смѣнилъ управлявшаго работами инженера Лаваля. Посѣтивъ Таганрогъ, онъ велѣлъ садить въ окрестностяхъ его дубовые жолуди и разводить лѣса, а на обратномъ пу-

ти осмотрѣлъ войско, собиравшееся, противъ Татаръ въ Бѣлгородѣ.

Возобновленіе суда надъ Стрѣльцами задержало Царя въ Москвѣ въ началѣ 1699 года. Его тревожила также опасная болѣзнь Лефорта. Уже давно, изнуренное трудами и ранами, здоровье сего единственнаго друга царскаго, безпокоило Царя, тѣмъ болѣе, что Лефортъ не перемѣнялъ образа жизни, не хотѣлъ ни отдохнуть отъ дѣлъ, ни быть умѣреннѣе въ наслажденіяхъ жизнью. Послѣдній часъ его близился.

Между тѣмъ съ 15 Сентября 1698 года начались переговоры союзниковъ о мирѣ съ Турками, и въ первый разъ среди другихъ Европейскихъ дипломатовъ явился здѣсь представитель Россіи *Возницынъ*, уполномоченный Царемъ. Онъ не уронилъ достоинства Россіи на конгрессѣ, гдѣ рѣшались запутанные политическіе вопросы. Переговоры происходили въ мѣстечкѣ Карловицѣ близь Петервардейна. Тутъ были послы Императора, Султана, Поль-

ши, Венеціи, Россіи, и посредники между ними, послы Англійскій и Голландскій. Споры шли жаркіе и продолжительные. Каждый изъ союзниковъ радъ былъ кончить продолжительную 14-ти лѣтнюю войну, но никто не думалъ уступать. Наконецъ заключено было въ Декабрѣ 1698 года перемиріе на два года, съ предоставленіемъ каждому изъ договарившихся государствъ говорить отдѣльно о мирѣ болѣе прочномъ. Турція уступала союзникамъ на время всѣ ихъ завоеванія, отказывалась отъ Венгріи, отъ Каменца, отдавала Венеціянамъ Морею, Россіи Азовъ. Царь требовалъ еще Керчи, желая имѣть въ рукахъ своихъ ключъ къ Азовскому морю и мѣсто пріюта въ Крыму, но всѣ старанія посла его были тщетны. Союзники худо подкрѣпляли требованія Царя, и онъ отказался отъ обладанія Керчью, даже согласился отдать Туркамъ крѣпости на Днѣпрѣ, Кизи-Кермень и Таванъ, обладаніе коими требовало издержекъ и не приносило пользы, если Россія не могла при-

томъ владѣть устьемъ Днѣпра. Надобно было уступать. И безъ того никогда еще Турція не была унижена въ такой степени. Царь торжествовалъ перемиріе Карловицкое пирами и весельями при Дворѣ. Января 6-го, въ день Богоявленія, видѣли его командующимъ войсками на льду Москвы рѣки. Онъ долженъ былъ послѣ сего поспѣшать въ Воронежъ, куда отправился 22-го Февраля 1699 года.

Горестно прощался онъ съ Лефортомъ, предчувствуя, что уже не увидится съ нимъ болѣе. Составленіе сильнаго корпуса войскъ въ Бѣлгородѣ, ибо затрудненіе въ окончательномъ и прочномъ мирѣ съ Турціею принуждало Царя показать Султану готовность свою воевать, и сооруженіе флота въ Воронежѣ, коимъ хотѣлъ онъ подкрѣпить переговоры и обезопасить завоеванія, требовали его личнаго присутствія вблизи тѣхъ мѣстъ, гдѣ готовились флотъ и войско. Съ нимъ отправились Преображенскій, Семеновскій и Бутырскій полки, и поѣхали Прусскій, прибывшій тогда въ Мо-

скву посланникъ, и посланникъ Польскій Карловичъ. Управленіе Москвою оставлено было князю Михаилу Черкаскому, нѣкогда столь смѣло защищавшему Матвѣева отъ рукъ Стрѣльцовъ.

Царь велѣлъ ежедневно увѣдомлять себя о здоровьи Лефорта, и вскорѣ печальная вѣсть подтвердила ему грустное предчувствіе — Лефортъ скончался Марта 12-го 1699 года. Онъ сохранилъ веселость и присутствіе духа до конца жизни. Чувствуя приближеніе послѣдней минуты, онъ велѣлъ играть тихую мелодію и читать въ слухъ оду Горація къ Делію (Aequam memento rebus in arduis), гдѣ безпечный поэтъ-философъ велитъ наслаждаться жизнью, вспоминаетъ о смерти, и шутя говоритъ.

Пусть смерть зайдетъ къ намъ ненарокомъ,
Какъ добрый, но нежданный другъ!

«Я потерялъ лучшаго друга моего, когда онъ мнѣ всего болѣе былъ надобенъ!» воскликнулъ Царь, заливаясь слезами. Немедленно от-

правился онъ въ столицу, и 21-го Марта Москва увидѣла торжественныя похороны *перваго Рускаго адмирала*, отправленныя по Европейски. Траурныя кареты, Царь, иностранные послы, бояре и войско въ траурѣ, печальная музыка во время шествія, пушечная пальба при опущеніи гроба въ могилу, изумляли Москвитянъ. Царь рыдалъ неутѣшно, велѣлъ еще разъ открыть гробъ друга своего на могилѣ, и еще разъ простился съ нимъ до свиданія въ другомъ лучшемъ мірѣ. Многіе изъ бояръ не могли скрыть своей радости, видя смерть любимца царскаго. «Неблагодарные!» говорилъ имъ оскорбленный ими Царь, «если вы не цѣните заслугъ его Россіи, оцѣните хоть слезы мои!» Потомство повторитъ слова Петра Великаго. Заслуги друга его Лефорта всегда будутъ въ памяти Рускихъ. Лефортъ умеръ 45-ти лѣтъ. Не смотря на богатства, коихъ не жалѣлъ жаловать ему Царь, у Лефорта почти ничего не осталось. При разгульной жизни, онъ дѣлился добромъ своимъ съ кѣмъ только могъ,

и не жалѣлъ траты на дѣла полезныя для чести Россіи и славы Царя ея. Во всю жизнь свою Петръ не забывалъ Лефорта. Черезъ пять лѣтъ послѣ смерти друга своего писалъ онъ къ Головину: «Въ первый разъ сегодня былъ я такъ веселъ послѣ кончины Лефортовой.» Онъ вызвалъ сына Лефортова изъ Женевы, гдѣ онъ воспитывался, и записалъ его въ свою роту поручикомъ. Юноша подавалъ большія надежды, но къ прискорбію Царя, скончался въ 1702 году, на 18-мъ году отъ рожденія. Съ нимъ пресѣкся родъ Лефорта. Двое племянниковъ адмирала отличались заслугами и достигли высшихъ чиновъ въ Русской службѣ. Замѣчательно, что намъ неизвѣстна нынѣ *могила Лефорта*. Знаемъ, что онъ былъ похороненъ на кладбищѣ Лютеранской церкви, въ Московской Нѣмецкой слободѣ, но при перенесеніи старой церкви на другое мѣсто, прежнее мѣсто ея было продано, занято строеніями, и всѣ надгробные памятники исчезли подъ рукою невнимательнаго невѣжества современ-

никовъ! Знаемъ, что Царь велѣлъ положить на могилѣ Лефорта мраморную доску, и въ надписи на ней сказано было, что Лефортъ «на опасной высотѣ счастія стоялъ неколебимо, былъ Зопиръ въ отечествѣ и Цинеасъ внѣ его, покровитель наукъ, Меценатъ ученыхъ, другъ своего государя, любимый имъ, какъ Эфестіонъ Александромъ. Все чему онъ научилъ Россію своею жизнью, трудомъ и мужествомъ, будетъ незабвенно. «Остерегись прохожій»—заключала надпись—«не попирай ногами сего камня: онъ омоченъ слезами Великаго Монарха!»... Гдѣ нынѣ сей драгоцѣнный камень?

Немедленно послѣ отданія послѣдней чести Лефорту, Царь уѣхалъ въ Воронежъ, куда слѣдовали за нимъ бояре и многіе чиновники. «Трудимся по слову Божію къ Адаму и снѣдаемъ хлѣбъ въ потѣ лица,» писалъ оттуда Царь Патріарху. Онъ заложилъ тогда въ Воронежѣ огромный корабль, названный имъ *Предопредѣленіе*, и работалъ надъ нимъ самъ,

управляя всѣми другими работами. Въ Воронежѣ бесѣда съ святымъ архипастыремъ, епископомъ Митрофаномъ, услаждала часы досуга царскаго. Благочестивый Митрофанъ душею преданъ былъ Царю, постигалъ мудрость дѣлъ его, жертвовалъ ему деньгами, какія получалъ по своему сану, живя самъ, какъ инокъ и постникъ. Разскажемъ здѣсь случай, показавшій благочестіе и смиреніе пастыря и великодушіе Царя, истреблявшаго суевѣріе и изувѣрство, но умѣвщаго награждать ревность истинной вѣры и сердечнаго благочестія. Св. Митрофанъ былъ позванъ однажды къ Царю и пріѣхалъ къ нему, но увидя при входѣ въ царскій дворецъ статуи миѳологическихъ боговъ, поставленныя для украшенія, воротился домой. Изумленный Царь послалъ спросить о причинѣ его внезапнаго удаленія. «Не войду въ домъ, гдѣ находятся истуканы языческіе! Пусть Государь велитъ сперва уничтожить ихъ!» отвѣчелъ благочестивый епископъ. Царь разгнѣвался, велѣлъ сказать ему, что его непослу-

шаніе накажетъ онъ смертью. «Да будетъ воля Царя!» отвѣчалъ епископъ, приказалъ благовѣстить, отслужилъ всенощную, причастился Св. Тайнъ и готовился на кончину. Царь, изумленный доблестію праведника, велѣлъ снять статуи, призвалъ къ себѣ святителя, просилъ у него прощенія въ необдуманномъ гнѣвѣ и еще болѣе началъ съ тѣхъ поръ уважать его. Св. Митрофанъ скончался въ 1703 году. Бывши тогда въ Воронежѣ, Царь присутствовалъ при его погребеніи, несъ гробъ его самъ, вмѣстѣ съ другими, и почтилъ память его слезами, говоря: «Не осталось уже у меня болѣе святителей столь благочестивыхъ и столь праведныхъ!» Мощи св. Митрофана, обрѣтенныя нетлѣнными черезъ 130 лѣтъ, просіяли чудесами въ благополучное царствованіе Великаго Потомка и Наслѣдника престола и дѣлъ Петровыхъ.

Желая скорѣе кончить споры съ Султаномъ и обезпечить себя прочнымъ миромъ, Царь назначилъ въ Царьградъ посла, думнаго дьяка

Украинцова. Онъ долженъ былъ обнадежить Султана въ миролюбивомъ расположеніи Царя и заключить съ Турціею окончательный трактатъ. Въ концѣ Іюля Царь былъ въ Азовѣ, куда пришли тогда по Дону новопостроенныя суда. Флотъ царскій, состоявшій изъ 10-ти кораблей и многихъ фрегатовъ, галеръ и мѣлкихъ судовъ, нѣсколько дней производилъ морскіе маневры на Азовскомъ морѣ, и потомъ проводилъ до Керченскаго пролива сорока-пушечный фрегатъ *Ластку*, гдѣ находился посолъ Украинцовъ, съ большою свитою и съ 200 солдатъ Преображенскихъ. Турецкій Паша, начальствовавшій у Керчи флотомъ Турецкимъ, съ почестью встрѣтилъ Царя и отрядилъ четыре корабля провожать Ластку до Царьграда. Съ громомъ пушечныхъ выстрѣловъ приблизился тогда въ *первый разъ Русскій корабль* къ стѣнамъ бывшей столицы Греческихъ императоровъ, черезъ семь столѣтій послѣ того времени, когда имя Руссовъ заставляло здѣсь тре-

печать императоровъ Византійскихъ въ ихъ золотомъ Вукалеонѣ.

Въ Азовъ пріѣхалъ къ Царю Возницынъ, возвратившійся въ Россію послѣ Карловицкаго конгресса и вызванный имъ для переговоровъ изъ Москвы. Царь прибылъ потомъ въ Москву уже 25-го Сентября.

Здѣсь, въ Декабрѣ 1699 года, опечалила его новая потеря: скончался товарищъ Лефорта *Гордонъ*, посвятивъ Русской службѣ около сорока лѣтъ, проведенныхъ въ безпрерывныхъ походахъ и трудахъ. Царь провожалъ гробъ Гордона до могилы. Приписывая ему славу взятія Азова и разбитія Стрѣльцовъ подъ Воскресенскимъ монастыремъ, Царь горестно произнесъ на могилѣ его, бросая землю на его гробъ. «Онъ подарилъ меня обширною областью и спасъ мое царство, а я награждаю его только горстью земли!» Гордонъ былъ *не Лефортъ* — угрюмый, своенравный, Англичанинъ въ душѣ, хотя прожилъ весь вѣкъ въ Россіи, но его умъ, честность, храбрость, опытность въ

военной наукѣ, уроки и наставленія Царю въ юности, усердіе до конца жизни, стоятъ нашего благодарнаго вспоминанія. И Гордонова могила также неизвѣстна намъ, вѣроятно, замѣшанная среди другихъ могилъ на Московскомъ Католическомъ кладбищѣ. Старшій сынъ Гордона еще при жизни отца уѣхалъ въ Шотландію. Двое другихъ сыновей служили въ Россіи.

Лефорта и Гордона недолго пережилъ сотрудникъ ихъ въ Азовскихъ походахъ, воевода *А. С. Шеинъ*. Онъ умеръ въ 1700 году (Февраля 12-го). «Не дивитесь,» сказано на надгробномъ памятникѣ его въ Троицко-Сергіевой лаврѣ, «не дивитесь, если видите мертвымъ сильнаго воеводу: и великіе вожди *Карталинскіе, Эней и Аннибалъ*, уснули сномъ смертнымъ, но они сѣдятъ въ сѣни смертной, а сей безсмертенъ православіемъ!» Впрочемъ, открытіе разныхъ злоупотребленій по службѣ и робость при походѣ на Стрѣльцовъ, ли-

шили въ послѣдніе годы Шеина довѣренности и дружбы Царя.

Въ утратѣ прежнихъ товарищей труда могло утѣшить Царя прибытіе Б. П. Шереметева. Въ Февралѣ 1699 года возвратился Шереметевъ въ Москву, объѣхавъ Италію, посѣтивши Мальту, гдѣ выходилъ онъ въ море на корабляхъ Мальтійскихъ рыцарей. Принятой въ Вѣнѣ, Венеціи, Флоренціи, Римѣ и Неаполѣ съ великою почестью, Шереметевъ предсталъ передъ Царя обритый, во Французскомъ кафтанѣ, съ Мальтійскимъ крестомъ на груди. Царь разцѣловалъ его при первомъ свиданіи. Шереметевъ навсегда остался другомъ его и близкою довѣренною особою, переименованный изъ бояръ въ генералы.

Не смотря на тревоги, причиняемыя судомъ Стрѣльцовъ, скорби семейныя, потерю добрыхъ помощниковъ, двукратныя путешествія въ Воронежъ и Азовъ, маневры на Азовскомъ морѣ, заботы о мирѣ съ Турціею, переговоры о войнѣ противъ Шведовъ съ Пруссіею,

Польшею и Даніею, Царь началъ преобразованія, и первымъ изъ нихъ по пріѣздѣ былъ указъ *брить бороды* и не носить долгополаго стариннаго платья. Спутники его за границу, начиная съ пословъ Головина и Возницына, явились въ Москву уже всѣ одѣтые по иностранному и безъ бородъ. Кромѣ крестьянъ и духовенства, военные и гражданскіе чиновники, купцы, посадскіе, всѣ должны были слѣдовать примѣру ихъ. Большая пеня, преслѣдованіе судомъ, стриженіе бородъ и обрѣзываніе долгополаго платья на улицахъ чрезъ особыхъ приставовъ, угрожали каждому непослушному. Платье въ замѣну Русскихъ кафтановъ сначала назначено было Венгерское, а потомъ, по выбору каждаго, Нѣмецкое или Французское. Всѣ женщины должны были одѣваться по Нѣмецки. Пресѣкая роскошь, Царь подалъ тому первый примѣръ: отмѣнилъ множество расходовъ по своему Двору, и уничтожилъ толпу безполезныхъ царедворцовъ, обративъ ихъ въ военную службу и посылая учить-

ся за границу. Можно судить о важности сего преобразованія потому, что изъ денежнаго отпуска на содержаніе собственнаго Двора и Дворовъ царевича Алексѣя, тетки, сестеръ, невѣстокъ и племянницъ, и до отъѣзда царскаго за границу ограниченнаго уже 55,000-ми рублей, Царь убавилъ еще 20,000, приказавъ отпускать *только 35,000 рублей*. Изгоняя роскошь дворскую, обращая все что прежде шло на Казенный, Конюшенный, Житенный, Хлѣбный, Кормовой, Сытенной дворы, въ государственный расходъ, Царь уничтожилъ по пріѣздѣ своемъ въ Россію цѣлые полки царскихъ стремянныхъ, псарей, ключниковъ, портныхъ, серебрянниковъ, сапожниковъ и прочихъ придворныхъ служителей. Всѣхъ прежнихъ дворцовыхъ стольниковъ, стряпчихъ, дворецкихъ, шатерничихъ, ясельничихъ, чашниковъ, чарошниковъ, замѣнили у него немногіе чиновники, нѣсколько адъютантовъ и опредѣленныхъ для услугъ самому Царю деньщиковъ и слугъ. Можно видѣть

роскошь царскаго Двора до царствованія Петра Великаго изъ того, что на царскихъ конюшняхъ содержалось тогда болѣе 3000 лучшихъ лошадей и 40,000 лошадей рабочихъ; конюшенныхъ царскихъ прислужниковъ было до 600, кухонныхъ болѣе 300, погребныхъ до 300. Каждый день отпускалось съ царской кухни 3000 блюдъ кушанья, и на царскій Дворъ привозили ежегодно по 20,000 берковцовъ рыбы изъ Архангельска, кромѣ 400 бочекъ рыбы изъ Новгорода и рыбныхъ запасовъ изъ Астрахани. Хлѣбнаго вина выходило на царскій Дворъ ежегодно 120,000 ведеръ, и въ двое болѣе того пива и медовъ. Разрушивъ недоступность царской особы, Царь удалилъ отъ дворца многочисленную стражу; оставилъ всѣ прежніе дорогіе царскіе экипажи — ѣздилъ въ маленькой одноколкѣ, съ однимъ деньщикомъ, и часто ходилъ пѣшкомъ одинъ. Уничтоживъ Азіятскій образъ пріема пословъ, изгнавъ царскую стражу и тысячи тунеядцовъ изъ дворца своего, дотолѣ ограждавшихъ царя, какъ

будто недоступною стѣною, Царь позволилъ каждому приходить прямо къ нему во дворецъ, подавать ему лично просьбы всюду, гдѣ только его встрѣтятъ. Самъ онъ читалъ всѣ прошенія, самъ писалъ указы и бумаги, когда до него цари *не подписывали даже граматъ къ другимъ государямъ*. Еще до отъѣзда за границу отмѣнена была старинная форма царскихъ граматъ, посылаемыхъ къ государямъ. Послы иностранные, не дожидаясь торжественныхъ аудіенцій, являлись теперь прямо по пріѣздѣ своемъ къ Царю, иногда подавали ему граматы, не торжественно, не во дворцѣ, но гдѣ нибудь на крѣпостной работѣ, на корабельной верфи, при воинскомъ ученіи. Отмѣнены были всѣ великолѣпные, чинные царскіе обѣды. Царь обѣдалъ запросто, со всѣми безъ различія; приглашалъ къ себѣ всѣхъ, не разбирая чиновъ, на свои простыя, веселыя разгулья; самъ нерѣдко посѣщалъ, не только чиновниковъ, но купцовъ и посадскихъ. Иногда крестилъ онъ дитя у какого

нибудь ремесленника, обѣдалъ съ простымъ мужикомъ, заходилъ выпить рюмку водки къ дьячку, или къ своему любимому солдату. Строго воспрещено было становиться на колѣни при встрѣчѣ съ нимъ и кланяться ему въ землю. Возвращая достоинство человѣка своимъ подданнымъ, Царь запретилъ писаться въ просьбахъ полуименемъ (*Филька*, *Ѳедька*, *Ивашка*). Разрушая такимъ образомъ окрестъ себя тяжелое и грубое великолѣпіе и чинность старины, Царь требовалъ того же отъ вельможъ и чиновниковъ своихъ: бояре уже не смѣли выѣзжать окруженные толпою своихъ холопей, распустили дворню, уничтожили десятки тысячь своихъ псарей, приспѣшниковъ, слугъ. Съ введеніемъ простаго Нѣмецкаго платья исчезли въ одеждѣ золото, драгоцѣнные каменья, дорогіе мѣха, бархаты, все что прежде составляло роскошную принадлежность одѣянія вельможи и богача.

Безпорядокъ въ общественныхъ отношеніяхъ, происходившій отъ произвольнаго пи-

санья разныхъ актовъ, былъ уничтоженъ введеніемъ гербовой бумаги (то есть, бумаги, заклейменной гербомъ царскимъ, съ платою за то въ казну), уничтоженіемъ площадныхъ писцовъ, приказаніемъ писать всѣ акты на установленной гербовой бумагѣ, въ Приказахъ, не довольствуясь, какъ прежде, простымъ свидѣтельствомъ частныхъ лицъ. Уложеніе царя Алексія, содержа въ себѣ только главныя формы судоведенія, и нѣкоторыя уголовныя замѣтки, было недостаточно. Его дополняли безчисленнымъ множествомъ царскихъ указовъ, данныхъ разнымъ Приказамъ, мѣстными обычаями, толкованіями и приложеніями къ прежнимъ рѣшеніямъ. Можно вообразить всю юридическую путаницу, отъ того происходившую, когда въ рѣшеніяхъ дѣлъ соединялись и извѣстные всѣмъ законы, и частные указы царей, и рѣшенія бояръ по Приказамъ и произвольныя истолкованія, если притомъ для обнародованія указовъ и законовъ не было никакой опредѣленной формы и средствъ. Царь

приказалъ собрать всѣ указы, рѣшенія и статьи Приказныя, дополнить ими Уложеніе, привесть ихъ въ порядокъ и издать для руководства судей и народа, напечатавъ сіе *Сводное Уложеніе*, чтобы всѣ знали его и невѣдѣніемъ закона не отзывались. Для рѣшенія дѣлъ по торговлѣ и завѣдыванія городскими сборами учредилъ онъ Ратуши и Магистраты. Купцы были объявлены подсудными избраннымъ изъ среды ихъ *бургомистрамъ* и судьямъ. Въ 1699 году изъ Сибири отправленъ былъ по царскому повелѣнію первый купеческій караванъ въ Пекинъ. Рудознатцы, посланные Царемъ въ Сибирь, открыли тамъ пріиски желѣза и другихъ металловъ, и Царь велѣлъ устроивать заводы. Желая получить болѣе полныя понятія о безграничныхъ пространствахъ Сибирскихъ, онъ велѣлъ составить карту Сибири (въ 1697 г.), какъ уже составлены были тогда по его повелѣнію карты рѣки Дона и Азовскаго моря. Въ 1697 г. Рускіе открыли Камчатку и передали въ Мо-

скву первыя извѣстія о «великомъ царствѣ на морскихъ островахъ океана» — Японіи. — По пріѣздѣ изъ Англіи въ Москву математика Фархварсона, Царь учредилъ училище для изученія чистой и прикладной математики и навигаціи, подъ названіемъ *Навигаторскаго*. Мѣстомъ его назначена была Сухарева башня. Здѣсь положено было прочное начало образованію Русскихъ ученыхъ инженеровъ, сухопутныхъ и морскихъ офицеровъ. Видя чудныя орудія, глобусы, трубы, циркули въ новомъ заведеніи, народъ думалъ, что математики занимаются на Сухаревой башнѣ колдовствомъ, и простолюдины толковали, что тамъ производится проклятое чернокнижіе. Для мѣлкихъ разсчетовъ въ народномъ обращеніи велѣно бить мѣдную монету. Царь вызвалъ въ Москву Нѣмецкихъ актеровъ и разрѣшилъ имъ всенародное представленіе комедій и пантомимъ, въ нарочно выстроенной на Красной Площади *Комедіяльной храминѣ*. Комедіянты позволили себѣ шутку при самомъ началѣ: объ-

явили, что *1-го Апрѣля* будетъ представлено зрѣлище дивное и неожиданное. Примѣромъ своимъ поощряя подданныхъ знакомиться съ чуждыми дотолѣ обычаями, самъ Царь пріѣхалъ посмотрѣть обѣщанныхъ диковинокъ. Открылся занавѣсъ, и на транспарантѣ явилась надпись: *Первое Апрѣля.* «Господа посѣтители должны знать,» объявилъ вышедшій актеръ, «что перваго Апрѣля позволено всѣмъ обманывать. Извините, если мы пользуемся общимъ правомъ —болѣе ничего не будетъ!» —Царь засмѣялся, сказалъ: «Они правы, да только впередъ имъ вѣрить не будутъ—это также общее право!» и уѣхалъ изъ театра. Тогда же, для ознакомленія съдѣлами Европейскими, Царь велѣлъ издавать печатныя вѣдомости, или газеты, обо всѣхъ событіяхъ въ Европѣ и въ другихъ частяхъ свѣта. Съ уничтоженіемъ прежнихъ придворныхъ чиновъ уничтожены были Царемъ и прежнія званія *бояръ*, *окольничихъ*, *стольниковъ*, *думныхъ дворянъ*. Имѣвшіе сіи званія, отставные доживали свой вѣкъ (послѣдній

бояринъ, князь И. Ю. Трубецкой, умеръ въ 1750 году), а вновь жалуемыхъ не было. Старинныя названія и отличія замѣнялись новыми, хотя не было еще заведеннаго, непремѣннаго порядка, и чины и названія зависѣли отъ произвола Царя. Для награды заслугъ, по примѣру другихъ государствъ, вмѣсто медалей и награжденій кафтанами и кубками, Царь учредилъ первый въ Россіи *орденъ св. апостола Андрея,* по преданіямъ, перваго благовѣстника христіанской вѣры въ Кіевѣ. Знакъ сего ордена составило ношеніе *Андреевскаго*, или такъ называвщагося прежде, *Бургундскаго* креста, съ надписью: *За вѣру и вѣрность*, на голубой лентѣ, съ праваго на лѣвое плечо, при звѣздѣ восьмиконечной на лѣвой груди. Статутъ и правила орденскія были утверждены вполнѣ гораздо послѣ начала ордена. Первые два кавалера Андреевскіе были: *Ѳ. А. Головинъ,* по кончинѣ Лефорта пожалованный въ адмиралы, и Малороссійскій гетманъ Мазепа, «за многія въ воинскихъ трудахъ, знат-

ныя, усерднорадѣтельныя и вѣрныя въ теченіе тринадцати лѣтъ противъ Султана Турскаго и Хана Крымскаго службы.»

Еще въ 1698 году былъ произведенъ обыкновенный нарядъ войска на временную службу, и 40,000 человѣкъ составляли въ Бѣлгородѣ армію, приготовленную на защиту предѣловъ Малороссіи отъ Татаръ. Число регулярныхъ полковъ умножалось между тѣмъ наборомъ вольницы и поверстаніемъ многихъ Стрѣльцовъ, и всѣхъ уничтоженныхъ придворныхъ чиновниковъ и служителей въ военную службу. Но въ Августѣ 1699 г. Царь издалъ новое установленіе, положившее основу правильному и постоянному Русскому войску: вмѣсто *временнаго выхода на службу*, опредѣлено набирать людей изъ крестьянъ помѣщичьихъ, духовныхъ и казенныхъ. Они должны были извѣстное число лѣтъ нести безпрерывную военную службу, получая жалованье и содержаніе изъ казны, и по отставкѣ уже не обращались въ прежнее званіе. Тогда явилось въ

Россіи названіе *рекрута*, какъ названы были въ царскомъ указѣ поступавшіе такимъ образомъ въ военную службу люди. Въ первый *рекрутскій наборъ* опредѣлено было взять по одному человѣку съ 30-ти дворовъ у помѣщиковъ 1-й статьи, со 150 дворовъ 2-й статьи, и съ 30-ти дворовъ монастырскихъ крестьянъ. Такимъ образомъ составилось постоянное войско изъ 32,000 рекрутовъ; ихъ раздѣлили на 29-ть конныхъ и пѣшихъ полковъ, образовавшихъ собою три регулярныя дивизіи, подъ начальствомъ генераловъ: *Авт. Мих. Головина*, *Адама Вейде* и *князя А. И. Рѣпнина*. Царь назначилъ всему новому войску одинаковую форму платья, или *мундировъ*: у пѣшихъ были они зеленые, у конныхъ синіе, съ красными отворотами и обшлагами, равно пѣхотѣ и конницѣ. Всѣ *помѣщики* должны были лично поступать въ военную службу, на право владѣнія землями уже *не верстаться* временною службою, но безпрерывно быть за царской службѣ и служить всю жизнь,

пока силы и здоровье позволять. Для приведенія въ порядокъ всѣхъ сихъ новыхъ распоряженій о военномъ устройствѣ Россіи повелѣно было произвесть новую перепись помѣщиковъ и ихъ помѣстьевъ. Строгое взысканіе опредѣлено съ укрывающихся отъ службы.

Сентября 1-го 1698 г. въ *послѣдній* разъ праздновали въ Россіи новый годъ по прежнему старинному обычаю. Царь возсѣдалъ на тронѣ предъ Успенскимъ соборомъ, и по совершеніи всенародно особенной церковной службы, принималъ поздравленія Патріарха, вельможъ и чиновъ. Но, къ изумленію всѣхъ, сего празднества уже не было въ 1699 году, а въ Декабрѣ того года объявленъ царскій указъ, коимъ повелѣно, по примѣру всѣхъ другихъ христіанскихъ государствъ, считать годы *не отъ сотворенія міра*, но *отъ Рождества Христова*, и съ окончаніемъ XVII-го столѣтія начинать, подобно другимъ народамъ, годъ *съ 1-го Января*.

Годомъ ранѣе другихъ Европейскихъ госу-

дарствъ (такъ спѣшилъ всѣми преобразованіями Царь), въ 1700 году, въ Москвѣ привѣтствовали *новый XVIII-й вѣкъ* Русскій Царь и его подданные. Торжество началось въ полночь 1-го Января 1700 года. Объявлено было предварительно о празднованіи *новаго года* и *новаго вѣка*. Колоколъ Ивана Великаго возвѣстилъ начало всенощнаго бдѣнія въ Успенскомъ соборѣ. Служба отправлялась *новолѣтію*. Стефанъ, митрополитъ Рязанскій, поздравилъ Царя, присутствовавшаго въ соборѣ, весь новымъ годомъ. Къ началу литургіи введены были въ Кремль полки, привезены пушки, и многолѣтіе послѣ молебна сопровождалось громомъ выстрѣловъ. Духовенство, послы, бояре, военные и гражданскіе чиновники обѣдали у Царя, сидѣвшаго за столомъ со всѣмъ своимъ семействомъ. Гости явились также съ женами и дочерьми. Народъ пировалъ на площадяхъ, гдѣ выставили ему ѣствы, вино и пиво. За царскимъ столомъ гремѣла музыка и пѣли пѣвчіе. Вечеромъ трои тріум-

фальныя врата, главнѣйшія зданія, церкви и домы богачей и знатныхъ были освѣщены и убраны транспарантами, картинами, вѣтвями сосенъ и елокъ; загорѣлись фейерверки и щиты въ разныхъ частяхъ города; всѣ домы освѣтились плошками; на площадяхъ зажгли смоляныя бочки. Въ Кремлѣ шумѣла безпрерывная пушечная пальба. Царь объѣзжалъ главныя Московскія улицы, поздравлялъ народъ съ новымъ годомъ, и возвратился во дворецъ, гдѣ гости съѣхались уже на балъ и ужинъ и пировали до утра.

Датскій король Христіанъ V-й скончался въ Сентябрѣ 1699 года. Юный сынъ его, Фридрихъ IV-й не только не отказался отъ союза, но убѣждалъ союзниковъ скорѣе приниматься за оружіе, не теряя времени. Какъ ни тайно происходили переговоры, какъ ни скрывали приготовленія свои союзники, Шведы проникли ихъ, и обратились къ Даніи, Пруссіи, Польшѣ и Россіи съ требованіемъ подтвердить прежніе мирные договоры и объяснить при-

чину всеобщихъ вооруженій. Царь Русскій, преобразованія въ Россіи, побѣды надъ Турками, флотъ и новыя войска его возбуждали въ Стокгольмѣ особенное опасеніе. Шведское правительство уклончиво отвѣчало на жалобы Царя о грубомъ и неприличномъ обхожденіи съ нимъ въ Ригѣ, стараясь извинить Далберга. Желая угодить Царю, Шведы прислали ему въ подарокъ 300 чугунныхъ пушекъ. Царь отвѣчалъ ласково, благодарилъ за подарокъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ требовалъ отвѣта яснаго и удовлетворительнаго, возобновилъ жалобы на Рижскаго губернатора, говорилъ о непріязненныхъ поступкахъ Шведскихъ чиновниковъ на границѣ, притѣсненіи ими Русскихъ подданныхъ въ Швеціи и въ Ингерманландіи. Для подробныхъ объясненій явилось въ Москву Шведское посольство, состоявшее изъ канцлера барона Боргенгіельма, чиновниковъ Андерса Линдгіельма и Самуила Гете. Его встрѣтили съ большою почестью, но Царь изъяснилъ посламъ свои требованія

и отказался подтвердить прежніе трактаты. О войнѣ все еще ничего не было упомянуто, но присутствіе при Царскомъ Дворѣ Паткуля, головы коего требовалъ Король Шведскій, могло показать Шведскимъ посламъ намѣренія Царя. Онъ объявилъ кромѣ того, что Шведы должны уступить ему Нарву, или крѣпость въ устьѣ Невы, обнадеживъ Рускихъ въ свободной торговлѣ по Балтійскому морю. Для объясненій въ Швецію посланъ былъ отъ Царя посломъ князь Хилковъ. Переговоры его въ Стокгольмѣ и Шведскихъ пословъ въ Москвѣ только умножили взаимныя неудовольствія и требованія. Шведскіе послы оставили Москву не рѣшивъ споровъ. Впрочемъ, если Шведскіе послы и предвидѣли войну, то не замѣчали тщательно скрываемаго намѣренія начать битвы немедленно. Они не знали, что у Русскаго Царя за *рѣшеніемъ* мгновенно слѣдовало *исполненіе*, а онъ еще *не рѣшался*, ждалъ мира съ Турціею, и отпустивъ Шведскихъ пословъ отправился въ Воронежъ, но

вскорѣ поспѣшилъ оттуда въ Москву, ибо Украинцовъ извѣстилъ его изъ Царьграда о мирѣ съ Турками.

Іюля 3-го подписанъ былъ желанный миръ. Султанъ отказался отъ обладанія Азовомъ, дозволилъ Рускимъ торговлю на Черномъ морѣ, обѣщалъ безопасность Русскимъ странникамъ въ Іерусалимъ, запрещеніе Крымскимъ Татарамъ воевать Россію, и крѣпкое сохраненіе дружбы. Земли по берегу Азовскаго моря, отъ Міюса до Перекопи, и по Днѣпру, отъ Запорожья до Очакова, положено оставить незаселенными. Почесть оказана была Русскому послу необычайная. Съ царскою ратификаціею мира поѣхалъ въ Царьградъ князь Д. М. Голицынъ.

Когда еще недоумѣвали въ Москвѣ будетъ ли война съ Шведами, грозная война сія уже началась. Датчане первые взялись за оружіе и вошли въ Голштинію. Августъ съ Саксонцами немедленно вступилъ въ Лифляндію; Русскіе полки выступали изъ Москвы. Суевѣ

ріе предвѣщало, что война *будетъ непремѣнно и будетъ кровопролитная.* Предвѣщанія выводили изъ того, что солнце *гибло на небесахъ*; что въ день пріѣзда Шведскихъ пословъ въ Москву ужасный пожаръ опустошилъ столицу (выгорѣло до 5,000 домовъ), и наконецъ, что когда давали фейерверкъ пи угощеніи ихъ, по неосторожности фейервер ѳровъ отъ ракетъ загорѣлся домъ, и сильный огонь былъ остановленъ только присутствіемъ Царя, работавшаго лично при потушеніи пожара.

Августа 14-го Царь праздновалъ ь Мос вѣ *заключеніе мира съ Турками,* а 19-г Августа, торжественнымъ чтеніемъ манифест царскаго въ Успенскомъ соборѣ, *объявлена война Шведскому Королю.* Августа 22-го Царь выступилъ изъ Москвы съ тремя полками, Преображенскимъ, Семеновскимъ и Бутырскимъ, оставилъ ихъ на дорогѣ и поспѣшно поскакалъ въ Новгородъ. Граматами его объявлено было всѣмъ иностраннымъ государямъ о началѣ

войны, причинахъ ея, и о томъ, что Царь готовъ примириться, если Швеція удовлетворитъ за обиды въ Ригѣ посольству царскому, уступитъ притомъ Россіи Нарву, и окажетъ также удовлетвореніе союзникамъ Царя, Королю Датскому и Королю Польскому, въ ихъ справедливыхъ требованіяхъ. Князю Хилкову велѣно было оставить Стокгольмъ, а Шведскому Резиденту выѣхать изъ Москвы.

Кто предрекъ бы тогда, что начинается непримиримая *двадцати-лѣтняя* борьба, въ коей Король Шведскій, изумивъ свѣтъ мужествомъ, падетъ побѣжденный, и съ нимъ навсегда падетъ величіе Швеціи; что огонь войны сей обниметъ весь сѣверъ, и въ немъ сгоритъ слава Швеціи; что побѣдивъ Данію и Польшу, низложивъ одного короля, возведя на его мѣсто другаго, устрашивъ Европу грознымъ мечемъ своимъ, потомокъ Густава Адольфа будетъ искать спасенія въ степяхъ Бессарабіи, и явится оттуда бѣглецомъ, умереть на снѣгахъ Норвегіи! И кто же долженствовалъ

быть его побѣдителемъ? Толпы нестройныхъ воиновъ Царя, коихъ уничтожалъ, презиралъ герой Шведскій, побѣждая старинные, искусные въ брани дружины другихъ Европейскихъ государей! Но исторія Петра Великаго —*лѣтопись чудесъ*!

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

